

Журнал зарегистрирован Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Южному федеральному округу. Свидетельство о регистрации ПИ №ТУ23-01556.

Журнал включён в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК Министерства образования и науки РФ (01.12.2015 г.) по группе научных специальностей 08.00.00 – экономические науки.

Зарегистрирован в системе Российского Индекса Научного Цитирования (РИНЦ). Подписной индекс в каталоге «Почта России» — П2920.

Статьи рецензируются.

Учредитель и издатель:

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Редакционный совет:

В.В. Гаврилов, д-р экон. наук, профессор, профессор кафедры финансов и кредита ФГБОУ ВПО «Воронежский государственный университет» (г. Воронеж, Россия);

Н.Г. Кузнецов, д-р экон. наук, профессор, проректор по учебной работе, зав. кафедрой экономической теории ФГБОУ ВПО «Ростовский государственный экономический университет» (г. Ростов-на-Дону, Россия);

Е.Л. Логинов, д-р экон. наук, зам. директора по науке ФГБУН «Институт проблем рынка РАН» (г. Москва, Россия);

И.А. Перонко, д-р экон. наук, профессор, заслуженный экономист Кубани; заслуженный экономист РФ; советник губернатора Краснодарского края (г. Краснодар, Россия);

Л.С. Шаховская, д-р экон. наук, профессор, зав. кафедрой мировой экономики и экономической теории ФГБОУ ВПО «Волгоградский государственный технический университет» (г. Волгоград, Россия);

Э. Бояр, д-р экон. наук, профессор Люблинского технологического университета (г. Люблин, Польша);

Хартмут Задек, д-р техн. наук, профессор, директор института логистики Университета «Отто фон Гюрике» (г. Магдебург, Германия);

А.А. Задоя, д-р экон. наук, профессор, проректор Университета им. А. Нобеля (г. Днепрпетровск, Украина);

Александр Фигус, д-р полит. наук, профессор университета Link Campus (г. Рим, Италия);

Ракель Перейра, д-р экон. наук, профессор, директор программы бакалавриата по международной торговле факультета бухгалтерского учёта и администрирования Политехнического университета (г. Порто, Португалия)

Главный редактор:

И.В. Шевченко, д-р экон. наук, профессор

Зам. главного редактора:

Ю.Н. Александрин, канд. экон. наук, доцент

М.В. Плешакова, канд. экон. наук, доцент

Е.М. Егорова, канд. экон. наук, доцент

Ответственный секретарь:

А.К. Кочиева, канд. экон. наук, доцент

Редакционная коллегия:

Е.Н. Александрова, канд. экон. наук, доцент

Д.Г. Бондарев, канд. экон. наук

А.А. Воронов, д-р экон. наук

Л.А. Воронина, д-р экон. наук, профессор

Г.Г. Вукович, д-р экон. наук, профессор

Ж.Д. Дармилова, д-р экон. наук, профессор

Л.Н. Дробышевская, д-р экон. наук, профессор

Л.И. Егорова, д-р экон. наук, профессор

А.А. Кизим, д-р экон. наук, профессор

М.Е. Листопад, д-р экон. наук, доцент

К.О. Литвинский, канд. экон. наук, доцент

В.И. Милета, канд. экон. наук, доцент

О.В. Никулина, д-р экон. наук, доцент

Корректор: *Е.С. Кошпетрук*

Вёрстка: *А.М. Иваненко*

Адрес редакции и издателя журнала:

350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149, ауд. 236

тел. (861) 219-95-53; e-mail: econ_tp@mail.ru

http://econ.kubsu.ru/econtp.html

Подписано в печать 07.09.2020. Дата выхода в свет 17.09.2020.

Печать цифровая. Формат 60x84 1/8. Уч.-изд. л. 13,0.

Тираж 500. Свободная цена. Заказ № 4234.

Отпечатано в издательско-полиграфическом центре

Кубанского государственного университета

350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149,

тел. (861)219-95-51

© Кубанский государственный университет, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

Шевченко И.В., Тололина А.Б.

Исследование мировой выставочной отрасли: тренды и тенденции развития 3

Васильева М.В., Рожкова А.Ю., Наумова Е.Н.

Подходы к реализации совместных научных исследований на евразийском пространстве: теоретико-методологический, организационный и правовой аспекты10

ОТРАСЛЕВАЯ ЭКОНОМИКА

Рюмина Е.В.

Южные регионы России: социально-экономический анализ качественных характеристик населения19

Клименко Л.В., Ермишина А.В., Будаев П.Е.

Динамика экономических установок молодежи Юга России в контексте интеграции полиэтнического региона ...27

ИННОВАЦИОННАЯ ЭКОНОМИКА

Сапир Е.В., Карачев И.А.

Индустриальные парки в России и за рубежом: концепция и модели управления32

Александрин Ю.Н., Горбова Ю.В.

Бизнес-акселераторы в инфраструктуре поддержки малого инновационного бизнеса: современные тренды и перспективы развития в РФ40

ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА

Никулина О.В., Петросян С.А.

Повышение конкурентоспособности участников международной торговли на основе цифровой трансформации деятельности51

Родин А.В., Будко А.С.

Методические подходы к оценке величины IT-ценности цифрового продукта60

ИНВЕСТИЦИИ

Веселов Д.С., Горецкая Е.О., Канцалиева Л.А.

Анализ притока прямых иностранных инвестиций в экономику РФ67

КОРПОРАТИВНЫЙ МЕНЕДЖМЕНТ

Лымарева О.А., Беленцова Ю.Н., Лымарев М.А.

Теоретико-категориальный подход к изучению мотивационной системы управления персоналом73

МАРКЕТИНГ

Егорова Е.М., Вальчук П.А., Беспалых А.В., Киви С.С.

Динамично развивающиеся рынки: перспективы современных тенденций и последствия для бизнес-процессов79

ЛОГИСТИКА

Глушиц Н.Г., Логинова Т.П., Удалова Н.А., Удалов А.С.

Современное состояние транспортной инфраструктуры российской экономики85

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Бондаренко Е.В.

Бизнес-планирование малых предприятий: теория и практика 93

ABSTRACT

..... 97

УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ

..... 108

The Journal is registered by the Federal service for supervision in the sphere of communications, information technology and mass communications of the Southern federal district. Registration certificate PI №TU23-01556. The scientific and practical journal is included in the List of peer-reviewed scientific publications of the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation (01.12.2015) on the group of scientific specialties 08.00.00 — economics. Subscription Index — П2920.

The articles are reviewed

Founder and Publisher:

The state institution of higher education «Kuban State University»

Editorial Board:

V. V. Gavrilov, Doctor of Economic Sciences, Professor of Finance and Credit Department of Voronezh State University (Voronezh, Russia);
N. G. Kuznetsov, Doctor of Economic Sciences, Pro-Rector for Academic Affairs, Head of Economic Theory Department of Rostov State Economic University (Rostov-on-Don, Russia);
E. L. Loginov, Doctor of Economic Sciences, deputy, Director of Science FGBUN «Institute of Market Problems, RAS» (Moscow, Russia);
I. A. Peronko, Doctor of Economic Sciences, Professor, Honored Economist of the Kuban, Honored Economist of the Russian Federation, Adviser of Governor of Krasnodar Region (Krasnodar, Russia);
L. S. Shakhovskaya, Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of World Economy and Economic Theory Department of Volgograd State Technical University (Volgograd, Russia);
E. Bojar, Doctor of Economic Sciences, Professor Lublin University of Technology (Lublin, Poland);
Alessandro Figus, PhD of Political Sciences, Professor, Link Campus University of Roma (Italy);
Hartmut Zadek, Doctor of Technical Sciences, Professor, Director of Institute Logistics, University «Otto von Guericke» (Magdeburg, Germany);
Zadaya Anatolii, Doctor of Economics, Professor, First Vice-Rector of Alfred Nobel University (Dnepropetrovsk, Ukraine);
Raquel Pereira, PhD in Economics, Professor, Program Director of International Trade Bachelor Degree Program, School of Accounting and Administration in the Polytechnic Institute (Porto, Portugal)

Editor:

I.V. Shevchenko, Doctor of Economic Sciences, Professor

Deputy Editor in Chief:

Yu.N. Aleksandrin, Ph. D. in Economics, Associate Professor
M.V. Pleshakova, Ph. D. in Economics, Associate Professor
E.M. Egorova, Ph.D. in Economics, Associate Professor

Executive Secretary:

A.K. Kochieva, Ph. D. in Economics, Associate Professor

Editorial Board:

E.N. Aleksandrova, Ph. D. in Economics, Associate Professor
D.G. Bondarev, Ph. D. in Economics
J.D. Darmilova, Doctor of Economic Sciences, Professor
L.N. Drobyshevskaya, Doctor of Economic Sciences, Professor
L.I. Egorova, Doctor of Economic Sciences, Professor
A.A. Kizim, Doctor of Economic Sciences, Professor
M.E. Listopad, Doctor of Economic Sciences, Associate Professor
K.O. Litvinsky, Ph. D. in Economics, Associate Professor
V.I. Mileta, Ph. D. in Economics, Associate Professor
O.V. Nikulina, Doctor of Economic Sciences, Associate Professor
L.A. Voronina, Doctor of Economic Sciences, Professor
A.A. Voronov, Doctor of Economic Sciences
G.G. Vukovich, Doctor of Economic Sciences, Professor

Corrector: E.S. Koshpetruk

Print layout: A.M. Ivanenko

Address editorial and magazine publisher:

350040, Stavropolskaya Str., 149, Krasnodar, r. 236.
tel. (861) 219-95-53; e-mail: econ_tp@mail.ru
<http://econ.kubsu.ru/econtp.html>
Copy deadline 07.09.2020. Digital printing.
Format 60 x 84 1/8. A.p.l. 13.0. Run of 500. Free price.
Publishing and printing center Kuban State University
350040, Stavropolskaya Str., 149, Krasnodar.
tel. (861) 219-95-51.

© Kuban State University, 2020.

WORLD ECONOMY

Shevchenko I.V., Tololina A.B.

The analysis of the global exhibition market: trends and development tendencies 3
Vasilieva M.V., Rozhkova A.Yu., Naumova E.N.
Approaches to the implementation of joint scientific researches in the eurasian space: theoretical and methodological, organizational and legal aspects10

BRANCH ECONOMY

Ryumina E.V.

Southern regions of russia: socio-economic analysis of population quality characteristics19
Klimenko L.V., Ermishina A.V., Budaev P.E.
Economic attitudes dynamics of young adults in Southern Russia in the context of multi-ethnic region integration27

INNOVATIVE ECONOMY

Sapir E.V., Karachev I.A.

Industrial parks in Russia and abroad: concept and management models32
Aleksandrin Yu. N., Gorbova Yu. V.
Business accelerators in the infrastructure for supporting small innovative businesses: modern trends and development prospects in the Russian Federation40

DIGITAL ECONOMY

Nikulina O.V., Petrosyan S.A.

Improving the competitiveness of international trade participants on the basis of digital transformation activities ...51
Rodin A.V., Budko A.S.
Methodological approaches to estimating the IT-value significance of a digital product60

INVESTMENTS

Veselov D.S., Goretskaya E.O., Kantsalieva L.A.

Analysis of foreign direct investments inflows into the economy of the Russian Federation67

CORPORATE MANAGEMENT

Lymareva O.A., Belentsova Y.N., Lymarev M.A.

Theoretical and categorial approach to studying the motivational personnel management system73

MARKETING

Egorova, E.M., Valchuk P.A., Bepalykh A.V., Kivi S.S.

Dynamically developing markets: prospects for modern trends and implications for business processes79

LOGISTICS

Glushich N.G., Loginova T.P., Udalova N.A., Udalov A.S.

Current state of the russian economy's transport infrastructure85

SCIENTIFIC LIFE

Bondarenko E.V.

Business-planning of small business: theory and practice 93

ABSTRACT97

CONDITIONS OF PUBLICATIONS 108

ИССЛЕДОВАНИЕ МИРОВОЙ ВЫСТАВОЧНОЙ ОТРАСЛИ: ТРЕНДЫ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

*И.В. ШЕВЧЕНКО, доктор экономических наук, профессор, декан экономического факультета, Кубанский государственный университет
e-mail: decan@econ.kubsu.ru*

*А.Б. ТОЛОЛИНА, преподаватель кафедры мировой экономики и менеджмента, Кубанский государственный университет
e-mail: katryukhina@gmail.com*

Аннотация

В данной статье рассматривается вопрос о месте выставочной отрасли в системе мирохозяйственных связей. Статья является подробным исследованием перспектив, прогнозов и трендов развития отрасли. Приведены и проанализированы общие информационные и статистические данные о состоянии развития отрасли, составлен перечень существующих тенденций и трендов, выделены наиболее важные проблемы и ключевые факторы развития отрасли.

Ключевые слова: мировой выставочный рынок, выставочно-ярмарочная деятельность (ВЯД), перспективы выставочной отрасли, прогноз рынка выставок и ярмарок, тенденции развития мировой выставочной отрасли.

В XX в. произошла фактически полная трансформация характера выставок. В начале прошлого столетия всемирные выставки являлись демонстрацией достижений науки и промышленности. Постепенно они были дополнены представлением гуманитарного мировоззрения, а к концу века фактически переросли в «стратегическую форму продвижения имиджа страны и развития глобальных гуманитарных инициатив» [2].

Глобализация и технический прогресс привели к смене парадигмы во всех сферах жизни. Изменилось мышление и мировосприятие, отношение к окружающей среде, произошла смена парадигмы потребления.

В связи с этим является очень важным и актуальным вопрос о месте выставочной отрасли в системе мирохозяйственных связей, который рассматривается в данной статье.

Понимание взаимосвязи между актуальной динамикой и процессами глобальной экономики, её тенденциями, проблемами и вызовами и развитием выставочной индустрии даёт возможность предприятиям отрасли соответствующе реагировать и быть конкурентоспособными в новых экономических условиях.

Для выставочно-ярмарочной отрасли с приходом глобализации началась новая веха развития отрасли, её активный рост. Для предприятий отрасли одной из главных задач стало выстраивание верной стратегии деятельности в условиях постоянно меняющейся экономической среды. Рынок стал глобальным, появились новые возможности и новые риски, которые необходимо учитывать для принятия верных решений.

Отслеживание трендов и скачков роста экономики как на глобальном, так и на национальном уровне позволяет компаниям адаптировать свой стратегический курс в нужном направлении. Кроме того, скорость реакции выставочных компаний на запросы, требования и предпочтения экспонентов и посетителей на сегодняшний день определяет, насколько эффективно будет работать их бизнес. Соответственно, предприятиям индустрии необходимо постоянно получать обратную связь и отслеживать состояние рынка. Это возможно сделать с помощью информационных отчётов, исследований и сценариев, публикуемых исследовательскими агентствами, а также через коллаборацию с отраслевыми ассоциациями и экспертами отрасли.

Целью данной статьи является определение места выставочной отрасли в системе

мирохозяйственных связей и зависимости динамики развития отрасли от изменений глобального рынка, а также выявление определенных ключевых тенденций, трендов, проблем, вызовов и драйверов роста мировой выставочной индустрии.

Для достижения указанной цели авторами были выбраны методы описания и сравнения общих информационных и статистических данных из различных источников о состоянии развития отрасли, а также метод анализа этих данных для составления перечня существующих тенденций и трендов, выделения наиболее важных проблем и ключевых факторов развития отрасли, а также построения оценочного рейтинга стран — драйверов роста.

Выставочный рынок сегодня является глобальным, и этот факт так или иначе требует изменений в политике и тактике как государственных институтов, так и всех остальных участников выставочной индустрии.

Ежегодно AMR International выпускает сборник данных о глобальном выставочном рынке «Globex. Глобальный выставочный рынок: оценка и прогноз», в котором содержится информация о состоянии мирового рынка выставок и его показателях, а также оценка перспектив и прогноз развития. По прогнозу, опубликованному в десятом выпуске «Globex 2018» до 2022 г. на рынке ожидаемый совокупный ежегодный темп роста (CAGR) отрасли составит 5 %. Это даже более оптимистичный прогноз по сравнению с «Globex 2017», в котором предполагается рост на 4 % ежегодно до 2021 г.

В исследовании «Globex 2018» анализируются данные рынков 20 стран: США, Китай, Великобритания, Германии, Франции, Италии, Бразилии, ССАГПЗ, России, Гонконга, Турции, Мексики, Индии, Индонезии, Сингапура, Таиланда, Малайзии, Вьетнама, Макао и Филиппин. Особенно высокие показатели роста показывают развивающиеся страны, в то время как страны с уже зрелой выставочной отраслью развиваются за счёт улучшения макроэкономической среды. По результатам исследования второе место на

глобальном выставочном рынке после лидера США занимает Китай. Китай вышел на эту позицию благодаря своей быстрорастущей экономике. Продолжается экспансия выставочных компаний в быстрорастущие развивающиеся рынки Индии, Мексики, Индонезии. Для участников отрасли на данный момент этот путь развития является одним из самых эффективных. Это объясняется изменением мирового ландшафта экономических сил [10].

По результатам «Globex 2018» в большинстве стран с развитой экономикой пройден порог докризисного уровня развития, но некоторые рынки до сих пор не показывают активного роста. К примеру, российский рынок после долгого периода регресса начал расти через увеличение объёмов. Рынок Бразилии на данный момент ещё не преодолел экономические проблемы. Изменение вектора развития в положительную сторону зависит от предстоящих выборов, которые определяют политический и макроэкономический курс страны [3].

Взаимосвязь развития выставочной отрасли и экономики в целом можно чётко проследить по исследованию CEIR — Центра исследования выставочной индустрии США. CEIR отслеживает и публикует данные о развитии рынка выставок B2B формата в США в ежегодном отчёте CEIR Index Report [5]. Кроме того, ежеквартально публикуется динамика развития ключевых показателей отрасли: производительность отрасли в целом, измеряемая суммарным индексом CEIR Total Index, чистая площадь, количество участников, реальные доходы (номинальные доходы, скорректированные с учётом инфляции), число экспонентов. По мнению экспертов CEIR, 2018 г. стал первым после Великой рецессии, когда выставочная отрасль в США наконец достигла своих докризисных показателей. Суммарный индекс Total Index достиг отметки 109,0 и превысил предыдущий пик, который составлял 107,6 в 2007 г. По прогнозу CEIR на 2019 г. рост показателей отрасли продолжится, но в умеренном темпе. Это связано с прогнозом развития мировой эконо-

мики в целом, которая остаётся стабильной и в чём-то даже будет прогрессировать в 2019 меньше, чем в 2018 г.

Актуальные показатели производительности отрасли составляют 2,0 % за 2017 г. и 1,9 % за 2018 г. по результатам исследования. На графике ниже приведена динамика роста выставочной отрасли в сравнении с уровнем ВВП США за 10 лет с 2008 по 2018 г. (рис. 1) [10]. Данный график наглядно демонстрирует, насколько сильно взаимосвязаны показатели макроэкономической эффективности страны и развитие выставочной отрасли. Экономические проблемы часто сопровождаются дефицитом денежной массы, который в свою очередь негативно отражается на объёме инвестиций и потребления. Эта закономерность работает и наоборот. Соответственно, можно говорить о том, что динамика роста ВВП отражается на динамике развития выставочной отрасли, но только с отсроченным эффектом. Данный временной лаг реагирования объясняется тем, что выставочные мероприятия обычно планируются за год или иной период, который соответствует циклу обновления производимой продукции [1].

Помимо развития внутреннего валового

продукта на показатели эффективности развития выставочной отрасли влияет динамика экспорта. О том, что именно развивающиеся экономики становятся активными игроками мировой выставочно-ярмарочной отрасли, говорится в отчёте по исследованию выставочного рынка компании Research And Markets. В данном отчёте весь мировой рынок также условно разделён на два сегмента: сегмент развитых стран со зрелой экономикой и сегмент стран с развивающейся экономикой. Первый занимает 77 % доли мирового выставочного рынка. В странах этого сегмента выставки важны для узнаваемости бренда компаний и демонстрации их активного присутствия на рынке. Отмечается, что участие в выставках даёт долгосрочный положительный эффект, который отражается в результатах годовой деятельности компаний, и является эффективным инструментом для обратной связи с потребителями. Во втором сегменте стран выставочная деятельность помогает стимулировать промышленность и экономику посредством трансфера технологий, даёт увеличение притока иностранных инвестиций в инфраструктуру и производство данных стран. Все эти процессы положительно сказываются на

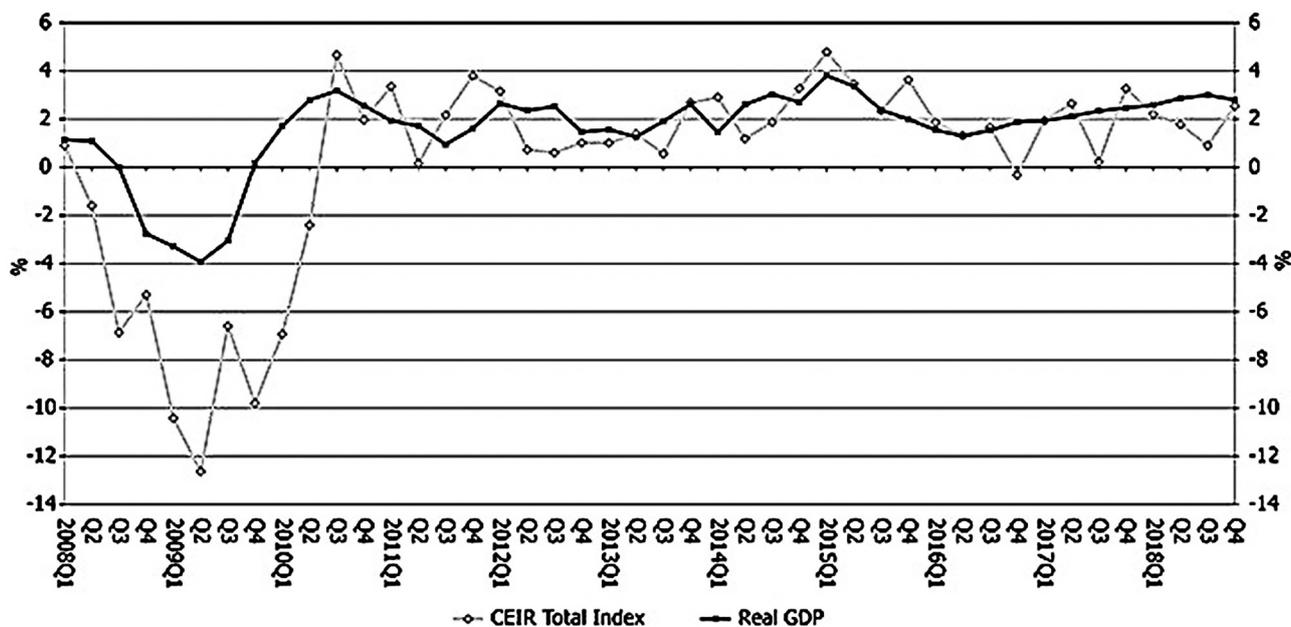

Рис. 1. Ежеквартальный суммарный индекс выставочной индустрии CEIR Total Index в сравнении с ежеквартальными показателями роста ВВП США с первого квартала 2008 г. по четвёртый квартал 2018 г. [10]

объёме бюджетных поступлений и развитии малого и среднего бизнеса.

Среднегодовой прогнозируемый рост мирового выставочного рынка (CAGR) составит к 2023 г. 4,88 %, а общий объём рынка составит 36,35 млрд дол. Как указано выше, по информации в «Globex», в 2016 г. этот показатель был равен 25,3 млрд дол. США. Соответственно, рынок за 7 лет вырастет почти на треть.

По прогнозу страны Азиатско-Тихоокеанского региона, а именно Китай, Индия и Гонконг, будут иметь самый высокий совокупный годовой темп роста (CAGR), который достигнет 7 % к 2023 г. Эти рынки стали новым потенциалом для отрасли, источником активной динамики и роста. Для сравнения данный коэффициент в прогнозе для Северной Америки составит всего 4 %. В полный список стран для проведения данного исследования входят: США, Канада, Германия, Франция, Великобритания, Китай, Гонконг, Индия, Бразилия, Мексика, ССАПГЗ [4].

Тенденция роста выставочной отрасли в странах Юго-Восточной Азии также отмечена в комментарии Дианы Гиневой, редактора «Globex» в 2017 г.: «Несмотря на относительно небольшие размеры, страны Юго-Восточной Азии в целом имеют быстрые темпы роста, как правило, быстрее, чем ВВП, благодаря экономическому росту, увеличению регионального торгового потока и внутреннего спроса, а также значительной поддержке правительствами местных конгрессных и выставочных бюро» [1]. Особенно востребованными будут выставки B2B формата как инструмент живой коммуникации для стимулирования развития бизнеса и промышленности данных стран [10].

Вьетнам, Филиппины и Таиланд также являются привлекательными выставочными рынками, но на данный момент ограничены в выставочных площадях. Этот факт пока препятствует активному прогрессу отрасли [5].

Одним из самых полных аналитических отчётов, содержащих прогнозы и итоги деятельности выставочной отрасли, является «Global Exhibition Barometer» Всемирной ас-

социации выставок и ярмарок UFI. С 2009 г. UFI два раза в год выпускает исследование прогноза рынка на основании данных, полученных от региональных отраслевых ассоциаций. В январе 2019 г. вышел 22-й выпуск отчёта, в котором представлена репрезентативные результаты на основании ответов 302 предприятий отрасли из 53 стран. Географическая сегментация в отчёте состоит из четырёх регионов: Европа, Азиатско-Тихоокеанский регион, Северная/Южная Америка, Африка / Ближний Восток.

По результатам исследования второй половины 2018 г. большинство опрошенных компаний из всех четырёх регионов заявили об ожидании увеличения валового оборота. Особенно активную динамику роста ожидают в странах Азиатско-Тихоокеанского региона, Африки и Ближнего Востока [7]. В предыдущем 21-м выпуске отчёта отмечено, что предприятия всех четырёх географических сегментов ожидают рост во второй половине 2018 г. Это первый за последние 10 лет, в которые выходит отчёт UFI, такой положительный прогноз и ожидание позитивной динамики показателей валового оборота во всех странах [6, 8—9, 11].

Анализ операционной прибыли показал хороший уровень производительности у 80 % респондентов, из них 30—40% предприятий заявили об увеличении прибыли в 2018 г. на более чем 10 %, по сравнению с 2017 г. Больше всего компаний с такими показателями роста находится в Мексике (62 %), Италии (56), Великобритании (55) и Индонезии (50 %). Внизу этого списка расположены Австралия (18 %), Россия (17), Макао (10) и США (8 %).

Снижение или потерю прибыли отмечают респонденты из отдельных стран следующих географических сегментов: Центральная и Южная Америка (27 % компаний из Бразилии и 35 % из остальных стран региона), 27 % предприятий стран Азиатско-Тихоокеанского региона (кроме Австралии, Китая, Индии, Индонезии, Японии, Макао и Таиланда), 25 % компаний из стран Ближнего Востока и 23 % из Германии и Японии.

Динамику и прогноз экспансии в новые страны можно проследить по ответам респондентов Барометра UFI на вопрос, будут ли они продолжать деятельность в стране нахождения или планируют выход на рынки других стран. Среди всех опрошенных 4 из 10 стран настроены на расширение деятельности в новых государствах. Ниже на рис. 2 обозначены полученные по результатам опроса детальные результаты — стратегические приоритеты деятельности компаний по географическому признаку. Большинство компаний из стран Африки / Ближнего Востока и Азиатско-Тихоокеанского региона настроены на продолжение деятельности на тех рынках, на которых они работают. Это говорит о наличии достаточного потенциала для роста на рынках стран данных регионов и ещё раз подтверждает прогнозы, о которых говорится выше. По сравнению с прошлым годом произошёл рост количества компаний из Европы и Америки, которые хотят выходить на рынки новых стран. Среди европейских компаний этот показатель вырос на 12 % и составил на начало 2019 г. 51 %, среди американских — на 11 % и достиг 41 %.

Отвечая на этот же вопрос для «Global Barometer», большинство компаний из всех трёх основных сфер выставочной деятельно-

сти — организатор, выставочная площадка и сервис-провайдер, сделали выбор в пользу продолжения деятельности в тех странах, где они работают в настоящий момент. При этом 42 % компаний-организаторов, 36 % выставочных площадок и 40 % сервис-провайдеров рассматривают возможность начать работать в новых странах.

Выставочная отрасль является зеркалом мировой экономики и отражает актуальные тенденции и тренды развития. Позиция стран на мировом рынке, уровень макроэкономических показателей, таких как динамика ВВП и экспорта, уровень государственного долга и инвестиций — всё это напрямую отражается в показателях роста выставочно-ярмарочной отрасли, а также сценариях будущего и прогнозах развития отрасли.

Американские и европейские компании отмечают значительное влияние цифровизации на выставочный бизнес. Рынки данных географических сегментов являются зрелыми, поэтому рост может быть достигнут за счёт инноваций, в частности — цифровых. Для развивающихся стран важнее фактор конкуренции внутри отрасли. Это объясняется активным ростом за счёт экспансии на эти рынки компаний из стран с развитой экономикой. Процент европейских компаний, пла-

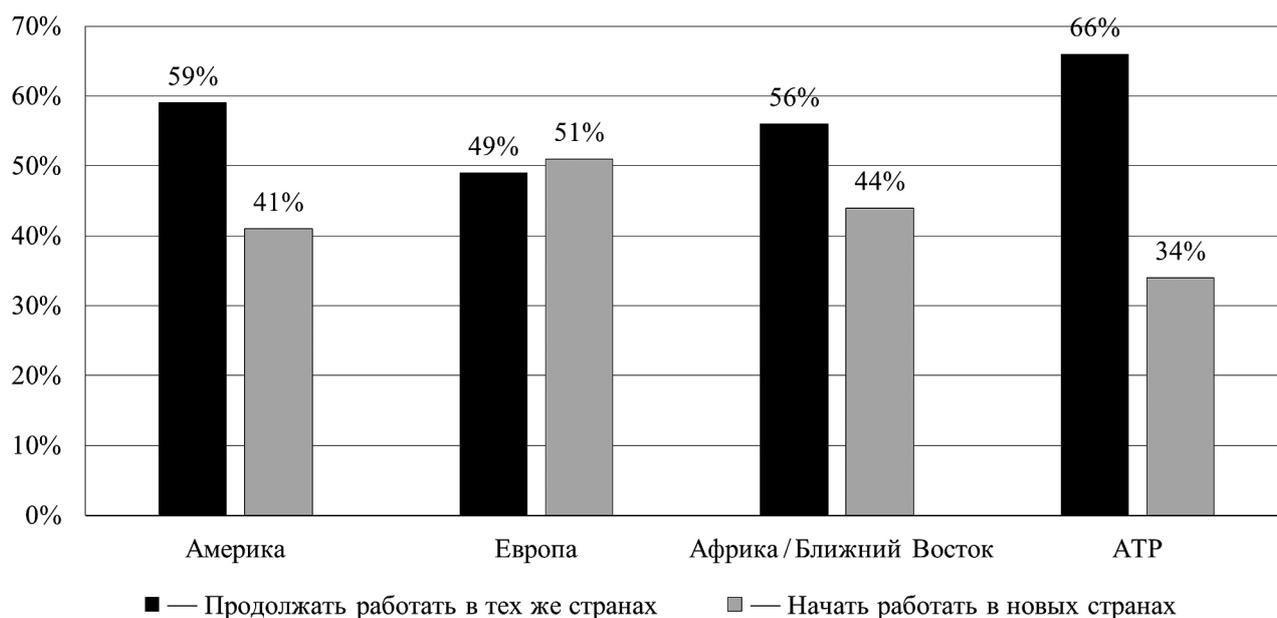

Рис. 2. Стратегические приоритеты выставочных компаний по географии деятельности [7]

нирующих выход на новые рынки, составил в 2018 г. 51 %, что на 12 % больше, чем в предыдущем, в Америке это число выросло за год (с 2017 к 2018 г.) с 30 до 41 %.

Особенно высоким потенциалом роста обладают страны Азиатско-Тихоокеанского региона и по всем прогнозам будут иметь самую высокую динамику развития в ближайшие пять лет. Активная работа местных правительств и поддержка отраслевых ассоциаций создаёт благоприятные условия для развития ВЯД. *Vice versa*, выставочная деятельность стимулирует развитие инфраструктуры и промышленности и увеличивает объём иностранных инвестиций в экономики данных стран, что положительно сказывается на финансировании государственного бюджета.

Основными характеристиками и тенденциями развития отрасли можно считать:

– рост отраслевых рынков в странах с развивающейся экономикой за счёт прогресса национальных экономик в Азиатско-Тихоокеанском регионе, Африке, Ближнем Востоке и Центральной Америке;

– экспансию выставочных компаний из «зрелых» рынков в активно развивающиеся страны;

– расширение выставочных площадей и улучшение инфраструктуры существующих центров, в том числе инвестиции в цифровизацию и безопасность выставочных мероприятий;

– консолидацию и поддержку участников отрасли на новых рынках в развивающихся странах через активную деятельность отраслевых ассоциаций;

– рост важности инвестиций в человеческий капитал и инновации;

– требование для выставочных компаний пристального внимания к колебаниям национальной экономики и политики, а также быстрой реакции на обратную связь и потребности экспонентов и посетителей отрасли.

Исходя из всего сказанного участникам мировой выставочной отрасли необходимо очень пристально следить за изменениями факторов, влияющих на отрасль в целом как на глобальном, так и на национальном уров-

не. Особенно важно осознавать тесную взаимосвязь с хозяйственными процессами, формами, политическим курсом и динамикой рынка. Общее состояние экономики, а также состояние её отдельных отраслей отражается на всех процессах выставочной индустрии. Соответственно, отслеживание колебаний и изменений является первостепенной задачей для выбора правильной стратегии развития выставочной компании и корректировки её портфолио мероприятий.

Библиографический список

1. Куликова С. Мировой рынок выставочных услуг // Мир выставок. 2013. №58. URL: <http://www.mirvistavok.ru/2013-11-01/2781-mirovoj-rynok-vystavochnyh-uslug.html> (дата обращения: 25.03.2019).

2. Садовничая А.В. Выставочно-ярмарочная деятельность как эффективная организационная форма реализации стратегических интересов государства. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/vystavочно-yarmarochnaya-deyatelnost-kak-effektivnaya-organizatsionnaya-forma-realizatsii-strategicheskikh-interesov-gosudarstva> (дата обращения: 25.03.2020).

3. Center for Exhibition Industry Research 2018. CEIR Index Report. URL: <https://www.ceir.org/2018-index> (дата обращения 25.03.2020).

4. Global Exhibitions Market Outlook and Forecasts 2018—2023. URL: <https://www.researchandmarkets.com/research/gstgzc/global?w=12> (дата обращения 20.03.2020).

5. Globex 2018: Global exhibitions market forecast to grow 5% to 2022. URL: <https://www.amrinternational.com/globex-2018-global-exhibitions-market-forecast-to-grow-5-to-2022/> (дата обращения 25.03.2020).

6. Grushov A. Two main trends of global exhibition industry. URL: <https://www.expoclub.ru/press/37189/> (дата обращения 25.03.2020).

7. Insights. 2018 Global Economic Significance of Business Events. URL: <https://insights.eventscouncil.org/Full-Article/ArtMID/398/ArticleID/1445/2018-Global-Economic-Significance-of-Business-Events> (дата обращения: 02.05.2020).

8. The World in 2050 — Summary report. PWC. URL: <https://www.pwc.com/gx/en/world-2050/assets/pwc-world-in-2050-summary-report-feb-2017>.

pdf (дата обращения 20.03.2020).

9. UFI Global Exhibition Barometer. The 21st edition. URL: https://www.ufi.org/wp-content/uploads/2018/07/21st_UFI_Global_Barometer_july2018.pdf (дата обращения 23.03.2020).

10. UFI Global Exhibition Barometer. The 22nd edition. URL: <https://www.ufi.org/wp-content/up->

[loads/2019/02/22nd_UFI_Global_Barometer_January_2019.pdf](https://www.ufi.org/wp-content/uploads/2019/02/22nd_UFI_Global_Barometer_January_2019.pdf) (дата обращения 22.03.2020).

11. World Map of Exhibition Venues. 2017 Edition. Revised December 2018. URL: https://www.ufi.org/wp-content/uploads/2018/12/UFi_World_Map_of_Venues_2017_revDec18.pdf (дата обращения 25.03.2020).

ПОДХОДЫ К РЕАЛИЗАЦИИ СОВМЕСТНЫХ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ НА ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ, ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ И ПРАВОВОЙ АСПЕКТЫ

*М.В. ВАСИЛЬЕВА, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономической безопасности и правозащитной деятельности, Псковский государственный университет
e-mail: solndolina@yandex.ru*

*А.Ю. РОЖКОВА, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса, Псковский государственный университет
e-mail: annroz80@yandex.ru*

*Е.Н. НАУМОВА, кандидат экономических наук, и. о. заведующего кафедрой экономической безопасности и правозащитной деятельности, Псковский государственный университет
e-mail: naumova-elena-19@mail.com*

Аннотация

В статье описаны методы и подходы к организации совместных (международных) научных исследований в целях эффективной систематизации таких элементов, как объекты, модели, экспертная оценка в достижении участниками, странами — партнёрами ЕАЭС интеграционных научных результатов. Обозначены примеры конструкции совместных научных исследований (СНИ) в контексте правовых аспектов, возможных для реализации силами научно-исследовательских групп из стран Евразии в условиях гармонизации норм научного диалога.

Ключевые слова: организационно-правовые формы, организация совместных научных исследований, конструкция исследований, гармонизация норм, научное международное сотрудничество.

Начало XXI в. определило новый тренд: инерционное развитие больше невозможно, и 2020 г. в этом смысле завершает цикл прежнего, уже неработающего механизма международных отношений. В источнике [6] указывается, что «внешними» проблемами развития стран Евразии являются: снижение темпов мирового роста, политические конфликты (РФ — США; США — Китай), «ядерные» кризисы (Иран — США), рост технологических преимуществ отдельных стран. Авторы обращают внимание на интеграционные процессы, которые на евразийском континенте

могут стать ключевой силой развития и реализации общих проектов.

Значительная часть исследований посвящена проблемам и перспективам отдельных интеграционных объединений (союзов, «дискуссионных площадок» и пр.) [7, 12, 19, 23, 26]. Среди проблем выделяют: асимметрию власти, слабость наднациональных бюрократических аппаратов, волю элит к самостоятельности, развитие кризисов в мировой экономике. В данном аспекте следует указать проблемы, рассматриваемые в источнике [9, с. 11—12; 48—49], а именно падение сырьевых котировок, риски волатильности фондовых рынков и завершение смягчающей монетарной политики США, что неблагоприятно сказывается и на странах — участницах ЕАЭС.

Анализ трудов учёных и специалистов-практиков в области систематизации общих проблем и решений стран Евразии показал, что их исследования носят разрозненный характер. Актуально рассмотрение подходов организации и ведения исследований в целях эффективного планирования, распределения зон ответственности и достижения участниками (странами — партнёрами ЕАЭС) научных целей. Получение отдельных внутренних и интеграционных научных результатов и их применение на уровне Евразийского пространства повышает единый организационный потенциал.

Новизна предлагаемых в статье положений заключается в применимости представленных конструкций совместных научных исследований, обеспечивающих единство методологии, подходов и технологических средств, на этапе преднаучного поиска и организации научного сотрудничества с привлечением участников из стран ЕАЭС в единое научное сообщество интеграционного решения (далее — ЕНОИР) для приумножения научного вклада. На уровне гармонизации правовых норм уместно законодательное закрепление единых требований к участникам ЕНОИР, установление его правового статуса как возможно зарегистрированного (или сертифицированного, или основанного на Соглашении) члена в целях получения им доступа к научным, правовым, технологическим ресурсам в исследовании, внедрении и реализации научных проектов в обмен на обязательства научного вклада.

По организационным свойствам ЕНОИР может иметь:

– корпоративную организацию в целях правового обеспечения авторских и иных прав, а также разрешения научных споров;

– отраслевую специализацию научной деятельности, где участники по зонам ответственности осуществляют выпуск интеллектуального промежуточного, например, научно-внедренческого типа и/или конечного продукта под реализацию;

– кооперирование с привлечением в научные проекты государственных деятелей и представителей бизнес-сообщества в рамках международных программ (например, Программы Фулбрайта, Хьюберта, LAUNCH — Глобальная открытая инновационная платформа, Программы Фонда технической информации и пр.) за счёт удовлетворения их спроса на обновление производственных и технологических концептов, а также продвижения коммерческих идей в укрупнённые сетевые общества потребителей.

Представляется, что указанные положения позволяют раскрыть новый подход в организации научного сотрудничества.

Далее целесообразно обозначить конст-

рукцию исследований в контексте правовых аспектов организации совместных научных исследований. В частности, интерес представляют общие вопросы правового регулирования и организационно-правовые формы совместных научных исследований. Вопросы организации и ведения совместных исследований с позиции норм интеграционного права актуальны в силу цифровой трансформации научных диалогов и внедрения искусственного интеллекта. Усиление интернациональности трансфера научно-информационных потоков приводит к необходимости пересмотра всей системы норм по защите авторских прав и результатов интеллектуальной деятельности. Представим ниже наглядные примеры конструкции исследований, потенциально возможных к реализации силами научно-исследовательских групп из стран Евразии.

Особенности и проблемы совместных научных исследований на территории ЕАЭС

Целью исследования может служить выявление трендов, особенностей развития организационных форм международного научного сотрудничества стран — членов ЕАЭС.

Задачи исследования:

– анализ динамики действующих организационных подходов межгосударственных интеграционных объединений (на примере ЕАЭС, ЕС и отдельных научных сообществ) при выявлении преимуществ и недостатков;

– анализ норм российского и международного права в определении порядка проведения международных научных исследований;

– толкование правового статуса научных интеграционных форм (например, консорциумы, центры, лаборатории, хабы, хакспейсы) и отдельных участников МНИ;

– выявление перспектив по усовершенствованию гармонизации правовых норм и выбору организационных подходов в организации международных научных исследований научных сообществ стран ЕАЭС.

Научная новизна подобного исследования может заключаться в систематизации

факторов развития научного сотрудничества на межгосударственном уровне в условиях виртуализации научного трансфера в применении электронных платформ на основе сетевой кооперации и проектных решений.

Общим вопросам правового инструментария в регулировании интернациональных научных объединений посвящены труды авторов: К.А. Бежашева, И.Н. Царькова, Е.Г. Моисеева, Т.Я. Хабриевой. В частности, рассматривались вопросы гармонизации правовой системы России в условиях международной интеграции [32, с. 10], в том числе в Азиатско-Тихоокеанском регионе [31, с. 15].

В свою очередь, Л.М. Энтин, М.Л. Энтин и К.А. Бежашев обозначали фундаментальные основы [2, с. 30] определения правового положения интеграционных объединений в целях гармонизации правовых норм.

Вопросам создания единого правового пространства для интеграционных союзов (ЕС, ЕАЭС) в области становления интеграционных научных проектов посвящены научные работы П.А. Калинин и Е.Г. Моисеева. В частности, авторы рассматривали проблему [19, с. 35] достижения научного партнёрства [13, с. 61] стран — членов ЕАЭС.

Авторами В.Н. Кузьминым, Е.А. Илюхиной, Л.Г. Воронцовкой, С.В. Мелояном в ходе правового анализа в области регулирования научных исследований (далее — НИР) стран — членов ЕАЭС выявлены предпосылки унификации норм регулирования и функционирования единого рынка услуг НИР благодаря развитию Фонда науки и Фонда инноваций [16, с. 216].

Также Д.А. Курочкиным произведён правовой анализ создания единого рынка услуг по организации научных исследований на уровне ЕАЭС. Детально исследовано правовое положение интеграционных соглашений как объектов международного права, выступающих в качестве правил единого рынка трансграничных научных проектов [17, с. 333].

Организационным аспектам СНИ именно сетевого решения посвящены диссертации С.В. Сенцова [29] и Е.К. Нечаевой [22]. Авто-

рами предложена модель устойчивого научного сотрудничества, а также оптимизации и развития научных процессов в решении социально-экономических проблем на национальном и международном уровнях.

Формам научного сотрудничества посвящены труды О.В. Буториной, К.Г. Борисова, С.А. Каленова, Г.В. Петрова, В.В. Еремина, Б.З. Цанава, Ю.В. Ихонкина, Л.М. Гохберга, Д.Ф. Рутко, содержащие описание процессов с организационно-правовой позиции, а также экономического эффекта. В частности, обозначены правовые формы научного [4, с. 86] и государственно-частного партнёрства, проектные формы НИР [11, с. 289] в рамках интеграционного права ЕАЭС [10, с. 40; 23, с. 30] для достижения экономического эффекта [27, с. 75—77] цифровой экономики [14, с. 56].

При этом значительный вклад в определение факторов [37, с. 103—104, 108—111] интеграционных форм научного сотрудничества, а также в решение вопросов формирования научных лабораторий, кластеров на принципах коллаборации, кооперации и сетевого решения в условиях 5G внесён трудами И.Г. Дежиной.

В целом, представляет существенный научный интерес в определение организации и форм, требующих гармонизации правовых регуляторов СНИ. Имеющийся отечественный опыт СНИ более выражен на межгосударственном уровне, чем на уровне отдельных научных сообществ разных областей исследований. Потенциал СНИ наблюдается в таких областях, как: атомная энергетика, ядерные технологии, экономическая безопасность и защита конкуренции, предпринимательская деятельность и рынок услуг, налогообложение и таможенное дело. Разработки совместных научных проектов обусловлены запуском научных точек роста (makerpace, hubs, huxspace) в регионах России: Екатеринбург — Хакспейс MakeItLab, Казань — Хакерспейс на базе технопарка «Навигатор кампус», Москва - Хакспейс Neuron, Тверь — Genesis Hackspace, Санкт-Петербург — «Академия Хакспейс» [28].

Далее рассмотрим научные методы, позво-

ляющие обосновать объективность и полноту искомым положений.

Для выявления трендов научной интеграции применим метод систематизации и классификации принципов, общих и специальных признаков, обобщения полученных результатов; статический метод в выявлении динамики индикаторов научной результативности и экономического эффекта (доли ВВП).

Для выявления коллизий по гармонизации правовых норм применима правовая аналогия и анализ.

Сравнительный анализ позволит установить преимущества и недостатки подходов организации МНС на уровне научных сообществ стран — членов ЕАЭС.

Для осуществления правового анализа норм российского и международного права в определении порядка проведения МНС применимы технико-юридический и формально-логический методы, которые позволяют раскрыть правовую природу дефиниций и категорий, в том числе правовой статус, правовой режим МНС и др.

В раскрытии этимологии дефиниций (например, консорциумов, центров, лабораторий, хабов, хакспейсов и пр.) применим формально-логический метод.

Применим метод толкования права — при раскрытии правовой природы дефиниций и их признаков (правовой статус, организационно-правовая форма, права и обязанности, обязательственные права) субъектов научных интеграционных форм частных и публичных правоотношений.

Правовое моделирование позволит выявить перспективы по выбору подходов и способов усовершенствования гармонизации правовых норм по организации СНИ стран ЕАЭС.

В качестве ожидаемых результатов могут быть:

- классификация принципов гармонизации правовых норм, принципов выбора организационных подходов и принципов виртуализации научного трансфера;

- систематизация целевых индикаторов научной результативности и экономического эффекта;

- установление общих и специальных признаков правового статуса в целях наделения специальных прав субъектам, в том числе для защиты результатов интеллектуальной деятельности;

- уточнение правового статуса субъектов, правового режима объектов СНИ стран ЕАЭС;

- оптимальный выбор системы организационных и правовых подходов функционирования научных сообществ.

Прикладная значимость планируется в апробации полученных результатов исследования при подготовке рекомендательных резолюций, экспертных заключений.

Организационно-правовые формы международных научных исследований: правовые аспекты в пространстве ЕАЭС

Тема содержит тот же состав подходов и методов, однако служит неотъемлемым дополнением к раскрытию вопросов о субъектах совместных научных исследований. К категориям СНИ отнесём правовой статус научных работников (исследователей), правовой режим и защиту результатов научной деятельности с позиции гармонизации норм на уровне Евразийского пространства.

Цель исследования определяется выявлением коллизий и перспектив по гармонизации норм формирования сетевых (цифровых) правоотношений научных направлений стран — членов ЕАЭС.

Задачи исследования:

- выявление правопорядка реализации научно-исследовательской инфраструктуры международного научного сотрудничества;

- анализ правового статуса субъектов научных сообществ стран — членов ЕАЭС и объектов научно-исследовательской инфраструктуры;

- сравнительный анализ корпоративных правоотношений субъектов и перспективы формирования сетевых (цифровых) правоотношений: общие и специальные признаки;

- выявление перспектив по гармонизации правовых норм и выбор единого пакета под-

ходов и способов организации научных сообществ стран ЕАЭС.

Новизной исследования может выступать оптимальный инструментальный формирование сетевых (цифровых) правоотношений на разных уровнях в условиях виртуализации научного пространства.

О.И. Пименова [24, с. 77] раскрывает вопрос о моделях правовой интеграции. Правовая интеграция как фактор становления единого порядка СНИ и обеспечения исследовательской инфраструктуры стран ЕАЭС обеспечивает конвенционную модель. Данная модель, включающая отдельные правовые и судебные акты, выражена императивом решений с учётом правомерности и имплементации единого (интеграционного) правопорядка по обеспечению и защите авторских прав субъектов.

В целях выбора подходов и способов, экономической оценки при разработке совместных научных проектов и программ значимо понимание исследовательской инфраструктуры на основе опыта российского и передовых стран.

Я.С. Кожеуровым и Э.С. Теймуровым проведён правовой анализ [15, с. 131] нормативных актов, программных документов и доктринальных источников о международном признании категории «глобальная исследовательская инфраструктура — мегасайнс». Определена исследовательская инфраструктура, включающая её физический, финансовый и технологический составляющие, как основной инструмент международной научной коллаборации.

В продолжение обсуждения вопросов, связанных с правовым регулированием реализации проектов исследовательской инфраструктурой «мегасайнс» на международном уровне (ITER, FAIR, CERN) и в России (ПИК, НИКА, ИССИ-4, СКИФ), посвящены работы Д.М. Мошковой [20, с. 35] и Д.Л. Лозовского, О.В. Болтинова [3, с. 40].

На основе анализа норм российского права (положений законопроекта «О научной, научно-технической и инновационной деятельности в Российской Федерации») М.В. Сот-

никовой [30, с. 27] раскрывается правовая природа объектов исследовательской инфраструктуры (научное оборудование, научная коллекция, уникальная научная установка, центр коллективного пользования, установка класса «мегасайнс», фонд поддержки научной деятельности и др.). Согласно указанному законопроекту интернет-портал «Научно-технологическая инфраструктура Российской Федерации» [21] оснащён коллективными научными установками в целях веб-мониторинга российских организаций. За период 2016—2018 гг. наблюдается рост среднего количества организаций-пользователей [14, с. 425], где фактическая загрузка оборудования центров достигла 85 %.

А.О. Четвериковым проведено исследование по вопросам исследовательских инфраструктур для функционирования «мегасайнс» в формах транснациональных и наднациональных юридических лиц, международных консорциумов без статуса юридического лица, а также европейских консорциумов [34, с. 36—38].

Т.В. Чеченкиной исследована организация деятельности центров коллективного пользования научным оборудованием в зарубежных странах (США, Германии, Великобритании и Франции). На основе выявленных проблем (снижение объёмов государственной финансовой поддержки; недоукомплектованность квалифицированными научными и управленческими кадрами, низкая маркетинговая и предпринимательская активность) обоснован выбор перспективных подходов и методов управления, финансирования и кадровой политики [35, с. 83, 90—92].

При формировании программ совместных международных исследований важно активное применение информационно-коммуникационных технологий в условиях цифровой экономики в целях усиления форм и методов научных коммуникаций [25].

О принципах сетевого и платформенного подхода академических сообществ говорили Г.А. Смирнов, В.И. Тищенко, Т.И. Жукова, А.А. Лисютин, Д.А. Кафлик, М.А. Ширай [8, с. 120—139].

В целом, обзор современного состояния позволяет выявить, что правовое регулирование организационно-правовых форм субъектов СНИ стран ЕАЭС находится на стадии становления.

Ожидаемые результаты:

- классификация общих и специальных правовых признаков СНИ;
- уточнение правового режима научно-исследовательской инфраструктуры и её объектов;
- установление общих и специальных признаков правового статуса субъектов научных сообществ;
- выявление перспектив формирования сетевых (цифровых) правоотношений субъектов СНИ стран ЕАЭС;
- оптимальный выбор инструментария организационных и правовых подходов организации научных сообществ стран — членов ЕАЭС.

Разработка инструментария оценки результатов международных научных проектов

Целью исследования можно считать систематизацию теоретических и практических подходов построения моделей, оценки экономической эффективности международных научных проектов.

Задачи исследования:

- рассмотреть признаки международных проектов, реализуемых в научном секторе, описать принципы и условия их реализации;
- охарактеризовать существующие модели оценки экономической эффективности проектов;
- отобрать существенные элементы моделей оценки эффективности проектов;
- обосновать возможность включения новых элементов в модель оценки эффективности проектов с учётом их реализации в международной научной сфере.

Новизна предлагаемого исследования определяется необходимостью разработки модели, которая позволит оценить эффективность реализуемых совместных между-

народных научных проектов. Считаем, что новизной можно будет назвать наличие концептуально инновационного подхода в рамках реализации международных научных проектов в пространстве Евразии, обеспечивающего оценку эффективности процессов создания и деятельности международных научных коллективов в решении проблем и достижении общих целей развития территории.

Представим обзор научной разработанности заявленной проблематики. С развитием международного информационного обмена все более актуальным становится вопрос о выборе эффективного инструментария для оценки результатов научных проектов. В данном направлении развития методологии в основном рассматриваются и предлагаются методики оценки экономической и социальной эффективности проектов. Здесь существует достаточно обширное информационное поле, в котором выделяются исследования учёных: в области оценки экономической эффективности проектов — В.М. Аньшина «Системный подход в управлении трансформационными программами» [1, с. 3—20]; П.Л. Виленского, В.Н. Лившица, С.А. Смоляка «Оценка эффективности инвестиционных проектов. Теория и практика» [5, с. 56—59]; А.М. Маликовой «Структура системы принципов оценки эффективности инвестиционных проектов в Республике Казахстан» [18]; И.Н. Царькова «Исследование эффективности методов оптимизации проекта с ограниченными ресурсами» [33, с. 10].

Специфика международной грантовой деятельности исследовалась И.Г. Дежиной [37, с. 104]; М.А. Юревичем, В.А. Малаховым, Д.С. Аушкалом «Мировой опыт взаимодействия с учёными-соотечественниками: уроки для России» [36, с. 688—698].

На основании изученных методологий построения моделей считаем, что методы систематизации объектов применимы к международным научным проектам как к промежуточному объекту исследования, а также к моделям оценки эффективности; анализ существенных элементов, их признаков и условий использования моделей оценки эф-

фактивности; отбор значимых элементов моделей; экспертная оценка по включению элементов модели.

Ожидаемыми результатами можно считать сформированную систему потенциально «активных» элементов создаваемой модели оценки экономической эффективности.

Научной значимостью ожидаемых результатов можно считать рекомендации по включению в формируемую модель оценки эффективности международных научных проектов отдельных элементов, которые смогут её раскрывать.

Прикладная значимость ожидаемых результатов может быть связана с возможностью оценки эффективности деятельности международных научных коллективов по определённым критериям, которые непосредственно позволят определить вклад конкретного проекта в развитие экономики территории государств — участников научного проекта.

Таким образом, интерес к проведению совместных научных исследований имеет ярко выраженную тенденцию к ускорению. Основными мотивами этого процесса являются желание достижения синергетического эффекта от использования объединённых ресурсов (финансовых, творческих, технических, институциональных и др.).

Анализ литературы, касающейся практики и проблем ведения совместной научной деятельности, позволил выявить несколько проблемных сфер: правовое регулирование ведения совместных научных исследований, получения и использования совместного научного продукта; организационное построение деятельности исследовательской команды и использование научно-исследовательской инфраструктуры, формирование совместных этических норм исследовательской деятельности. С нашей точки зрения, актуальной является разработка методологии экономической эффективности совместного научно-исследовательского проекта. Такая методология способна, с одной стороны, чётко показать, насколько полученный результат превосходит осуществлённые научные затра-

ты, а с другой — оценить и результаты, и затраты каждого участника исследовательского проекта.

Библиографический список

1. *Аньшин В.М.* Системный подход в управлении трансформационными программами в компании // *Российский журнал управления проектами.* 2016. Т. 5, № 2. С. 3—20.
2. *Бекяшев К.А.* Правовой статус Евразийского экономического сообщества // *Евразийский юридический журнал.* 2012. № 11 (54). С. 28—35.
3. *Болтинова О.В., Арзуманова Л.Л.* Правовое регулирование мегасайнс-проектов в России // *Актуальные проблемы российского права.* 2019. № 7 (104). С. 39—42.
4. *Борисов К.Г.* Правовые формы партнёрства Европейского Союза в сфере коммуникаций и информационных услуг // *Московский журнал международного права.* 1998, № 2. С. 84—110.
5. *Виленский П.Л., Лившиц В.Н., Смоляк С.А.* Оценка эффективности инвестиционных проектов. Теория и практика; 2-е изд., перераб. и доп. М., 2002.
6. *Винокуров Е., Либман А.* Презентация «Евразийская континентальная интеграция. СПб., 2012. URL: https://eabr.org/upload/iblock/564/vinokurov_evraziyskaya-kontinentalnaya-integratsiya.pdf.
7. *Винокуров Е., Либман А.* Региональные организации: типы и логика развития. URL: <https://docviewer.yandex.ru/view/> (дата обращения: 02.05.2020).
8. Выявление приоритетных научных направлений: междисциплинарный подход / отв. ред. И.Я. Кобринская, В.И. Тищенко. М., 2016.
9. Евразийская интеграция: истоки, проблемы, перспективы: коллективная монография. Т. 1. СПб., 2017.
10. *Еремин В.В., Ихонкина Ю.В., Цанова Б.З.* Перспективы создания единого правового пространства для реализации проектов государственно-частного партнёрства в рамках ЕАЭС // *Отечественная юриспруденция.* 2016. № 7 (9). С. 38—43.
11. Индикаторы цифровой экономики: 2019: статистический сборник / Г.И. Абдрахманова [и др.]. М., 2019.
12. *Каленова С. А., Нурпеисова А.А.* Наиболее эффективные модели государственного регулирования в условиях ЕАЭС // *Большая Евразия:*

развитие, безопасность, сотрудничество: сб. М., 2019. С. 55—58.

13. *Калиниченко П.А.* Правовые достижения стратегического партнёрства // Право и государство: теория и практика. 2009. № 11. С. 56—72.

14. *Калюжный К.А.* Мониторинг деятельности российских центров коллективного пользования научным оборудованием и уникальных научных установок за 2018 год // Управление наукой и наукометрия. 2019. Вып. 14, № 3. С. 425—458.

15. *Кожеуров Я.С., Теймуров Э.С.* Понятие, признаки и правовая природа глобальной исследовательской инфраструктуры // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 9 (106). С. 130—141.

16. *Кузьмин В.Н., Илюхина Е.А., Воронцовская Л.Г., Мелоян С.В.* Развитие единого рынка услуг научно-исследовательских работ в Евразийском экономическом союзе // Экономика науки. 2019. Вып. 5, № 3. С. 215—229.

17. *Курочкин Д.А.* Проблемы правового регулирования сектора услуг по проведению научно-исследовательских работ в евразийском экономическом союзе // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2019. Вып. 10, № 2. С. 332—352.

18. *Маликова А.М.* Структура системы принципов оценки эффективности инвестиционных проектов в Республике Казахстан // Экономические науки 9. Экономика промышленности. URL: http://www.rusnauka.com/21_NNP_2010/Economics/70734.doc.htm (дата обращения: 02.05.2020).

19. *Моисеев Е.Г.* Правовые проблемы сотрудничества стран СНГ в научно-технической сфере // Российский ежегодник международного права. 2009. СПб., 2010. С. 199—206.

20. *Мошкова Д.М., Лозовский Д.Л.* Правовые аспекты реализации мегасайнс-проектов // Вестник университета имени О.Е. Кутафина. 2019. № 7 (59). С. 34—41.

21. Научно-технологическая инфраструктура Российской Федерации. Центры коллективного пользования научным оборудованием и уникальные научные установки. URL: <http://ckp-rf.ru>.

22. *Нечаева Е.К.* Правовое регулирование научных исследований и технологического развития в рамках региональных интеграционных организаций (на примере Европейского Союза и Евразийского экономического союза): Дис. ... канд. юр. наук. М., 2017.

23. *Петрова Г.В.* Формирование интеграци-

онного права ЕАЭС в условиях глобализации и регионализации экономических процессов и макроэкономический эффект унификации и гармонизации законодательства государств — членов ЕАЭС // Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право. 2017. Вып. 3, № 12. С. 28—40.

24. *Пименова О.И.* Правовая интеграция в Европейском союзе и Евразийском экономическом союзе: сравнительный анализ // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2019. Вып. 14, № 1. С. 76—93.

25. *Покотыло М.В.* Проблемы и перспективы развития научных коммуникаций в России // Филологический аспект. 2018. № 1 (33). С. 151—161.

26. Понятие проектов класса «Мегасайнс» на примере установок ИТЭР и ФАИР // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 5 (102). С. 205—213.

27. *Рутко Д.Ф.* Основные показатели, тенденции и проблемы развития инновационной деятельности в странах Евразийского экономического союза // Экономический вестник университета: сб. науч. тр. учён. и аспирант. 2019. № 42. С. 70—80.

28. Сайты: <http://www.makeitlab.ru>, <http://hackspsb.ru>, <http://navigator-campus.com>.

29. *Сенцов С.В.* Трансформация международного научно-технического сотрудничества в условиях глобализации и предпосылки интеграции в него России: дис. ... канд. экон. наук. М., 2006.

30. *Сотникова М.В.* Проект закона о науке: некоторые аспекты регулирования научной и инновационной инфраструктуры // Управление наукой и наукометрия. 2018. № 4 (30). С. 24—39.

31. *Хабриева Т.Я.* Введение // Глобализация и интеграционные процессы в Азиатско-Тихоокеанском регионе (правовое и экономическое исследование): монография / под ред. акад. РАН Т.Я. Хабриевой. М., 2014. С. 12—17.

32. *Хабриева Т.Я.* Гармонизация правовой системы РФ в условиях международной интеграции: вызовы современности // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2014. № 1. С. 4—15.

33. *Царьков И.Н.* Исследование эффективности методов оптимизации проекта с ограниченными ресурсами. Научные исследования и разработки // Российский журнал управления проектами. 2013. Ч. 2, № 4. С. 3—13.

34. *Четвериков А.О.* Организационно-право-

вые формы большой науки (мегасайнс) в условиях международной интеграции: сравнительное исследование // Юридическая наука. 2018. № 2. Ч. 2. С. 34—50.

35. Чеченкина Т.В. Центры коллективного пользования в развитых странах мира: проблемы и перспективы // Управление наукой и наукометрия. 2017. № 1 (23). С. 80—101.

36. Юревич М.А., Малахов В.А., Аушкар Д.С. Мировой опыт взаимодействия с учёными-соотечественниками: уроки для России // Вестник РАН. 2019. Т. 89, № 7. С. 688—698.

37. Dezhina I.G. Russian-French Scientific Collaboration: Approaches and Mutual Attitudes // Sociology of Science and Technology. 2018. Vol. 9, № 1. P. 101—115.

ЮЖНЫЕ РЕГИОНЫ РОССИИ: СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КАЧЕСТВЕННЫХ ХАРАКТЕРИСТИК НАСЕЛЕНИЯ

*Е.В. РЮМИНА, доктор экономических наук, профессор,
Институт социально-экономических проблем народонаселения ФНИСЦ РАН
e-mail: ryum50@mail.ru*

Аннотация

Повышение качественных характеристик населения является задачей и индикатором развития общества. Выработку стратегических принципов её решения существенно облегчает группировка регионов по критериям качества населения. На основе ранее выработанной типологии изучаются кластеры с южными регионами. Анализ их общих черт и различий послужил выявлению основных факторов, формирующих качественные характеристики населения: экономического, географического и культурного (национальные традиции образа жизни).

Ключевые слова: *качественные характеристики населения, качество жизни, социоэкономический анализ, регионы, региональная экономика.*

В результате исследования качественных характеристик населения всех российских регионов был построен ряд группировок субъектов федерации по этому признаку [4]. Оказалось, что, несмотря на порою существенные различия в критериях проведения кластерного анализа, во всех выработанных типологиях стойко присутствует одна и та же группа, состоящая из трёх северокавказских республик — Дагестана, Ингушетии и Чечни. Этот факт удивляет тем, что неочевидны существенные отличия этих республик от многих других регионов Южного и Северо-Кавказского федеральных округов. В данной статье проводится более подробный анализ субъектов федерации, входящих в эти два округа, для того чтобы, во-первых, удостовериться в наличии оснований для выделения в особую группу трёх названных республик и, во-вторых, изучить остальные южные регионы.

Будет исследована типология регионов, выработанная по 4 показателям качества населения: 1) естественный прирост населения, ‰; 2) ожидаемая продолжительность жизни при рождении (число лет); 3) доля населения старше 15 лет с высшим и средним специальным образованием, ‰; 4) контингенты пациентов с алкоголизмом и наркоманией (человек на 100 000 человек населения) и 3 показателям качества жизни населения: а) среднедушевые денежные доходы с учётом индекса стоимости жизни, р. в месяц; б) уровень бедности, ‰ населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума в общей численности населения; в) уровень общей безработицы, ‰ численности безработных от численности рабочей силы [4].

Отметим, что понятие качества населения мы отождествляем с понятием человеческого потенциала. Аргументы, обосновывающие эту теоретическую предпосылку, можно найти в статьях А.А. Федотова [8—9].

Регионы Южного и Северо-Кавказского федеральных округов распределились в типологии [4] по трём кластерам: отдельную группу II составили три республики: Дагестан, Ингушетия, Чеченская Республика, отдельную группу IV — 11 регионов, а Краснодарский край вошёл в группу VI вместе с 11 регионами ЦФО, двумя регионами ПФО и одним регионом СЗФО. Информация по каждому региону ЮФО и СКФО представлена в табл. 1.

Табл. 1 со всей очевидностью демонстрирует сильное отличие регионов группы II от всех остальных регионов ЮФО и СКФО по рассматриваемым четырём качественным ха-

Таблица 1

Показатели качества населения и качества жизни в южных регионах в 2018 г.

Регион	Естественный прирост, %	Продолжительность жизни, лет	Образование, %	Алкоголизм и наркомания, на 100000 чел.	Денежные доходы, р. в мес.	Уровень бедности, %	Уровень безработицы, %
Республика Дагестан	10,8	78,69	56,9	367,2	28 302	14,7	11,6
Республика Ингушетия	13,2	82,41	66,4	57,5	17 380	30,4	26,3
Чеченская Республика	16,3	75,43	43,3	291,6	23 197	20,5	13,7
В среднем по группе II	13,4	78,84	55,5	238,8	22 960	21,9	17,2
<i>Южный федеральный округ</i>							
Республика Адыгея	-2,4	73,56	75,4	1573,2	29 949	12,8	8,6
Республика Калмыкия	1,4	73,84	80,5	850,2	18 368	23,6	9,7
Республика Крым	-3,5	72,22	76,7	1287,8	21 963	17,3	6,0
Астраханская область	-0,05	73,48	80,8	721,8	26 011	15,1	7,5
Волгоградская область	-3,9	73,47	79,4	660,6	25 348	13,4	5,6
Ростовская область	-3,8	73,21	75,2	1164,3	29 689	13,2	5,1
г. Севастополь	-2,7	73,63	86,0	723,3	30 352	10,8	4,2
<i>Северо-Кавказский федеральный округ</i>							
Кабардино-Балкарская Республика	4,4	76,28	68,7	776,3	22 346	24,2	10,4
Карачаево-Черкесская Республик	1,7	76,09	76,3	880,2	19 001	22,9	12,0
Республика Северная Осетия — Алания	2,9	75,68	83,0	750,8	26 146	14,0	10,3
Ставропольский край	-0,5	74,18	75,1	944,4	23 886	13,9	5,0
В среднем по группе IV	-0,6	74,15	77,9	939,3	24 823	16,5	7,7
Краснодарский край	-0,5	74,30	72,1	426,8	33 050	10,5	5,2
В среднем по России	-1,6	72,91	79,2	971,5	33 178	12,6	4,8

Источники [2, 6].

рактикам населения. Показатели трёх из них (Дагестан, Ингушетия и Чечня) намного лучше, чем в остальных южных регионах, а уровень образования, наоборот, намного ниже. По приведённым в табл. 1 показателям качества жизни в группе II исключительным регионом можно назвать только Республику Ингушетия, в которой более низкие среднелюдиные денежные доходы и намного выше уровни бедности и безработицы, чем во всех южных регионах. В то же время Республика Дагестан и Чеченская Республика по экономическим показателям имеют аналоги среди регионов группы IV.

Удостоверившись в достаточности аргументов в пользу выделения трёх северокавказских республик в отдельную, специфическую

группу по качественным характеристикам населения, перейдём к анализу остальных южных регионов.

Сначала исследуем основания для исключения из группы IV Краснодарского края и отнесения его к группе VI, в которой преобладают южные регионы Центрального федерального округа (Белгородская, Воронежская, Калужская, Костромская, Курская, Липецкая, Московская, Орловская, Рязанская, Тамбовская, Тульская, Ленинградская области, Краснодарский край, Республика Татарстан, Нижегородская область) [4].

По естественному приросту населения и продолжительности жизни Краснодарский край почти соответствует средним по группе IV показателям. При этом существенно усту-

падет среднему значению уровня образования: если в группе IV, состоящей из большинства южных регионов, доля лиц с высшим и средним специальным образованием составляет 77,9 %, то в Краснодарском крае — лишь 72,1 %. И, наоборот, в Краснодарском крае значительно лучше ситуация с алкоголизмом и наркоманией: 426,8 чел. на 100 тыс. населения против 939,3 чел. в среднем по группе IV, причём минимальное значение в этой группе также выше — 723,3 чел. в г. Севастополь.

Намного лучше в Краснодарском крае, в сравнении со всеми остальными регионами ЮФО и СКФО, экономические показатели качества жизни. Среднедушевые денежные доходы в крае составляют 33050 р./мес., тогда как минимум наблюдается в Республике Ингушетия (17 380), а максимум — в Севастополе (30 352 р./мес.). Также в Краснодарском крае наименьший уровень бедности (10,5 %), а по безработице (5,2 %) лучше показатели только в Севастополе (4,2 %), Ставропольском крае (5,0) и Ростовской области (5,1 %).

Таким образом, все показатели по Краснодарскому краю лучше, чем в среднем по группе IV, за исключением уровня образования. Если сравнить качественные характеристики населения Краснодарского края со средними по стране, то здесь обнаруживается такая же картина: все показатели лучше, кроме доли лиц с высшим и средним специальным образованием.

Теперь перейдём к анализу регионов группы IV, в которую вошли 11 регионов, из них 7 регионов Южного федерального округа и 4 — Северо-Кавказского. Наивысший коэффициент естественного прироста в группе — в Кабардино-Балкарской республике (4,4 ‰), наименьший — в Волгоградской области (–3,9 ‰). Отрицательный прирост (убыль населения) наблюдается во всех регионах ЮФО (за исключением Республики Калмыкии и Астраханской области). В СКФО, наоборот, во всех регионах коэффициенты положительные, кроме Ставропольского края (–0,5 ‰). В то же время по этому показателю республики СКФО, вошедшие в группу II (Дагестан, Ингушетия, Чечня), многократно превышают

прирост населения в остальных регионах округа.

Продолжительность жизни в регионах СКФО, даже без учёта трёх республик группы II, также выше, чем в регионах ЮФО: 74—76 против 72—73 лет. Лучше в регионах СКФО и показатели численности контингентов больных алкоголизмом и наркоманией: в нём во всех регионах значения не достигают 1 000 чел., хотя в соседних республиках того же округа (Дагестан, Ингушетия, Чечня) максимум равен 367 чел. В ЮФО максимум численности алкоголиков и наркоманов — в Республике Адыгея (1 573,2), что в 1,6 раза превышает среднероссийский показатель.

Ранее мы отмечали, что высокая продолжительность жизни в Дагестане, Ингушетии и Чечне противоречит выявленной ещё ранее зависимости этого показателя от среднедушевых доходов. Наоборот, в этих регионах максимальная по стране продолжительность жизни достигается при почти самых низких доходах. Было сделано предположение о существенном влиянии на рассматриваемый показатель национальных традиций. Это подтверждается недавно проведённым социологическим исследованием по выявлению доли населения субъектов федерации, ведущих здоровый образ жизни [1]. В этом исследовании при расчёте рейтинга учитывались потребление табачных изделий и алкоголя, число преступлений в состоянии алкогольного и наркотического опьянения, смертность от отравлений спиртным, а также число преступлений, связанных с наркотическими средствами и их аналогами, в 2018 г. По отсутствию вредных привычек наивысшие места заняли: Чеченская Республика, Республика Ингушетия, Республика Дагестан, Кабардино-Балкарская Республика, Республика Северная Осетия — Алания, Волгоградская область, Тамбовская область, Ставропольский край, Республика Татарстан, Саратовская область. Из регионов Северо-Кавказского федерального округа в топ-10 не вошла только Карачаево-Черкесская Республика, но, судя по данным табл. 1, для этого ей не хватило совсем немного.

Не так существенно регионы ЮФО и

СКФО, входящие в группу IV, отличаются между собой по показателю доли лиц с высшим и средним специальным образованием: в первом этот показатель колеблется в пределах 75,2—86,0 %, во втором — 68,7—83,0 %. Если же рассматривать все регионы этих округов, то ситуация с образованием в СКФО будет выглядеть намного хуже за счёт 3 республик (Дагестан, Ингушетия и Чечня). Как сказано выше, это обстоятельство стало одним из значимых аргументов при выделении их в отдельную группу.

Если обратиться к экономическим показателям качества жизни, то прежде всего в табл. 1 увидим, что во всех регионах ЮФО и СКФО среднедушевые доходы (с учётом индекса стоимости жизни) ниже среднероссийских, равных 33 178 р./мес. При этом выше 30 000 р. доходы только в Краснодарском крае и г. Севастополь, а в Республиках Калмыкия и Ингушетия, в Карачаево-Черкесской Республике они даже ниже 20 000 р. Очень высокий в этих округах уровень бедности: он выше 20 % в Республике Ингушетия, Чеченской Республике, Республике Калмыкия, Кабардино-Балкарской и Карачаево-Черкесской республиках. Это говорит о том, что более чем каждый пятый житель имеет доходы ниже прожиточного минимума. В этих же республиках высок и уровень безработицы — больше 10 %. При этом абсолютно во всех субъектах ЮФО и СКФО уровень безработицы выше среднероссийского, равного 4,8 %.

Неблагополучные значения всех трёх показателей качества жизни, рассматриваемых в данной статье, являются следствием низкого экономического развития регионов. В связи с этим перейдём к анализу их экономического развития, которое представим показателями ВРП на душу населения, отраслевой структуры экономики, объёма инвестиций и величины заработной платы (табл. 2). При этом отраслевую структуру экономики будем оценивать через долю в ней добычи полезных ископаемых.

Из табл. 2 видно, что ВРП на душу населения абсолютно во всех субъектах ЮФО и СКФО значительно ниже среднероссий-

ского и колеблется по регионам в диапазоне от 114 844 р. в Республике Ингушетия до 413 441 р. в Астраханской области, после которой по убыванию идут Краснодарский край (398 397 р.), Ростовская область (318 782 р.), Волгоградская область (305 130 р.). В 7 из 15 регионов ЮФО и СКФО ВРП на душу населения не превышает 200 000 р. Во всех остальных субъектах федерации столь низкий душевой ВРП наблюдается только ещё в двух регионах — Ивановской области (182 398 р.) и Республике Тыва (184 593 р.).

В российской экономике отмечается сильная корреляция между ВРП на душу населения и удельным весом добычи полезных ископаемых в отраслевой структуре региональной экономики. Исследуемые южные регионы подтверждают этот вывод: в них доля добывающих производств многократно ниже, чем в среднем по России. Исключение составляет только Астраханская область с 37,6 % добычи полезных ископаемых в отраслевой структуре хозяйства.

По объёму инвестиций на душу населения значительно опережает все другие южные регионы также Астраханская область (144 040 р.). Хотя она превышает среднероссийский показатель на 32 %, но чрезвычайно далека от максимального по стране объёма инвестиций, который достигал в 2017 г. 2 424 050 р. в Ненецком АО. Среднее значение объёма инвестиций в ЮФО составило 87 817 р., в СКФО — 50 624 р. Минимум наблюдался в Республике Северная Осетия — Алания (38 773 р.), которая в стране по этому показателю выше только шести регионов: Курганской области (26 889 р.), Ивановской области (29 752), Республики Тыва (31 200), Костромской области (33 510), Республики Марий Эл (35 156) и Алтайского края (37 256 р.).

Наименьшая заработная плата в регионах ЮФО и СКФО составляла 21 941 р. в Республике Дагестан, а наибольшая — в Краснодарском крае (30 343 р.) и в Астраханской области (29 599 р.), причём даже эти максимальные размеры заработной платы на четверть ниже среднероссийского значения. В регионах

Показатели экономического развития южных регионов в 2017 г.

Регион	ВРП на человека, р.	Добыча полезных ископаемых, % в отраслевой структуре	Инвестиции на человека, р.	Среднемесячная заработная плата, р.
<i>Регионы группы II</i>				
Республика Дагестан	204 197	0,4	61 367	21 941
Республика Ингушетия	114 844	2,0	43 774	22 750
Чеченская Республика	125 471	1,4	45 155	23 249
<i>Регионы группы IV</i>				
Южный федеральный округ				
Республика Адыгея	219 259	1,0	45 977	24 490
Республика Калмыкия	240 454	0,9	40 573	22 919
Республика Крым	187 726	2,4	102 560	26 165
Астраханская область	413 441	37,6	144 040	29 599
Волгоградская область	305 130	4,8	75 827	27 962
Ростовская область	318 782	1,2	76 647	28 500
г. Севастополь	164 978	1,4	114 422	27 687
Северо-Кавказский федеральный округ				
Кабардино-Балкарская Республика	160 077	0,3	40 256	22 782
Карачаево-Черкесская Республика	160 110	2,1	45 098	22 638
Республика Северная Осетия — Алания	182 518	0,3	38 773	24 715
Ставропольский край	237 436	0,6	49 977	26 645
<i>Один регион группы VI</i>				
Краснодарский край (Южный федеральный округ)	398 397	0,8	90 071	30 343
<i>В среднем по стране</i>				
Российская Федерация	510 253	12,1	109 146	39 167

Источник [6].

СКФО заработная плата ниже, чем в ЮФО.

При анализе трёх республик группы II был сделан вывод об определяющем факторе экономического развития — отраслевой структуре хозяйства. В этих регионах в структуре валового регионального продукта по отраслям первые места по удельному весу занимают торговля, строительство и сельское хозяйство, которые не относятся к высокорентабельным производствам. Рассмотрим отраслевую структуру всех регионов ЮФО и СКФО в 2017 г. (табл. 3).

В табл. 3 выделены отрасли (виды экономической деятельности) с наибольшим удельным весом в отраслевой структуре каждого региона и страны в целом. Практиче-

ски все южные регионы специализируются на сельскохозяйственном производстве, доля которого в структуре регионального хозяйства доходит до 30,2 % (Республика Калмыкия). Очевидно, что причиной аграрной специализации являются благоприятные климатические условия. В среднем по стране удельный вес сельского хозяйства в ВВП составляет лишь 4,6 %.

Торговля в структуре ВРП в большинстве субъектов ЮФО и СКФО занимает долю, близкую к среднероссийскому показателю (16,7 %), и только в Республике Дагестан значительно её превосходит (27,0 %). Среди всех южных регионов только в Республике Калмыкия торговля не вошла в число трёх отрас-

Таблица 3

Отраслевая структура валового регионального продукта в 2017 г., %

Регион	Сельское хозяйство	Добыча полезных ископаемых	Обрабатывающие производства	Строительство	Торговля	Транспортировка и хранение
<i>Регионы группы II</i>						
Республика Дагестан	17,2	0,4	5,9	15,1	27,0	6,4
Республика Ингушетия	9,9	2,0	8,4	11,6	11,7	2,6
Чеченская Республика	11,0	1,4	2,5	16,1	16,3	3,9
<i>Регионы группы IV</i>						
Южный федеральный округ						
Республика Адыгея	15,1	1,0	16,5	6,1	16,0	4,2
Республика Калмыкия	30,2	0,9	0,8	7,1	5,9	24,7
Республика Крым	10,6	2,4	7,4	8,2	16,2	5,0
Астраханская обл.	6,5	37,6	3,4	9,8	8,6	8,0
Волгоградская обл.	12,3	4,8	24,6	9,5	13,0	6,1
Ростовская обл.	11,1	1,2	20,6	7,7	17,9	6,8
г. Севастополь	4,2	1,4	9,7	7,9	16,2	3,9
Северо-Кавказский федеральный округ						
Кабардино-Балкарская Республика	18,4	0,3	11,3	11,7	16,7	2,9
Карачаево-Черкесская Республика	18,5	2,1	14,8	9,1	9,4	2,4
Республика Северная Осетия — Алания	11,8	0,3	11,8	8,1	17,2	4,8
Ставропольский край	14,9	0,6	13,6	6,8	16,3	7,6
<i>Один регион группы IV</i>						
Краснодарский край	10,4	0,8	12,3	7,8	17,1	15,7
<i>В среднем по стране</i>						
Российская Федерация	4,6	12,1	17,4	6,2	16,7	8,0

Источник [6].

лей с наибольшим весом в отраслевой структуре, там этот показатель составляет лишь 5,9 %, но зато велика доля транспортировки и хранения (24,7 %) — отраслей, обслуживающих высокоразвитый в республике аграрный сектор экономики.

Третьей доминирующей в структуре экономики отраслью в регионах стали обрабатывающие производства либо строительство. Долей обрабатывающих производств выделяются Волгоградская (24,6 %) и Ростовская (20,6 %) области, где этот показатель превышает среднероссийский (17,4 %). В отличие от этого, доля строительства абсолютно во всех южных регионах выше средней по стране.

В плане отраслевой структуры регионального хозяйства кардинально отличается от всех рассмотренных регионов Астраханская область, в которой доля добычи полезных ископаемых составляет 37,6 %, что более чем в три раза превышает долю ресурсного сектора в целом по стране. К тому же, этот вид деятельности ускоренно развивается: если в регионе в 2018 г. «индекс промышленного производства по сравнению с 2017 г. составил 115,0 %, то по добыче полезных ископаемых — 123,7 %. В объеме отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами по добыче полезных ископаемых область занимает 15-е место в России» [5, с. 301]. В до-

быче полезных ископаемых в области преобладает производство кокса и нефтепродуктов.

Связь между денежными доходами населения и отраслевой структурой региональной экономики опосредуется заработной платой, сильно дифференцированной по видам экономической деятельности. В России наибольшая среднемесячная номинальная начисленная заработная плата на одного работника в 2017 г. наблюдалась в добыче полезных ископаемых — 74 474,1 р., далее из шести представленных в табл. 3 отраслей по убыванию идут транспортировка и хранение — 43 966,8, обрабатывающие производства — 38 501,5, строительство — 33 677,9, торговля — 32 092,5, сельское хозяйство — 25 671,1 р. [7]. Однако эти значения сильно различаются по регионам. Например, в Республике Калмыкия на предприятиях, относящихся к виду экономической деятельности «Транспортировка и хранение», заработная плата составляет 31 976,4 р., что на 27 % ниже среднероссийской в этой же отрасли (43 966,8 р.). В сельском хозяйстве Чеченской Республики заработная плата в сельском хозяйстве в 2017 г. равнялась 8 916,4 р. — в 2,9 раза ниже среднероссийской в аграрном секторе [7]. И наоборот, в добывающих производствах Астраханской области заработная плата выше среднероссийской по виду деятельности «Добыча полезных ископаемых» — 85 049,1 р. против 74 474,1 р. [7]. Различия значений начисленных заработных плат по регионам страны на предприятиях одного и того же вида экономической деятельности объясняются тем, что каждый укрупнённый вид деятельности включает множество разных по заработной плате подвидов. Например, наивысшая заработная плата среди всех субъектов ЮФО и СКФО в Краснодарском крае (30 343 р., см. табл. 2) во многом является следствием высококоразвитого сельского хозяйства. В растениеводстве край занимает ведущие позиции по производству основных продуктов (зерна, сахарной свёклы, подсолнечника, фруктов и овощей). В животноводстве наиболее развиты мясо-молочное скотоводство, свиноводство, птицеводство,

пчеловодство. В целом же по рассматриваемым регионам показатель зарплатоёмкости ВРП отстаёт от среднероссийского уровня из-за низкой производительности труда. В связи с этим в южных регионах для повышения денежных доходов населения в части заработной платы необходима структурная перестройка экономики и создание высокотехнологичных производств.

Подробный анализ субъектов ЮФО и СКФО выявил их общие черты и различия по качественным характеристикам населения. В большинстве этих регионов наблюдается сильная корреляция между показателями качества населения и качества жизни, что находится в русле разрабатываемой гипотезы об основном факторе, влияющем на характеристики населения, — материальном уровне его жизни. Для отслеживания указанного фактора исследовались показатели среднедушевых денежных доходов с учётом индекса стоимости жизни, уровня бедности и уровня безработицы. Большинство южных регионов по этим показателям отстаёт от среднероссийских значений. Экономическим фактором, определяющим сходство южных регионов, на наш взгляд, является однородность отраслевой структуры региональных хозяйств, в основном состоящих из предприятий сельского хозяйства, строительства и торговли. Эти отрасли в рассматриваемых регионах не являются высокотехнологичными, не отличаются высокой производительностью труда и не обеспечивают их работникам высокой заработной платы. В то же время благоприятные климатические факторы здесь позволяют существенно повысить эффективность аграрного сектора экономики по примеру многих стран с аналогичными природными условиями.

Следующим шагом в исследовании влияния материального уровня жизни на качественные характеристики населения должен стать учёт избыточного неравенства в распределении доходов [3, 10].

Кроме экономических факторов видно влияние на объединение регионов по качественным характеристикам населения факто-

ра географического положения: несмотря на рассмотренные в статье различия этих характеристик внутри ЮФО и СКФО, более существенными являются их отличия от северных и восточных регионов.

В качестве третьего важного фактора формирования качественных характеристик населения определены национальные традиции населения. В этом аспекте выявлены особенности трёх республик (Дагестана, Ингушетии и Чечни), что объясняет выделение их в отдельную группу в ряде предыдущих работ по кластеризации российских регионов.

Подробный анализ южных регионов в аспекте качества населения позволяет скорректировать выработанную ранее типологию и отнести Краснодарский край к группе, включающей большинство регионов ЮФО и СКФО. Однако этому дополнительно должен предшествовать подробный анализ кластера VI, в который Краснодарский край вошёл в типологии [4] вместе с субъектами Центрального федерального округа.

Библиографический список

1. Жители Чечни, Ингушетии, Дагестана ведут самый здоровый образ жизни в России // Коммерсант. 2019. 09 декабря. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4187588?query=Жители%20Чечни%20ведут> (дата обращения: 07.05.2020).
2. Здравоохранение в России. Социально-экономические показатели. Приложение к статистическому сборнику (информация по субъектам Российской Федерации). // Росстат. URL: <https://www.gks.ru/folder/210/document/13218> (дата обращения: 04.05.2020).
3. *Кирута А.Я.* Влияние неравенства на качество человеческого потенциала в России // Вестник Института социологии. 2011. № 3. С. 67—87.
4. *Локосов В.В., Рюмина Е.В., Ульянов В.В.* Кластеризация регионов России по показателям качества жизни и качества населения // Народонаселение. 2019. № 4. С. 4—17.
5. Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации 2019: Статистический сборник // Росстат. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b19_14s/Main.htm (дата обращения: 14.05.2020).
6. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2019: Статистический сборник // Росстат. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b19_14p/Main.htm (дата обращения: 04.05.2020).
7. Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата на одного работника по видам экономической деятельности // Росстат. URL: <https://fedstat.ru/indicator/58701> (дата обращения: 15.05.2020).
8. *Федотов А.А.* Влияние экономических показателей на показатели человеческого потенциала населения // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. № 9-1. С. 127—130.
9. *Федотов А.А.* Человеческий потенциал и качество населения: подходы к определению // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. № 3—2 (42). С. 79—86.
10. *Шевяков А.Ю., Кирута А.Я.* Неравенство, экономический рост и демография: неисследованные взаимосвязи. М., 2009. 187 с.

ДИНАМИКА ЭКОНОМИЧЕСКИХ УСТАНОВОК МОЛОДЁЖИ ЮГА РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ИНТЕГРАЦИИ ПОЛИЭТНИЧНОГО РЕГИОНА*

*Л.В. КЛИМЕНКО, доктор социологических наук, профессор Высшей школы бизнеса, Южный федеральный университет
e-mail: lucl@yandex.ru*

*А.В. ЕРМИШИНА, кандидат экономических наук, доцент, экономический факультет, Южный федеральный университет
e-mail: AVErmishina@sfedu.ru*

*П.Е. БУДАЕВ, кандидат социологических наук, доцент Высшей школы бизнеса, Южный федеральный университет
e-mail: pavelbudaev@list.com*

Аннотация

Проводится анализ социетального содержания экономических ценностей и установок молодёжи Юга России. Материал опросов в 2010 и 2020 гг. показывает, что студенты субрегионов с более высоким уровнем экономического развития (Ростовская область, Ставропольский край) в большей степени ориентированы на индивидуально-профессиональные экономические стратегии. В республиканском сегменте Юга России (Адыгея, Дагестан, Кабардино-Балкария) северокавказская молодёжь чаще является носителем патерналистских экономических стратегий.

Ключевые слова: экономические установки, полиэтничный регион, Юг России, интеграция, социетальные ценности, динамика.

Особенностью постсоветского социально-экономического развития Юга России является выраженная региональная дифференциация: различные республики, края и области обладают разной степенью развития рыночной инфраструктуры [3]. В частности, Краснодарский край, Ростовская область представляют собой территории с относительно высокими показателями функционирования рыночных институтов (предприятия и фирмы, конкурентная среда, инвестиционные фонды, рекламные и маркетинговые структуры, кадровые агентства и пр.). Тогда как в республиках Северного Кавказа развитость подобных

структур достаточно низкая. С одной стороны, население республиканского сегмента традиционно ориентировано на предпринимательскую деятельность. С другой стороны, в регионе распространёнными являются такие формы теневого практик в экономике, которые проистекают из этнокультурных традиций и аскриптивных ресурсов этнических групп [1; 4—5].

Данные социально-экономические условия выступают пространством формирования экономических ценностей и моделей поведения молодёжи Юга России. Молодые люди из республик Северного Кавказа при более высоком предпринимательском потенциале зачастую не имеют достаточно возможностей его реализации у себя в регионе. В то же время на территориях со сформировавшейся инфраструктурой рынка кавказская молодёжь демонстрирует этническую специфику экономического поведения [2].

Таким образом, в поликультурных регионах, сохраняющих и воспроизводящих этнические традиции, экономические ценности и поведенческие установки опосредованы традиционным регулированием (роль семьи и рода в принятии решений, гендерная и возрастная иерархия и пр.). В этой связи ориентированность жителей многосоставных регионов, социально-экономические отношения в кото-

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00270.

рых во многом регулируются институтами этнокультуры, на модернизированные модели экономического взаимодействия выступает условием интеграции поликультурных территорий на основании единых экономических ценностей и поведенческих установок.

Подобная постановка проблемы определила содержание прикладного исследования экономических стратегий молодёжи. «Определяющим критерием выделения типов стратегий в исследовании выступают ценностные ориентации и поведенческие установки молодёжи. Патерналистский тип стратегий характеризуется ориентацией на коллективизм и внешнюю поддержку (со стороны государственных структур, семьи, рода). Индивидуально-профессиональный тип отличается установками на достижательность, индивидуализм, принципы свободной конкуренции» [2, с. 178].

Эмпирической базой исследования выступают результаты социологического исследования среди студенческой молодёжи Юга России. По стандартизированной анкете зимой 2020 г. были опрошены 450 студентов Ростовской области, 706 — Ставропольского края, 480 — Республики Адыгея, 722 — Республики Дагестан, 312 — Кабардино-Балкарской республики. Этническая структура выборки опроса в 2020 г. была следующей: в Ростовской области приняло участие в исследовании 83 % русских; в Ставропольском крае — 77 % русских; в Адыгее — 37 % адыгов и 50 % русских; в Дагестане — 28 % аварцев, 22 % — даргинцев, 12 % — лезгин, 11 % — лакцев, 11 % — кумыков; в Кабардино-Балкарии — 64 % кабардинцев и 25 % — балкарцев. Гендерная структура выборки по разным этнотерриториальным сегментам варьируется от 35 до 48 % девушек и от 52 до 65 % мужчин. Для выявления динамики экономических установок используются результаты исследования студенческой молодёжи, проведённых в 2010 г. в Ростовской области, Ставропольском крае, Карачаево-Черкесии и Адыгее.

Инструментарий опроса содержал следующие смысловые блоки вопросов, характери-

зующие социальное содержание экономических ценностей и проективные установки профессионального поведения молодёжи.

На современном этапе большинство студенческой молодёжи, принявшей участие в исследовании, демонстрирует интериоризацию ценностей частной собственности и свободы предпринимательства. В то же время конкурентный тип отношений как компонент рыночной экономики уже меньше импонирует кабардино-балкарской молодёжи, тогда как ростовские и ставропольские студенты более позитивно воспринимают конкуренцию. Меньше всего опрошенные студенты одобряют вмешательство государства в экономику. Степень неодобрения подобной практики наиболее высокая в Ростовской области (31 %), а наиболее низкая — в Адыгее (15 %) и Кабардино-Балкарии (18 %) (рис. 1).

Десять лет назад молодёжь Юга России также демонстрировала преимущественное одобрение частной собственности и свободы предпринимательства, но процентные показатели были немного ниже, чем на нынешнем этапе. Что касается государственного вмешательства в экономику, то в 2010 г. показатели поддержки, наоборот, были выше, чем сейчас (рис. 2).

В то же время, когда речь идёт о непосредственном участии в конкуренции на рынке труда и карьерном продвижении, уже меньшее число студентов выражают положительное отношение и готовность активно участвовать в профессиональной конкуренции. На этом фоне в большей степени ориентированы на конкурентную борьбу студенты республиканских вузов, что проявляется на разных этапах исследования (рис. 3).

В исследовании 2020 г. экономические ценности молодёжи измерялись посредством методики семантического дифференциала, когда респондентам предлагалось выразить своё отношение относительно противоположных оценочных утверждений. В частности, студенты оценивали диспозиционные утверждения «люди сами должны нести ответственность за то, чтобы себя обеспечить» и «государство должно нести больше ответст-

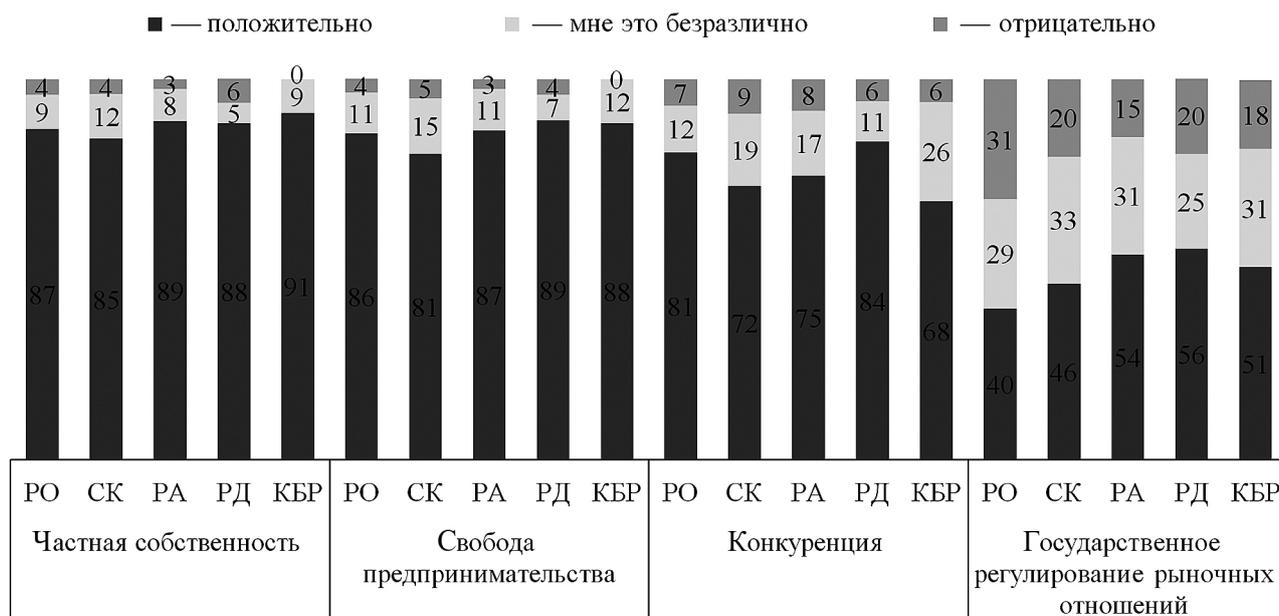

Рис. 1. Результаты опроса 2020 г. об отношении к принципам функционирования российского общества, один ответ, % (составлено авторами¹)

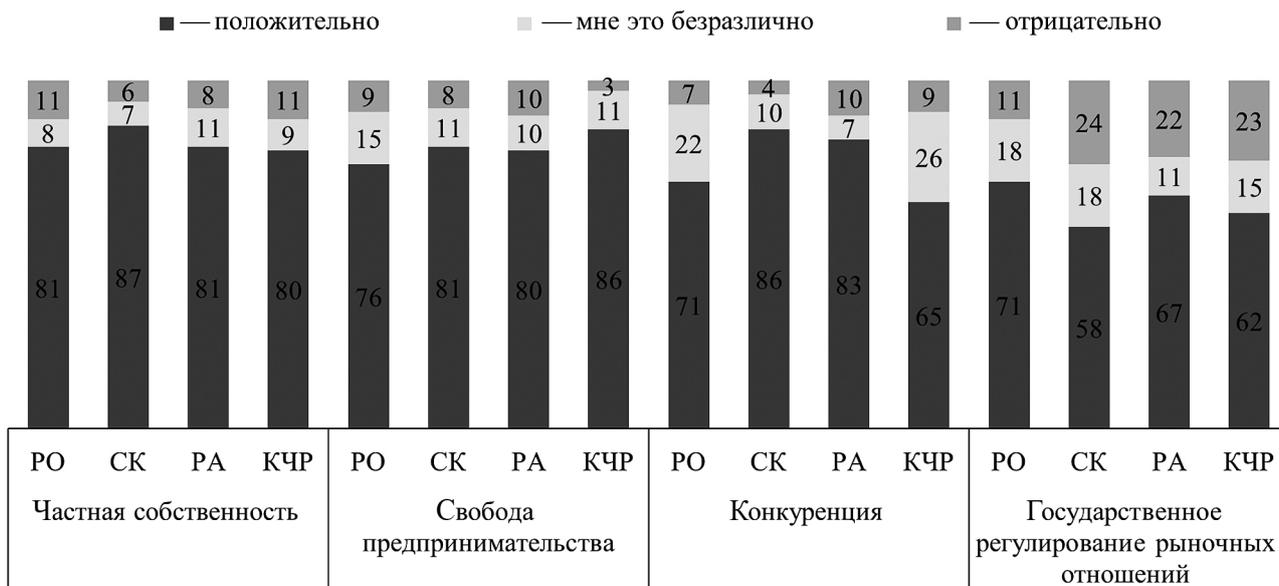

Рис. 2. Результаты опроса 2010 г. об отношении к принципам функционирования российского общества, один ответ, % (составлено авторами по результатам исследования)

венности за то, чтобы все люди были обеспечены». Результаты исследования показывают, что опрошенные студенты южно-российских вузов не готовы взять на себя полную ответственность за своё обеспечение, но и также не перекладывают полностью ответственность

на государство. Оценки скорее приближаются к среднему полюсу, но на этом фоне у молодёжи северокавказских республик более выраженной является ориентация на патернализм. В частности, оценки по данному вопросу в Ростовской области составили 5,4

¹Здесь и далее на рисунках: РО — Ростовская область; СК — Ставропольский край; РА — Республика Адыгея; РД — Республика Дагестан; КБР — Кабардино-Балкарская Республика.

- — положительно отношусь и планирую активно участвовать
- — скорее разделяю принципы, но постараюсь избежать
- — скорее не разделяю, но думаю, что придется участвовать
- ▨ — не поддерживаю и не буду реализовывать

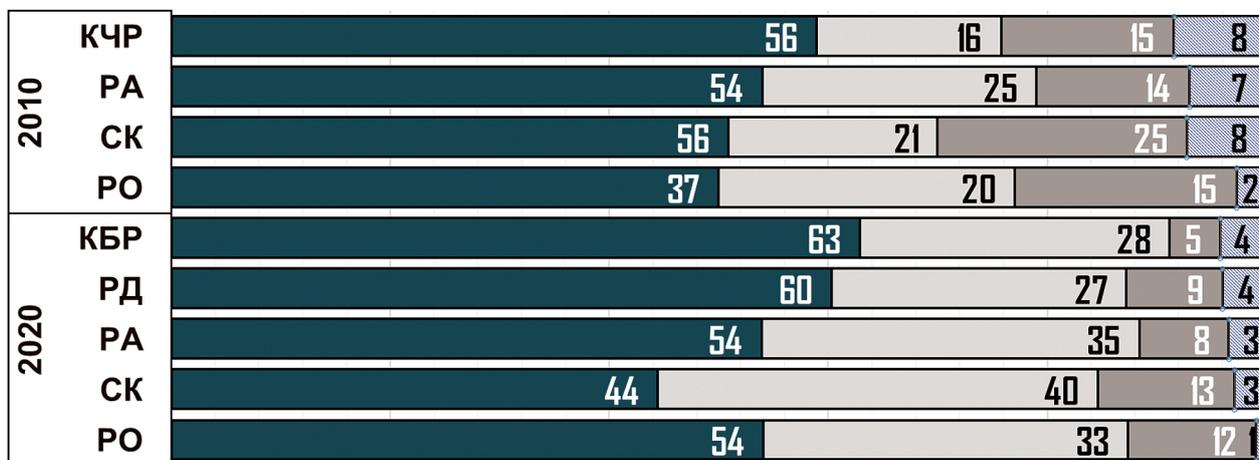

Рис. 3. Результаты опроса об отношении к конкуренции в профессиональной деятельности, один ответ, % (составлено авторами по результатам исследования)

- ▨ — выбор профессии, вуза и трудоустройство с опорой на ресурсы и интересы семьи
- — выбор профессии с опорой на ресурсы семьи, а трудоустройство самостоятельно
- — самостоятельный выбор профессии и вуза, но трудоустройство с учётом интересов семьи
- — самостоятельный выбор профессии, вуза и самостоятельное трудоустройство после

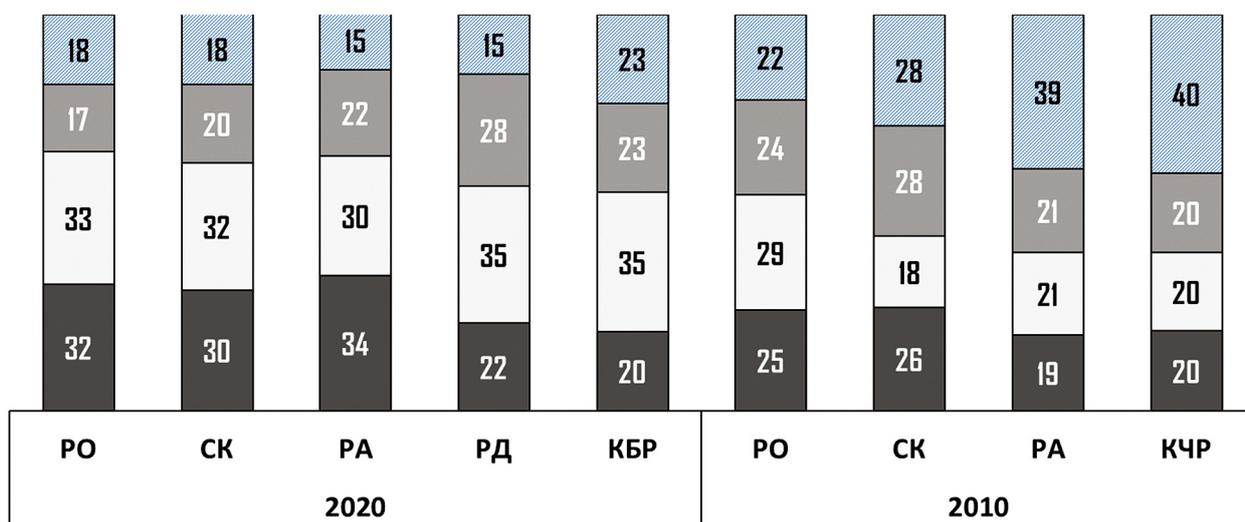

Рис. 4. Результаты опроса о профессиональном становлении молодёжи региона, один ответ, % (составлено авторами по результатам исследования)

средних балла, в Ставропольском крае — 5,9, в Адыгее — 6,1, в Дагестане — 6,3, в Кабардино-Балкарии — 6,4.

Результаты опроса показывают, что око-

ло трети современной молодёжи Юга России ориентированы на то, что они самостоятельно выбирают профессиональную специализацию и университет, но осуществляют поиск

работы в зависимости от семейных интересов и ресурсов. Конкурирует с этим полностью автономная стратегия профессионального поведения в ростовской, ставропольской и адыгейской подгруппах. Тогда как в дагестанском и кабардино-балкарском сегментах чаще встречаются установки на задействование только семейных ресурсов. Сравнение результатов опроса в динамике показывает, что десять лет назад заметно большее число студентов связывали все этапы профессионального становления с семьёй. Особенно это было выражено среди молодёжи северокавказских республик (рис. 4).

Результаты повторно-сравнительных исследований экономических стратегий молодёжи Юга России показывают, что за последнее десятилетие среди различных этнотерриториальных групп студентов растёт степень выраженности экономических ценностей достижительности, самостоятельности и активности. Движение к универсализации экономических установок модернистского типа выступает одним из факторов формирования социетальной целостности полиэтничного макрорегиона. В то же время продолжают воспроизводиться типологические различия экономических стратегий молодёжи. Студенты, проживающие в субрегионах с более высоким уровнем экономического развития (Ростовская область, Ставрополь-

ский край), демонстрируют более высокую степень социетальных индивидуально-профессиональных ценностей и экономических стратегий. В то время как в республиканском сегменте (Адыгея, Дагестан, Кабардино-Балкария) с относительно неблагоприятной социально-экономической ситуацией и важностью этнических традиций молодёжь чаще ориентирована на патерналистские экономические стратегии.

Библиографический список

1. *Ахмедуев А.Ш.* Механизмы и перспективы реализации приоритетного проекта развития республики Дагестан «обеление» экономики // Региональные проблемы преобразования экономики. 2015. № 1. С. 45—50.
2. *Денисова Г.С., Уланов В.П.* Русские на Северном Кавказе: анализ трансформации социокультурного статуса. Ростов н/Д, 2003.
3. *Рабданова А.А.* Состояние и тенденции изменения структуры экономики в регионах Северокавказского федерального округа // Региональные проблемы преобразования экономики. 2015. № 9. С. 74—80.
4. Северный Кавказ: нестабильная стабильность / В.А. Авксентьев [и др.] // Наука Юга России. 2017. Т. 13, № 1. С. 115—125.
5. Студенческие практики конструирования стратегий и стилей жизни: социологические очерки: коллективная монография / Г.С. Денисова [и др.]. Ростов н/Д, 2013.

ИНДУСТРИАЛЬНЫЕ ПАРКИ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ: КОНЦЕПЦИЯ И МОДЕЛИ УПРАВЛЕНИЯ

*Е.В. САПИР, доктор экономических наук,
профессор, зав. кафедрой мировой экономики и
статистики,
Ярославский государственный
университет им. П.Г. Демидова
e-mail: evsapir@yahoo.com*

*И.А. КАРАЧЕВ, кандидат экономических наук,
доцент кафедры мировой экономики
и статистики,
Ярославский государственный
университет им. П.Г. Демидова
e-mail: karachev2011@yandex.ru*

Аннотация

Цель исследования состоит в научном осмыслении и продвижении концепции индустриального парка в условиях изменений в структуре, технологиях, материально-техническом базисе производства. Обосновано разделение концепций индустриального парка и специальной экономической зоны; выделены тенденции, формирующие будущий облик индустриальных парков 4.0; раскрыты организационные подходы к управлению парками; доказан синергетический эффект парков инклюзивного типа в социально-экономическом развитии.

Ключевые слова: индустриальный парк, реиндустриализация, промышленная революция 4.0, институциональные модели индустриальных парков, инклюзивные парки, тенденции развития индустриальных парков, специальная экономическая зона.

За последние несколько десятилетий производственный сектор претерпел глубокую трансформацию с точки зрения структуры, технологии, отраслевых взаимосвязей и границ. В этих условиях правительства должны применять хорошо продуманные стратегии и политику в целях индустриализации и преобразования своей экономики, особенно если она относится к числу развивающихся.

Инфраструктурная политика является важным элементом любой эффективной стратегии индустриализации. Действительно, ограниченный доступ к надёжному электроснабжению, водоснабжению, телекоммуникациям, к услугам по переработке отходов и другим коммунальным услугам является ос-

новным препятствием для инвестиций в производственный сектор.

Предоставляя готовую инфраструктуру и сопутствующие меры экономической политики в сфере поддержки инвестиций, индустриальные парки играют роль катализатора, способствующего промышленному развитию. Следует отметить, что индустриальные парки также способствуют достижению целей в области устойчивого развития путём содействия социально-экологически направленной индустриализации в самих парках, а также трансляции успешного опыта парков на остальную часть страны.

Научная новизна исследования заключается в формировании типологии институциональных моделей управления индустриальными парками в мире и в России; а также систематизации новых тенденций развития индустриальных парков в условиях промышленного уклада 4.0.

Теоретическая значимость исследования состоит в критическом анализе концепции индустриальных парков, а также ряда смежных концепций, что позволило сформулировать общее определение индустриального парка, выделить его системообразующие признаки, особенности регулятивного режима.

Практическая значимость исследования заключается в том, что предложена пилотная площадка тестирования и отработки комплексной национальной промышленной политики, установлен механизм обратной связи от резидентов парков для совершенствования инструментов, стимулов и административных практик; рекомендованы меры по пре-

образованию существующих промышленных парков в экоиндустриальные.

Индустриальные парки: проблемы исследования

Концепция индустриальных парков в последние годы привлекает все больше внимания. Она основывается на следующих положениях: а) правительства должны предоставлять общественные блага, в особенности создавать инфраструктуру, в целях повышения конкурентоспособности промышленных предприятий; б) расположенные рядом друг с другом фирмы извлекают пользу из экономии от агломерации; в) общественные блага должны быть сосредоточены в определённых районах.

Исходя из этих положений обоснование для создания индустриальных парков традиционно было двояким. Во-первых, процесс обеспечения функциональной инфраструктурой гораздо проще планировать в географически ограниченном пространстве, особенно в условиях ограниченности ресурсов [6]. Во-вторых, концентрация фирм может обеспечить значительные побочные эффекты как в пределах, так и за пределами парка: информационные эффекты, включая трансфер знаний и технологий; специализация и разделение труда между предприятиями; развитие рынка квалифицированной рабочей силы; развитие рынков вокруг парков [9].

Индустриальные парки выступают одним из ключевых инструментов развития более общей формы промышленной организации — промышленных кластеров, концентрации взаимосвязанных фирм в определённой области. Такие кластеры могут формироваться «органически» или могут быть результатом целенаправленной политики [8]. Развитие промышленных кластеров часто называют движущей силой быстрого роста Китая. Многие кластеры в этой стране возникли спонтанно, но правительство (особенно местные органы власти) также оказало решающую поддержку их развитию, в том числе путём создания промышленных парков

[2]. Однако формирование конкурентоспособных промышленных кластеров является достаточно спорной целью политики создания индустриальных парков, которая неоднократно подвергалась значительной критике. Возникали юридические споры относительно земли, отведённой под парк, особенно когда происходил срыв сроков по его строительству, или парк в малой степени был заполнен резидентами. Также возникали трудности в демонстрации эффектов дополнительного характера от создания парков, т. е. необходимо было подтвердить, что деятельность в парках не велась бы в таких масштабах без государственных средств, выделенных на их поддержку. Особенно сильной оказалась критика в отношении промышленной политики, которая связана не только с выделением государственных средств на строительство парка, но и с отказом государства от определённой части налоговых и неналоговых доходов или с иной либерализацией регулятивного режима на территории парка (например, в части трудового законодательства) в целях привлечения инвестиций.

В литературе выделяется несколько факторов, способных объяснить неудачи программ создания индустриальных парков. Некоторые из них, такие как угроза конфликта, очень специфичны, но большинство встречаются гораздо чаще: ошибка в выборе специализации; неудачный выбор местоположения; недостаточные инвестиции в инфраструктуру; слабый потенциал реализации стратегии развития парка; отсутствие необходимой административной поддержки и стабильности. Не менее важную роль играет фактор отсутствия поддержки в сферах, которые непосредственно связаны с образованием «кластерных эффектов»: приобретение технологий, подготовка квалифицированных специалистов и обеспечение качества производства продукции или оказания услуг [13].

Первоначально концепция индустриального парка не подразумевала наличия особого регулятивного режима, более либерального по сравнению с режимом, действовавшим на остальной части национальной территории.

Однако в процессе развития концепции индустриальный парк перестал рассматриваться только как комплекс объектов инженерной инфраструктуры, предназначенной для использования группой производителей, правительства многих стран санкционировали предоставление резидентам промышленных парков различных финансовых форм государственной поддержки.

Результаты исследования

Концепция индустриального парка. Большое количество терминов и понятий, связанных с индустриальными парками, является результатом различий в целях, функциях или формах этих парков, различий в терминологии экономической политики стран, а также желания определённых промышленных парков или программ дифференцировать среди конкурентов. Таким образом, любое общее определение индустриальных парков должно быть достаточно широким, чтобы отразить их многообразие.

Наиболее распространённые типы индустриальных парков и их определения, встречающиеся в зарубежных источниках, отражены в табл. 1.

Хотя различные типы индустриальных парков за рубежом и в России отличаются друг от друга, все они имеют определённые общие черты. Индустриальные парки отличаются от других типов бизнес-структур и про-

мышленных зон, а также от простой кластеризации или агломерации отраслей благодаря наличию следующих 3 признаков [5].

1. Географически обособленный участок земли, в рамках которого обеспечиваются следующие виды услуг: коммунальные услуги, телекоммуникации, утилизация промышленных отходов и очистка сточных вод, благоустройство территории, услуги аварийных служб для пожаротушения и оказания первой помощи, транспортные услуги и другие государственные и частные услуги.

2. Детальное генеральное планирование, которое предписывает стандарты и спецификации для всех аспектов застройки, включая здания.

3. Единый управляющий или административный орган, который отбирает резидентов парка, обеспечивает соблюдение правил и осуществляет общее планирование, способствующее долгосрочному развитию парка.

В Российской Федерации сегодня принято выделять следующие типы индустриальных парков. В зависимости от уровня специализации выделяются индустриальные парки монопрофильного (специализированного) и многопрофильного типов; отличие между ними состоит в возможности размещения производственных объектов, относящихся либо к одному, либо к разным видам разрешённого использования. В зависимости от направления деятельности выделяются агропромышленные парки и технопарки. Послед-

Таблица 1

Определения наиболее распространённых типов индустриальных парков (зарубежный опыт)

Тип парка	Определение
Экоиндустриальные парки (ЭИП)	ЭИП (зоны устойчивого развития, низкоуглеродные зоны, зелёные зоны или безотходные зоны) представляют собой промышленные парки, предназначенные для улучшения социальных, экономических и экологических показателей фирм-резидентов посредством продвижения и промышленного симбиоза зелёных технологий
Парки высоких технологий (ПВТ)	Специальные области, предназначенные для стимулирования создания и роста инновационных компаний посредством инкубационных программ и других политических мер
Агропромышленные парки (АИП)	Специально отведённые участки, предназначенные для привлечения и развития компаний отраслей переработки сельскохозяйственной продукции

Источник: составлено на основе [7; 10].

ние, в свою очередь, могут быть двух видов: промышленные технопарки и технопарки высоких технологий.

Таким образом, по нашему мнению, под термином «индустриальный парк» следует понимать институционально оформленную, управляемую из единого центра принятия решений консолидированную совокупность земельных участков, разработанных и разделённых на зоны в соответствии с комплексным планом и разветвлённой логистической, коммуникационной и социальной инфраструктурой, которая используется в коммерческих целях локальным сообществом хозяйствующих субъектов-резидентов.

Тенденции развития индустриальных парков

За последние несколько десятилетий хозяйствующие субъекты во всем мире претерпели глубокую трансформацию с точки зрения структуры, технологий и отраслевых взаимосвязей. Изменения в потребительском спросе, характере продукции и экономике производства способствовали фундаментальному изменению способов ведения бизнеса компаниями [12] и изменению конкурентной среды. В дальнейшем индустриальные парки должны учитывать связанные с этим процессом возникающие тенденции.

Непрерывная борьба за иностранные инвестиции. С начала 1990-х гг. во всём мире резко возросло количество индустриальных парков, особенно в развивающихся странах. Согласно базе данных Международной организации труда (МОТ), число индустриальных парков во всем мире увеличилось с 29 в 1975 г. до 3 500 в 2006 г. Примерно 75 % стран имеют как минимум один индустриальный парк. Поддержание конкурентоспособности в условиях внутренней и внешней конкуренции будет оставаться критической проблемой для индустриальных парков, их разработчиков и операторов. Индустриальный парк будущего, вероятно, будет иметь инфраструктуру более высокого качества, наряду с превосходным сервисом, поскольку все парки стремятся

наилучшим образом удовлетворять запросы предприятий.

Промышленные города. Индустриальные парки традиционно создавались за пределами города из-за более низкой стоимости земли, стремления избежать наложения жилых и коммерческих районов, а также исключительной способности к эффективному развитию в компактной хозяйственной страте. Однако со временем многие индустриальные парки стали промышленно городскими районами, городами, городскими агломерациями. В условиях быстрой урбанизации города-фабрики стали расширяться во всех направлениях так, что границы индустриальных парков оказались во многом размытыми. Особенно активно такие процессы формирования гигантских городов-фабрик происходили в ряде стран Юго-Восточной Азии.

Углубление цифровой трансформации. Цифровизация предоставляет новые возможности роста производительности труда для предприятий, связанные с использованием цифровых технологий, веб-приложений, системы общеорганизационного планирования ресурсов, робототехники и искусственного интеллекта. Технологии, относящиеся к индустрии 4.0, стимулируют рост интеллектуального производства, а также интеллектуальных индустриальных парков. Благодаря использованию кибер-физической системы умные решения для индустриального парка объединяют внутренние и внешние ресурсы парка; позволяют выявить реальные потребности предприятий в парке и оптимизировать управление и процесс оказания услуг. Оптимизация процессов в индустриальных парках уже идёт в направлении промышленного интернета вещей, использования ресурсов с открытым кодом доступа, аналитических систем и инструментов. Индустриальные парки будут постепенно превращаться в известном смысле в интернет-промышленные парки.

Возникновение экономики замкнутого цикла. В последние годы концепция и практика, связанные с развитием «безотходной» экономики, стали инновационной бизнес-моделью, отвечающей потребностям в более экономич-

ном производстве. В этом общем контексте создание большего числа эко-индустриальных парков может, например, помочь расширить использование ресурсов за стенами любого отдельного завода с целью обеспечения их эффективного использования группами тесно агломерированных компаний [3].

Институциональные модели индустриальных парков

Индустриальный парк может быть организован правительством на национальном, региональном или местном уровне; частным предприятием, будь то компания-девелопер, строительный консорциум или ассоциация производителей, или на основе государственно-частного партнёрства: например, через совместное предприятие правительства и частного инвестора. Различные правительственные министерства, государственные учреждения и государственные корпорации по развитию и управлению объектами инфраструктуры регулярно инвестируют в индустриальные парки, учитывая общественный интерес, который они представляют для экономики.

Набор сложившихся в мире институциональных моделей управления индустриальными парками исключительно разнообразен, однако анализ позволяет выделить три базовых подхода к управлению индустриальными парками.

1. Управление со стороны государственно-го органа: государственное управление является широко распространённым подходом во многих развивающихся странах, где правительство имеет значительное экономическое долевое участие в индустриальном парке.

2. Управление частным лицом: в соответствии с этой моделью, оператор парка, частная компания заключает контракт с владельцем / инвесторами промышленного парка, иногда включая компании-резиденты, которые владеют участками и фабричными зданиями в парке. Этот подход в основном применяется, когда частные инвесторы обладают значительными финансовыми ресурсами и / или владеют собственными индустри-

альными парками.

3. Совместное управление государственными и частными организациями. Индустриальные парки, основанные на государственно-частном партнёрстве, совместно управляются государством и частными инвесторами. Хотя механизм разделения власти, описанный в уставных документах, как правило, позволяет сторонам разделять обязанности так, как они считают наиболее целесообразным, он почти всегда оставляет функции оперативного управления парком и технические решения за частным партнером(ами), наделяя публичного партнера(ов) правом распоряжения земельными участками.

На трёх общих подходах к управлению индустриальными парками базируются многочисленные институциональные модели управления, примеры которых приведены в табл. 2.

В Российской Федерации на сегодняшний день сложилось четыре институциональных модели управления индустриальными парками (табл. 3).

Обсуждение результатов — возможные направления дискуссии

Индустриальные парки — эффективный инструмент тестирования и отработки комплексной национальной промышленной политики, предоставляют пилотную площадку для апробации отдельных типов политик, включая инвестиционную, торговую, налоговую и финансовую, экологическую политику, в сочетании с передовой инфраструктурой, системой институциональной поддержки инвестиций и инноваций.

Наиболее успешные программы индустриальных парков содержат институциональные механизмы для улучшения инвестиционного климата. Тестирование и протоколирование политики является новым и важным компонентом управления индустриальным парком, предусматривающим получение обратной связи от резидентов индустриального парка относительно того, как действующие законы и правила, требования к производительности,

Примеры институциональных моделей управления индустриальными парками за рубежом

Страна / страны	Описание модели управления индустриальными парками
Китай	<i>Первая модель.</i> Парки управляются административными комитетами, которые состоят из 14—20 правительственных бюро по координации взаимодействия индустриального парка с местным правительством. Пример. Даляньская зона технологического развития
	<i>Вторая модель.</i> Индустриальные парки совместно управляются административным комитетом и инвестиционным холдингом / корпорацией развития. Пример. Зона экономического технологического развития Тяньцзиня
	<i>Третья модель.</i> За управление парком отвечает государственное предприятие. Пример. Парк высоких технологий Caohejing
Таиланд	Большинство индустриальных парков управляются совместно: Управлением промышленной недвижимости Таиланда (государственная организацией при Министерстве промышленности) и частным застройщиком.
Германия	Различаются муниципальные промышленные районы и индустриальные парки. В первые инвестируются муниципальные средства. Вторые обычно иницируются местными органами власти, но управляются частным юридическим лицом
Республика Корея	Индустриальные парки управляются Корейской корпорацией промышленного комплекса — национальным агентством по управлению промышленными объектами
Турция	Индустриальные парки создаются в рамках государственно-частных партнёрств, причём частный сектор представлен палатами, ассоциациями или группами производителей; эксплуатируются либо частной фирмой-оператором парка, либо частной фирмой или кооперативом, созданным фирмами-резидентами парка
Китай — Сингапур	Основа: сотрудничество национального и иностранного правительства. За административное управление отвечает агент национального правительства, за развитие парка и продвижение инвестиций — компания с иностранным участием. Пример. Китайско-сингапурский промышленный парк Сучжоу (резидент КНР)

Источник: составлено на основе [7; 10].

стимулы и административные практики влияют на их деятельность [11].

Такое расширение рамок регулятивного режима индустриального парка, по существу, может привести к смещению концепции парков и специальных экономических зон. По нашему мнению, этого допускать не следует, необходимо проводить чёткие границы между данными инструментами государственной поддержки по целям их применения.

Достижению целей устойчивого развития будет способствовать политика содействия преобразованию существующих промышленных парков в эко-индустриальные парки. Конкурентные преимущества на уровне компаний в этих парках исходят из коллективных решений, направленных на повышение продуктивности использования ресурсов,

развёртывание технологических решений, способствующих синергетическому эффекту и симбиозу в промышленности, и из социально ответственных практик, которые одновременно повышают производительность труда и минимизируют потенциально дорогостоящие негативные социальные эффекты [4].

По результатам исследования авторы статьи пришли к следующим выводам.

Во-первых, авторами сформулировано определение индустриального парка как находящейся под управлением управляющей компании или административного органа совокупности земельных участков, разделённых на зоны в соответствии с комплексным планом с дорожной, транспортной, коммунальной, а в некоторых случаях и социальной инфраструктурой, для использования груп-

Таблица 3

Институциональные модели управления индустриальными парками в России

Характеристика	Тип модели			
	Кооперационная	Инновационная	Университетская	Инфраструктурная
Цель	Создание условий для формирования различных типов кооперационного взаимодействия	Создание и акселерация малых и средних технологических предприятий	Развитие предпринимательских компетенций у учёных и студентов	Создание условий для размещения среднего и крупного высокотехнологического бизнеса
База создания	Крупное промышленное предприятие, имеющее свободные площади и заинтересованное в развитии субконтрактных отношений	Крупный научно-исследовательский центр	Высшее учебное заведение	Свободная площадка производственного назначения
Форма собственности	Частная или смешанная	Государственная или смешанная	Государственная	Государственная, частная или смешанная
Ключевая особенность	Предоставляется инфраструктура для освоения новой продукции в рамках цепочки поставок якорной компании	Уникальная технологическая инфраструктура для разработок и коммерциализации НИОКР	Взаимодействие со студентами и университетскими кадрами	Комплекс услуг по размещению и организации высокотехнологического среднего или крупного производства
Источник дохода	Аренда, оказание технологических услуг, управление проектами	Аренда, оказание базовых и технологических услуг	Не преследует коммерческие цели.	Аренда и оказание базовых услуг
Пример	Технопарк «Космос-Нефть-Газ» (Воронежская область)	Технопарк «Строгино» (Москва); Технопарк «Саров» (Нижегородская область)	Научный парк МГУ (Москва)	Технополис «Москва» (Москва)

Источник: составлено на основе [1].

пой производителей. Авторами обосновано разделение концепций индустриального парка и специальной экономической зоны как имеющих разные целевые ориентиры.

Во-вторых, выделен ряд тенденций, которые, по мнению авторов, формируют будущее индустриальных парков. Среди основных тенденций: конкурентная борьба за привлечение иностранного капитала; переход на бизнес-модели «зелёного роста» и формирование экономики замкнутого круга; цифровая трансформация в условиях перехода на стандарты четвёртой промышленной революции.

В-третьих, раскрыты три общих подхода

к управлению индустриальными парками: управление со стороны государственного органа; управление частным лицом; совместное управление государственными и частными организациями. Выделены ключевые институциональные модели управления парками в России и за рубежом, дана их характеристика.

Инклюзивные индустриальные парки, отвечающие целям устойчивого развития, могут стать эффективным инструментом государственной политики, способствующим индустриализации и структурным преобразованиям в развивающихся странах и странах со средним уровнем дохода.

Библиографический список

1. Пятый ежегодный обзор «Технопарки России — 2019». АКИТ РФ. 2019. URL: http://akitrf.ru/upload/V_Obzor_Technoparki_Rossii-2019.pdf (дата обращения: 08.05.2020).
2. Asian Industrial Clusters, Global Competitiveness and New Policy Initiatives / В. Ganne, Y. Lecler, eds. Singapore, 2009.
3. Circular Economy Parks. UNIDO. 2017. URL: https://www.unido.org/sites/default/files/2017-07/Circular_Economy_UNIDO_0.pdf (дата обращения: 08.05.2020).
4. Eco-Industrial Parks. UNIDO Department of Environment. 2017. URL: https://www.unido.org/sites/default/files/2017-05/UNIDO_leaflet_01_Eco_Industrial_Park_170203_0.pdf (дата обращения: 08.05.2020).
5. Establishing UNIDO Guiding Framework for industrial parks. UNIDO. 2018. URL: https://open.unido.org/api/documents/10929457/download/Final-%20Establishing%20UNIDO%20Guiding%20Framework%20for%20industrial%20parks-Project%20Document-%2004.01.2018_%20V10.pdf (дата обращения: 07.05.2020).
6. *Marshall A.* Principles of Economics. Palgrave Macmillan UK, 2013. URL: <http://www.library.far.ru/files/Marshall-Principles.pdf> (дата обращения: 07.05.2020).
7. *Park J.M., Park H.S., Park J.Y.* A Review of the National Eco-Industrial Park Development Program in Korea: Progress and Achievements in the First Phase // *Journal of Cleaner Production*. 2016. № 114. P. 33—44.
8. *Porter M.E.* The Competitive Advantage of Nations; 2nd ed. New York, 1998.
9. *Sonobe T., Otsuka K.* Cluster-Based Industrial Development: An East Asian Model. New York, 2006.
10. Special economic zones: performance, lessons learned, and implication for zone development. Foreign Investment Advisory Service (FIAS) occasional paper. Washington, DC: World Bank. 2008. URL: <http://documents.worldbank.org/curated/en/343901468330977533/Special-economic-zone-performance-lessons-learned-and-implication-for-zone-development> (дата обращения: 07.05.2020).
11. Rethinking Investment Incentives: Trends and Policy Options / A.T. Tavares-Lehmann [et al.]. New York, 2016.
12. The Future of Manufacturing: Making Things in a Changing World. Deloitte. 2015. URL: https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/za/Documents/manufacturing/ZA_Future_of_Manufacturing_2015.pdf (дата обращения: 08.05.2020).
13. *Zeng D.Z.* Knowledge, technology, and cluster-based growth in Africa. Washington, DC: World Bank. 2007. URL: <http://documents.worldbank.org/curated/en/534591468192544843/Knowledge-technology-and-cluster-based-growth-in-Africa> (дата обращения: 07.05.2020).

БИЗНЕС-АКСЕЛЕРАТОРЫ В ИНФРАСТРУКТУРЕ ПОДДЕРЖКИ МАЛОГО ИННОВАЦИОННОГО БИЗНЕСА: СОВРЕМЕННЫЕ ТРЕНДЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ В РФ

*Ю.Н. АЛЕКСАНДРИН, кандидат экономических наук, доцент кафедры мировой экономики и менеджмента, Кубанский государственный университет
e-mail: alex_yun.05@mail.ru*

*Ю.В. ГОРБОВА, бакалавр менеджмента, Кубанский государственный университет
e-mail: grbova98@mail.ru*

Аннотация

В статье исследуются современные тенденции развития бизнес-акселераторов РФ. Авторы анализируют специфику развития российских государственных, корпоративных, частных и университетских акселераторов. Особое внимание уделяется региональному аспекту акселерации инновационных стартапов. Авторы проводят сравнительный анализ механизма финансирования стартапов в акселераторах РФ, США и Европы. Предложены рекомендации по развитию бизнес-акселераторов для стимулирования активности малого инновационного предпринимательства в РФ.

Ключевые слова: малое инновационное предпринимательство, стартап, корпоративный бизнес-акселератор, региональный бизнес-акселератор, частный бизнес-акселератор, университетский бизнес-акселератор, инновационная инфраструктура.

Диверсификация экономики России, переход к инновационной модели развития объективно предполагает совершенствование инфраструктуры поддержки малого инновационного предпринимательства. По оценкам экспертов, доля инновационно-активных предприятий в отраслевой структуре малого и среднего предпринимательства РФ составляет от 1,4 до 3,5 %, что в разы меньше по сравнению со странами с инновационной экономикой (до 60 %) [8]. Одним из факторов, негативно влияющих на развитие малого инновационного бизнеса, является неразвитость инфраструктуры поддержки инновационных стартапов. В данной статье исследуются тенденции развития новой перспективной фор-

мы стимулирования инновационных стартапов — бизнес-акселераторов.

Бизнес-акселератор, по определению Ассоциации акселераторов и бизнес-инкубаторов РФ, — это объект инновационной инфраструктуры, реализующий краткосрочные программы (3—6 месяцев) интенсивного развития технологических компаний через менторство, обучение, финансовую и экспертную поддержку [1]. Рассмотрим основные отличия акселераторов и бизнес-инкубаторов (табл. 1).

К общим чертам между акселератором и бизнес-инкубатором можно отнести: бизнес-консультирование, помощь в привлечении партнёров, инвесторов. Бизнес-модель акселератора аналогична модели венчурного фонда. Акселераторы зарабатывают на продаже доли в уставном капитале инновационного стартапа стратегическому инвестору, венчурному фонду или при выходе стартапа на IPO.

Бизнес-акселераторы для повышения эффективности программ акселерации предоставляют как базовые, так дополнительные сервисы (табл. 2)

Бизнес-акселератор сравнительно «молодая» форма стимулирования малого инновационного предпринимательства в мировой практике. Первый акселератор был создан в США в 2005 г. В 2012 г. количество акселерационных программ в мире достигло 194, в 2015 г. — 793, в мае 2019 г. — 2 191. В год через акселераторы в мире проходят более 14 тыс. стартапов, объёмы инвестиций бизнес-акселераторов — более 220 млрд дол.,

Таблица 1

Основные отличия между бизнес-акселератором и бизнес-инкубатором
(разработано авторами по [12])

Бизнес-инкубатор	Бизнес-акселератор
Инфраструктура	
Предоставляет инфраструктуру и базовый набор сервисов за плату. Цель — повышение процента выживаемости вновь созданных малых предприятий	Предоставляет краткосрочную интенсивную программу развития стартапа за долю в уставном капитале компании. Цель — максимально быстрый, кратный рост стоимости компании за счёт менторской, экспертной, финансовой поддержки
Отраслевая принадлежность	
В соответствии с рекомендациями Минэкономразвития и специализацией бизнес-инкубатора	В зависимости от специализации акселератора
Продолжительность программы	
До 3 лет	3—6 месяцев
Требования к проектам	
Бизнес-план инновационного проекта	От прототипа и первых продаж до начала масштабирования
Периодичность набора резидентов	
Нет	2—3 раза в год
Инвестиции в стартап	
Нет	От 30 до 150 тыс. дол. в обмен на долю в уставном капитале стартапа (3—10%)
Выпуск резидентов	
Окончание срока пребывания в бизнес-инкубаторе или изменение статуса резидента	По окончании программы акселерации после финальной презентации потенциальным инвесторам

Таблица 2

Базовые и дополнительные сервисы бизнес-акселераторов

Базовые сервисы	Дополнительные сервисы
Нетворкинг и образовательные мероприятия	Образовательная программа (подбор команды, разработка продукта, финансовое моделирование)
Экспертиза проектов	Организация тестирования и пилотирования
Менторская поддержка, консалтинг	Специализированные технические сервисы
Венчурное финансирование	Юридическое/бухгалтерское сопровождение
Предоставление рабочих мест / офисов	Маркетинговая поддержка и продвижение
Демонстрационные дни	Зарубежные эксперты
	Преакселератор
	Онлайн-программы
	Постакселерация (работа с выпускниками)

Источник [2].

что составляет 0,3 % мирового ВВП [2].

В России первый бизнес-акселератор был создан в 2008 г. в технопарке Троицка. В 2015 г. поддержку инновационным стартапам оказывали уже 39 акселераторов, в 2018 г. — 103 [1]. Проанализируем структуру российских бизнес-акселераторов по источникам финансирования (рис. 1)

Как следует из данных рис. 1, в РФ преобладают частные, корпоративные и университетские бизнес-акселераторы. Федеральными государственными структурами финансируется 20 % акселераторов. В настоящее время в РФ наиболее интенсивно развиваются корпоративные, государственные и университетские бизнес-акселераторы (табл. 3). Рас-

Рис. 1. Структура акселераторов РФ по источникам финансирования (разработано авторами по [1])

Таблица 3

Наиболее активные бизнес-акселераторы РФ

Акселератор	Тип	Город	Доля в уставном капитале стартапа, которую получает акселератор, %	Длительность программы, мес.	Объём инвестиций в проект
ФРИИ	Государственный	Москва	3—7	3	15 000 дол. за 3% 35 000 дол. за 7%
Generation S	Государственный	Москва	—	3	Призовой фонд корпораций-партнёров
Pulsar Ventures	Региональный	Казань	—	3	До 40 000 дол.
iDealMachine	Частный	Санкт-Петербург	15—20	4	30 000—45 000 дол.
QIWI-Universe	Корпоративный	Москва	8	4	15 000—40 000 дол.
НИУ ВШЭ	Университетский	Москва	—	3	Призовой фонд корпораций-партнёров

Источники: [2—7, 11, 15, 17—18].

смотрим специфику деятельности наиболее успешных акселераторов.

Generation S является корпоративным акселератором с государственным капиталом (100 %). Учредитель — Российская венчурная компания (РВК). Действует с 2013 г. при поддержке РВК и международных корпораций. Акселератор добился значительных успехов по поддержке инновационных стар-

тапов в России: признан лучшим корпоративным акселератором в Европе (Corporate Startup Summit, 2018 г.) и входит в ТОП-5 лучших в мире государственных акселераторов по версии UBI Global (2019 г.) [23]. С 2013 по 2020 г. в Generation S прошли через акселерационные программы более 16,5 тыс. стартапов, венчурные инвестиции компании составили около 9,4 млрд р. [17].

В Generation S разработаны и пользуются значительным спросом несколько программ акселерации: TechNet, Power & Energy, Mining & Metals, LifeScience, AgroBioTech & Food. Акселерационная программа Generation S осуществляет набор стартапов в два потока: для команд, у которых есть только инновационная идея, и для проектов, имеющих прототип продукта (услуги). Generation S как федеральный государственный акселератор не преследует коммерческих целей, не берет долю в уставном капитале стартапов. Акселератор не инвестирует в стартапы, но содействует коммуникациям с корпорациями-партнёрами, которые инвестируют в пилотные проекты победителей программ акселерации [17].

Отличительной особенностью акселератора Фонда развития интернет-инициатив (ФРИИ) является активная деятельность в регионах России. Это единственный российский акселератор, который около 50 % сделок проводит с региональными стартапами [3]. Акселератор ФРИИ фокусируется на IT, финансовых технологиях, ретейле. Значительное внимание менторы и эксперты акселератора уделяют подготовке стартапов к выходу на международный рынок. Акселератор ФРИИ, в отличие от Generation S, берёт долю в уставном капитале стартапа, размер которой варьируется от 3 до 7 %. Инвестиции акселератора ФРИИ в технологические стартапы не ограничиваются 35 тыс. дол. При достижении установленных KPI акселератор предлагает финансирование следующих раундов в объёмах: seed — 25 млн р., раунд А — до 324 млн р. [3].

Pulsar Venture — наиболее известный региональный акселератор — был основан в Казани инвестиционно-венчурным фондом Республики Татарстан. В составе учредителей также: РВК, РАВИ. Специализация акселератора: IT и биотехнологии, промышленный Интернет, робототехника, медицина. Требования к стартапам: инновационный продукт, технологическая реализуемость, готовый продукт, прототип или MVP, высокий потенциал масштабирования на глобальном рын-

ке, компетентная команда. К приоритетным критериям отбора стартапов для акселерации является наличие прав на интеллектуальную собственность (патент на инновационный продукт, услугу, технологию) [18].

iDealMachine — частный акселератор, оператор корпоративных акселерационных программ для Кировского завода (г. Санкт-Петербург), Центра мобильных технологий «Сколков», Университета ИТМО, Israel Experience (Израиль). Более 3000 тыс. стартапов прошли через программы акселерации фокус проектов — цифровое сельское хозяйство (agrotech), сельскохозяйственное машиностроение, промышленный интернет вещей (IIoT), индустрия 4.0, big data, энергетика, e-commerce, транспорт. Корпорации-заказчики инновационных проектов предоставляют гранты на обучение стартапам, которые были отобраны в акселератор, и инвестируют в пилотный проект до 100 млн р. [5].

Кроме iDealMachine в РФ активно реализуют акселерационные программы такие частные акселераторы, как: GVA, Numa, YellowRockets, Loga Group, FinTech Lab. При этом большинство из них ориентированы на крупных заказчиков: корпорации и муниципалитеты. Из классических частных акселераторов, в которых после акселерации стартапы финансируются собственным венчурным фондом, можно отметить только iDealMachine. Отсутствие достаточного венчурного капитала для финансирования стартапов снижает эффективность частных стартапов, которые в основном реализуют образовательные программы [15].

Значительных успехов добился российский частный акселератор Global Venture Alliance (GVA). В 2019 г. GVA занял в рейтинге UBI первое место в мире среди частных акселераторов [23]. GVA — это крупнейший в России частный акселератор с представительством в Кремниевой долине (США). В GVA более 600 экспертов и менторов по развитию инновационного бизнеса, 30 программ акселерации, объём привлечённых инвестиций от венчурных фондов и бизнес-ангелов превысил 150 млн дол. [13].

Из университетских акселераторов РФ наибольших успехов добился бизнес-акселератор НИУ ВШЭ, который занял 1-е место в мире по версии UBI Global 2019—2020 [23]. Акселератор показал наилучшие результаты по таким индикаторам, как: воздействие на экосистему, развитие талантов, привлечение венчурных инвестиций, создание дополнительных рабочих мест [4]. Начиная с менторской и экспертной поддержки студенческих стартапов Высшей школы экономики, акселератор вышел на федеральный уровень. В 2017—2020 гг. акселератор расширил специализацию стартапов до 30 направлений [4]. Акселератор не инвестирует собственный капитал в стартапы, но активно помогает в поиске инвесторов: венчурных фондов и бизнес-ангелов. Например, стартап Agirix Robotics (промышленная робототехника) по итогам акселерационной программы привлёк 500 тыс. дол. от венчурного фонда Genezis Technology Capital и бизнес-ангела на коммерциализацию инновации [4].

Акселератор QIWI Universe — классический корпоративный бизнес-акселератор, функционирует с 2014 г., специализируется на инновациях в области платёжных систем. Специфика данного акселератора заключается в узкой специализации и ориентация стартапов на заказы структурных подразделений Группы QIWI — ведущего российского провайдера платёжных и финансовых сервисов нового поколения [7].

Рассмотрим далее региональный аспект развития российских акселераторов (табл. 4).

Как следует из данных табл. 4, бизнес-акселераторы в РФ расположены крайне неравномерно: 54 (52,4 %) находятся в Москве и Московской области, 6 — в Республике Татарстан, 5 — в Санкт-Петербурге и Ленинградской области, 4 — в Свердловской области. В 12 регионах — по одному бизнес-акселератору, в 58 субъектах РФ акселераторы отсутствуют. Следует отметить, что 5 (4,8 %) акселераторов создано по программе Фонда президентских грантов (г. Москва, г. Санкт-Петербург, Алтайский край, Удмуртская Республика, Омская и Тамбовская области) [1].

Рассмотрим далее основные характеристики наиболее активных региональных акселераторов РФ (табл. 5).

Таблица 4

Региональные акселераторы в субъектах РФ
(составлена авторами по [1])

Регион	Количество	Процент от общего количества
1. Москва и Московская область	54	52,43
2. Санкт-Петербург и Ленинградская область	5	4,9
3. Самарская область	3	2,91
4. Кемеровская область	1	0,97
5. Воронежская область	1	0,97
6. Ставропольский край	1	0,97
7. Омская область	2	1,94
8. Ростовская область	1	0,97
9. Саратовская область	1	0,97
10. Республика Башкортостан	2	1,94
11. Свердловская область	4	3,88
12. Тамбовская область	1	0,97
13. Курская область	1	0,97
14. Иркутская область	2	1,94
15. Ульяновская область	1	0,97
16. Пермский край	1	0,97
17. Республика Татарстан	6	5,82
18. Республика Бурятия	2	1,94
19. Республика Удмуртия	2	1,94
20. Новосибирская область	1	0,97
21. Ханты-Мансийский АО	3	2,91
22. Томская область	3	2,91
23. Алтайский край	3	2,91
24. Краснодарский край	1	0,97
25. Приморский край	1	0,97
<i>Итого</i>	103	100

Из данных табл. 5 следует, что региональные бизнес-акселераторы в основном не финансируют инновационные стартапы, но оказывают поддержку резидентам в поиске венчурных инвесторов. Продолжительность программ акселерации — 2—4 месяца.

Отсутствие региональных бизнес-акселераторов почти в 70 % субъектов РФ способствует оттоку инновационных стартапов в

Наиболее активные региональные бизнес-акселераторы РФ (составлена авторами по [8])

Акселератор	Город / регион	Продолжительность программы, мес.	Программа акселерации	Специализация
Акселератор УрФУ	Екатеринбург (Свердловская область)	4	Индивидуальная работа с трекером 2 раза в неделю, с ментором 1 раз в неделю; 12 лекций по 3 часа. Выстраивание критической цепочки задач для достижения цели, точки роста и диагностика ключевых проблем бизнеса	Биотехнологии, электроэнергетика, нефтегазовая промышленность, IT
PwC Russia Accelerator, Yellow Rockets	Самара (Самарская область)	2	Помощь в поиске новых клиентов и выходе на глобальный рынок, консалтинговая поддержка, грант 100 000 р.	Кибербезопасность, онлайн обучение, VR, IoT, цифровые ассистенты
A:Старт	Новосибирск (Новосибирская область)	2	Построение бизнес-модели стартапа, формирование команды, анализ рынка, поиск инвесторов	Приборостроение, IT, биотехнологии, медицина
Региональная акселерационная программа Томской области	Томск	3—4	Индивидуальная работа с трекером ФРИИ 1 раз в неделю; обучение технологическому предпринимательству: 12 мастер-классов; помощь в подготовке заявок на программы «УМНИК» и «СТАРТ». Возможность привлечь инвестиции от фонда Rubius AdVentures до 50 млн р.	IT, робототехника, машиностроение, химическая, электронная промышленность, строительство, экология

регионы и города с развитой инновационной инфраструктурой: Москву, Санкт-Петербург, Томск, Казань. Данная ситуация ещё более усиливает разрыв в инновационной активности малого предпринимательства в субъектах РФ, негативно сказывается на развитии инновационного потенциала регионов, усиливает конкуренцию в действующих акселераторах. Например, в Москве, где функционирует 42 бизнес-акселератора (40 % от всех действующих в РФ), конкурс на участие в акселерационных программах составляет более 20 стартапов на 1 место. В корпоративные бизнес-акселераторы Москвы конкурс ещё больше: от 23 (акселератор ФРИИ — до 70 (QIWI Universe)) стартапов на 1 место [2].

Основная причина такой тенденции не только в отсутствии региональных акселера-

торов в большинстве регионов РФ, но и в финансовой составляющей венчурного бизнеса. По опросам «Стартап Барометра» в 2018 г. 45 % респондентов в РФ на первое место из проблем развития венчурного стартапа поставили недостаток собственных финансовых ресурсов. При этом реализацию инновационных проектов большинство опрошенных осуществляет за счёт собственного капитала, финансовых ресурсов семьи (знакомых, непрофильного частного инвестора). Финансовую поддержку от венчурных фондов получили только 3 % респондентов, бизнес-ангелов — 5 %. Финансирование стартапов за счёт акселераторов составляет всего 1 % [14] (рис. 2).

Данные рис. 2 в целом коррелируют с данными РВК по объёмам финансирования ак-

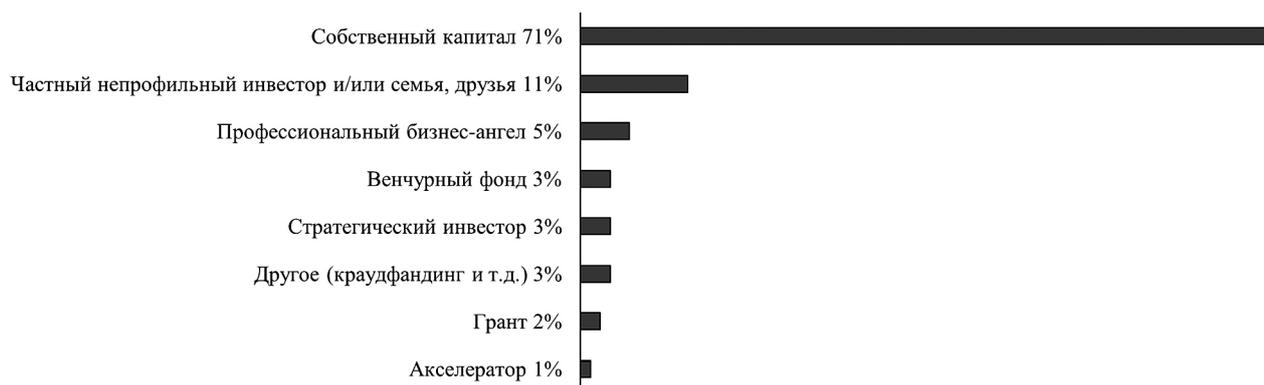

Рис. 2. Источники финансирования инновационных стартапов в РФ в 2018 г. [14]

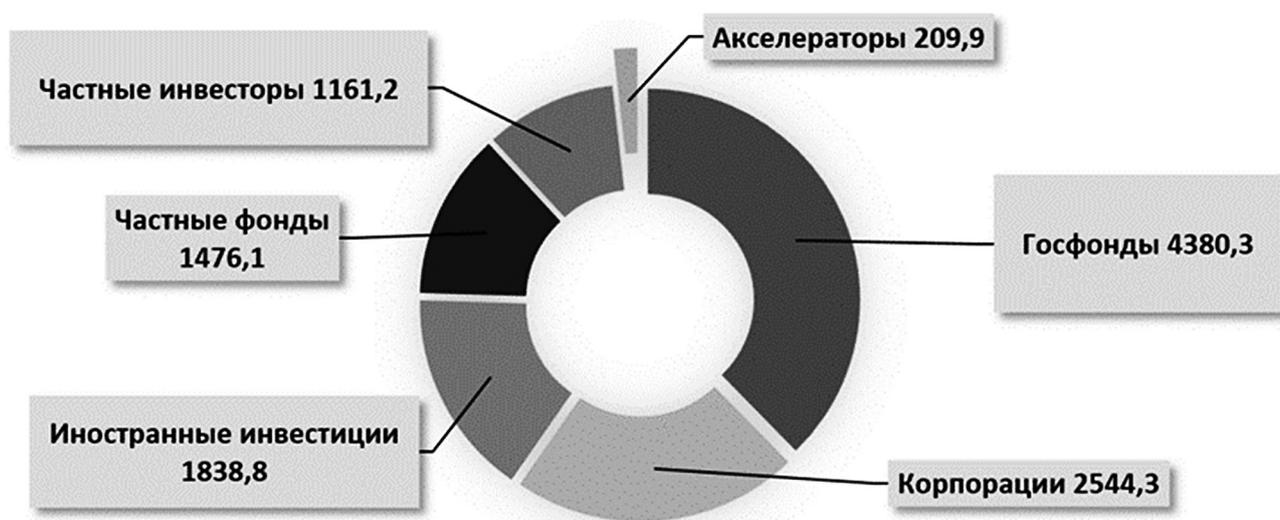

Рис. 3. Структура инвестиций в инновационные стартапы в 2019 г., млн р. (разработано авторами по [10])

селераторами венчурных стартапов в 2019 г. (рис. 3). На долю акселераторов в 2019 г. приходилось только 0,2 % от совокупных венчурных инвестиций в инновационные стартапы (рассчитано авторами по [10]).

По сравнению с 2018 г. активность бизнес-акселераторов в 2019 г. снизилась в 2,4 раза по количеству сделок (107 и 45 сделок соответственно), в 2,2 раза — по объемам инвестиций в стартапы (466,8 млн р. — в 2018 г., 209,9 млн р. — в 2019 г.) (рассчитано авторами по [10]).

Если сравнивать механизм финансирования стартапов российскими и зарубежными акселераторами (табл. 6), то необходимо отметить следующие отличия: в акселераторах США и Европы инвестиции предоставляются за долю в уставном капитале стартапов

6—7 %, в объеме от 50 до 250 тыс. дол. В российских государственных акселераторах долю в уставном капитале стартапов не берут, но и не инвестируют собственный капитал, победители получают гранты из призового фонда партнеров акселератора. В частных акселераторах РФ доля в уставном капитале стартапов выше в 2—3 раза, а объемы венчурных инвестиций меньше, чем в европейских и американских акселераторах в 1,25—6 раз. Специализация российских акселераторов достаточно широкая и охватывает наиболее перспективные сегменты мирового венчурного рынка, как и в акселераторах США и Европы.

Исследуем далее соответствие развития акселераторов РФ общемировым тенденциям (рис. 4)

Топ-3 бизнес-акселераторов США, Европы и России

Акселератор	Тип	Доля акселератора в уставном капитале стартапа за инвестиции, %	Средний размер финансирования, дол. США	Онлайн-программа	Специализация	Преакселератор
Топ-3 акселераторов США						
Y Combinator	Частный	7	150 000	Есть	IT, VR, биотех, финтех	Есть
500 Startups	Частный	6	150 000	Есть	IT, e-commerce, big data	Нет
Techstars	Частный	6	100 000	Есть	IoT, розничная торговля	Есть
Топ-3 акселераторов Европы						
Seedcamp (Великобритания)	Частный	7	200 000—250 000	Есть	Интернет-маркетинг	Нет
WAYRA (Испания)	Частный	6—7	50 000—150 000	Есть	искусственный интеллект, IoT, кибербезопасность, финтех	Нет
StartupYard (Чехия)	ГЧП	5—10	30 000 + грант от Еврокомиссии 250 000	Есть	Мобильные технологии, big data, IoT	Нет
Топ-3 акселераторов РФ						
ФРИИ	ГЧП	3—7	15 000—35 000	Есть	IT, big data, IoT	Есть
Generation S	Государственный	—	Призовой фонд для победителей	Есть	Медиа, сельское хозяйство, e-commerce, биомедицина	Есть
iDealMachine	Частный	15—20	40 000	Нет	IT, агротехнологии, машиностроение, IoT, big data, энергетика, e-commerce, транспорт	Есть

Источники [2—6, 17—22].

Проведённое в рамках данной статьи исследование позволяет нам утверждать, что тренды в развитии российских акселераторов в целом совпадают с мировыми: усиливается специализация, расширяется взаимовыгодное сотрудничество акселераторов с корпорациями, многие акселераторы масштабируют бизнес резидентов на глобальный рынок, сотрудничают с международными инновационными центрами и экспертами, развиваются новые форматы акселерации бизнеса.

Одним из последних трендов мировых акселераторов является развитие постакселерационных сервисов, которые активно внедряются в практику российских бизнес-

акселераторов. Основная цель постакселераторов: системная работа с выпускниками, нетворкинг, масштабирование и внедрение перспективных технологий, прошедших акселерацию; участие в реализации поздних стадий проектов.

Другой отличительной особенностью российских бизнес-акселераторов является активное распространение преакселерационных программ (см. табл. 6). Преакселераторы позволяют подготовить команду стартапа к поступлению и эффективному обучению в очном акселераторе.

Практически все акселераторы РФ, занимающие лидирующие позиции в своих кате-

Рис. 4. Мировые тенденции развития бизнес-акселераторов (разработано авторами по [2, 16])

гориях, добавляют в свою программу виртуальную модель, онлайн-обучение. Эта форма акселерации особенно актуальна в условиях пандемии COVID-19. Виртуальный акселератор позволяет большему количеству предпринимателей воспользоваться сервисами акселерационных программ, сокращает логистические затраты резидентов по сравнению с классической моделью акселератора.

По результатам проведённого исследования авторы пришли к следующим выводам.

1. Бизнес-акселераторы РФ развиваются в соответствии мировыми трендами: специализация, сотрудничество акселераторов с корпорациями, продвижение бизнеса резидентов на международный рынок, новые форматы и модели акселерации бизнеса на различных этапах развития.

2. В большинстве категорий (государственные, корпоративные, частные) бизнес-акселераторы РФ являются лидерами по оценкам UBI GLOBAL 2018—2019 — мирового рейтинга бизнес-инкубаторов и акселераторов. То есть российские акселераторы создали и успешно апробировали бизнес-модели акселерации стартапов, которые признаны лучшими в мире авторитетным профильным рейтинговым агентством.

3. Наряду с успехами лидеров на мировом уровне наблюдается неравномерное развитие

бизнес-акселераторов по регионам РФ. Более 50 % бизнес-акселераторов сконцентрировано в Москве и Московской области, почти в 70 % субъектов РФ акселераторы отсутствуют. Как правило, это регионы с низкой инновационной активностью, неразвитой инновационной инфраструктурой.

4. Около половины инноваторов (по опросам «Стартап Барометра») главной проблемой в реализации инновационных проектов назвали недостаток стартового капитала. При этом более 70 % респондентов реализуют инновационные проекты за счёт собственного капитала, а финансирование стартапов за счёт акселераторов получили только 1 % опрошенных. На долю акселераторов в 2019 г. приходилось только 0,2 % от совокупных венчурных инвестиций в инновационные стартапы. Более того, в 2019 г. по сравнению с 2018 г. активность бизнес-акселераторов снизилась более чем в 2 раза и по количеству сделок, и по объёмам инвестиций в стартапы.

5. Наиболее активно в РФ развиваются корпоративные акселераторы. Основная причина: наличие достаточных финансовых ресурсов для инвестиций в перспективные инновационные проекты по профилю корпорации. Государственные, частные, региональные и университетские акселераторы в основном не инвестируют в проекты резидентов, а

ограничиваются образовательными программами и помощью в поиске инвесторов. Это снижает эффективность коммерциализации инноваций.

Для решения указанных проблем в развитии российских бизнес-акселераторов мы предлагаем:

– активизировать работу региональных администраций по созданию в каждом субъекте минимум одного бизнес-акселератора, ориентированного на поиск и акселерацию инновационных стартапов по отраслевому профилю региона; наиболее эффективной, на наш взгляд, является модель государственно-частного партнёрства, учитывающая экономические интересы государства, инноваторов и частного бизнеса; динамика развития бизнес-акселератора должна стать одним из ключевых показателей эффективности деятельности региональных администраций;

– увеличивать грантовую поддержку (за счёт внебюджетных федеральных и региональных фондов) проектов резидентов государственных и университетских бизнес-акселераторов, ориентированных на приоритетные отрасли экономики: машиностроение, строительство, транспорт, связь, сельское хозяйство, фармацевтику и социальную сферу: медицину, образование; в настоящее время специализация большинства акселераторов РФ связана с ИТ, финансовыми технологиями, ритейлом, электронной коммерцией;

– стимулировать инвестиционную активность бизнес-акселераторов, в первую очередь на посевной стадии реализации инновационных проектов, предоставляя дифференцированные налоговые льготы в зависимости от количества сделок и объёмов инвестиций в налоговом периоде;

– создать государственную систему мониторинга развития бизнес-акселераторов РФ, по результатам которого оказывать поддержку из федерального бюджета наиболее эффективным региональным акселераторам.

На наш взгляд, предложенные рекомендации будут способствовать не только развитию бизнес-акселераторов в РФ как перспективно-

го элемента инновационной инфраструктуры, но и стимулированию малого инновационного предпринимательства в регионах, диверсификации российской экономики.

Библиографический список

1. Ассоциация акселераторов и бизнес-инкубаторов РФ. URL: <http://www.oneup.ru/analytics/innomap> (дата обращения: 10.02.2020).

2. Акселераторы. Обзор международного опыта. 2019. URL: https://innoagency.ru/files/международный%20опыт_14.06.2019.pdf (дата обращения: 15.02.2020).

3. Акселератор ФРИИ. URL: <https://accelerator.idf.ru/> (дата обращения: 18.04.2020).

4. Акселератор Высшей школы экономики. URL: <https://hseinc.ru/accelerator> (дата обращения: 10.04.2020).

5. Акселератор iDealMachine. URL: <http://www.idealmachine.ru/programs.html> (дата обращения: 10.04.2020).

6. Где создать стартап на миллиард: сравнение лучших акселераторов мира. URL: <https://www.forbes.ru/tehnologii/373419-gde-sozdat-startap-na-milliard-sravnenie-luchshih-akseleratorov-mira> (дата обращения: 10.04.2020).

7. Группа QIWI объявляет старт набора в программу QIWI UNIVERSE 2019. URL: <https://1va.vc/news/gruppa-qiwi-obyavlyet-start-nabora-v-programmu-qiwi-universe-2019.html> (дата обращения: 17.06.2020).

8. Десять региональных акселераторов в России: куда идти стартапу в регионах. URL: <https://vc.ru/hr/85210-desyat-regionalnyh-akseleratorov-v-rossii-kuda-idti-startapu-v-regionah> (дата обращения: 15.06.2020).

9. *Королев В.И.* Тенденции развития инновационной деятельности в российском малом бизнесе // Вестник МФЮА. 2018. № 2. С. 76—86.

10. Кто и сколько инвестировал в стартапы в 2019. URL: <https://www.rvc.ru/press-service/media-review/rvk/152345/> (дата обращения: 18.05.2020).

11. Куда стартапу пойти за наставниками и инвесторами: десять крупных акселераторов России. URL: <https://vc.ru/flood/60006-kuda-startapu-poyti-za-nastavnikami-i-investorami-desyat-krupnyh-akseleratorov-rossii> (дата обращения: 14.06.2020).

12. Методические рекомендации по повышению эффективности функционирования бизнес-инкубаторов и акселераторов. 2017. URL: <https://>

www.rvc.ru/upload/iblock/c5e/guidelines.pdf (дата обращения: 10.02.2020).

13. Российская компания GVA признана лучшим частным акселератором мира. URL: <https://hightech.plus/2019/11/08/rossiiskaya-kompaniya-gva-priznana-luchshim-chastnim-akseleratorom-mira> (дата обращения: 14.06.2020).

14. Стартап Барометр-2018. Исследование российского рынка технологического предпринимательства. URL: <http://vc-barometer.ru/startup> (дата обращения: 17.02.2020).

15. Частный или государственный акселератор: что выбрать российскому стартапу. URL: <https://rb.ru/opinion/chastnyj-ili-gos/> (дата обращения: 10.02.2020).

16. Acceleration today: trends & challenges. 2016. URL: <http://www.europeanacceleratorsummit.com/wpcontent/uploads/sites/14/2016/12/ACCELERATION-TODAY.pdf> (дата обращения: 20.03.2020).

17. Generation S — платформа по развитию корпоративных инноваций. URL: <https://generation-startup.ru> (дата обращения: 14.05.2020).

18. Pulsar VC Acceleration Program. URL: <http://accelerator.pulsar.vc/#rec146102918> (дата обращения: 15.03.2020).

19. Top accelerators in the U.S. 2017. URL: <http://seedrankings.com/> (дата обращения: 15.04.2020).

20. Top 20 European Accelerators of 2018. URL: <https://www.venionaire.com/european-accelerators-2018/> (дата обращения: 18.04.2020).

21. Seedcamp. URL: <https://seedcamp.com/faq/> (дата обращения: 20.06.2020).

22. StartupYard. URL: <https://rb.ru/news/startupyard/> (дата обращения: 15.06.2020).

23. UBI-GLOBAL. World Rankings of Business Incubators and Accelerators 2019—2020. URL: <https://ubi-global.com/product/world-rankings-of-business-incubators-and-accelerators-2019-2020/> (дата обращения: 18.05.2020).

ПОВЫШЕНИЕ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ УЧАСТНИКОВ МЕЖДУНАРОДНОЙ ТОРГОВЛИ НА ОСНОВЕ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

*О.В. НИКУЛИНА, доктор экономических наук,
профессор кафедры мировой экономики
и менеджмента,
Кубанский государственный университет
e-mail: olgafinans@mail.ru*

*С.А. ПЕТРОСЯН, менеджер, департамент
закупок,
АО «Тандер»
e-mail: syuzanna_petrosyan1997@mail.ru*

Аннотация

В статье обоснована необходимость разработки и применения цифровых технологий основными участниками международной торговли с целью сохранения и наращивания конкурентных преимуществ в условиях цифровизации мировой экономики. Проанализированы основные тенденции цифровой трансформации в сфере международной торговли. Даны практические рекомендации по ускорению цифровизации внешнеторговой деятельности, а также адаптации участников международной торговли к условиям глобальной цифровой трансформации.

Ключевые слова: международная торговля, конкурентоспособность, участники международной торговли, цифровая трансформация, цифровая инфраструктура.

В современной экономике все отрасли мирового хозяйства охвачены влиянием цифровой революции. При этом все секторы экономики с разной скоростью осуществляют внедрение цифровых технологий и с различной интенсивностью трансформируют свои бизнес-процессы и бизнес-модели. Осуществляя переход к четвёртой промышленной революции, цифровизация в корне меняет ожидания потребителей, поэтому традиционные бизнес-модели уже не позволяют отвечать требованиям рынка, и компании вынуждены искать новые методы и инструменты повышения конкурентоспособности.

На рис. 1 представлены основные элементы цифровой экономики, оказывающие существенное влияние на развитие сферы международной торговли.

Сегодня сфера информационных техноло-

гий является не просто инновационной, но и своего рода «пионером» в области цифровизации всех бизнес-процессов. Развитие международной торговли уже невозможно представить без современных информационных технологий, обеспечивающих оцифровку и кодировку данных, скорость передачи информации, обработку электронных документов, сканирование, распознавание, контроль и учёт с использованием не только программных продуктов, но и цифровых технологий, основанных на применении искусственного интеллекта, 3D-печати, роботизации и т. д. По итогам 2017 г. 10 % глобального экспорта услуг приходилось на сектор информационно-телекоммуникационных технологий, что в абсолютном выражении составило 527 млрд дол. США. В эпоху цифровой экономики сектор информационных технологий демонстрирует стабильный рост со среднегодовыми темпами 7 % за период 2010—2017 гг. Страны Содружества Независимых Государств (СНГ) экспортируют услуги сектора IT-технологий с ежегодным приростом 12 % за анализируемый период 2010—2017 г., что превышает данный показатель даже по странам Азии с уровнем среднегодового прироста 9 % за данный период [1].

Данные табл. 1 показывают динамику наращивания темпов развития интернет-торговли ведущими странами, среди которых бесспорным лидером является Китай с объёмом 1 330 млрд дол. по итогам 2018 г., на долю которого приходится 47,6 % всего рынка электронной коммерции в мире. При этом Китаю удалось нарастить свои темпы роста в

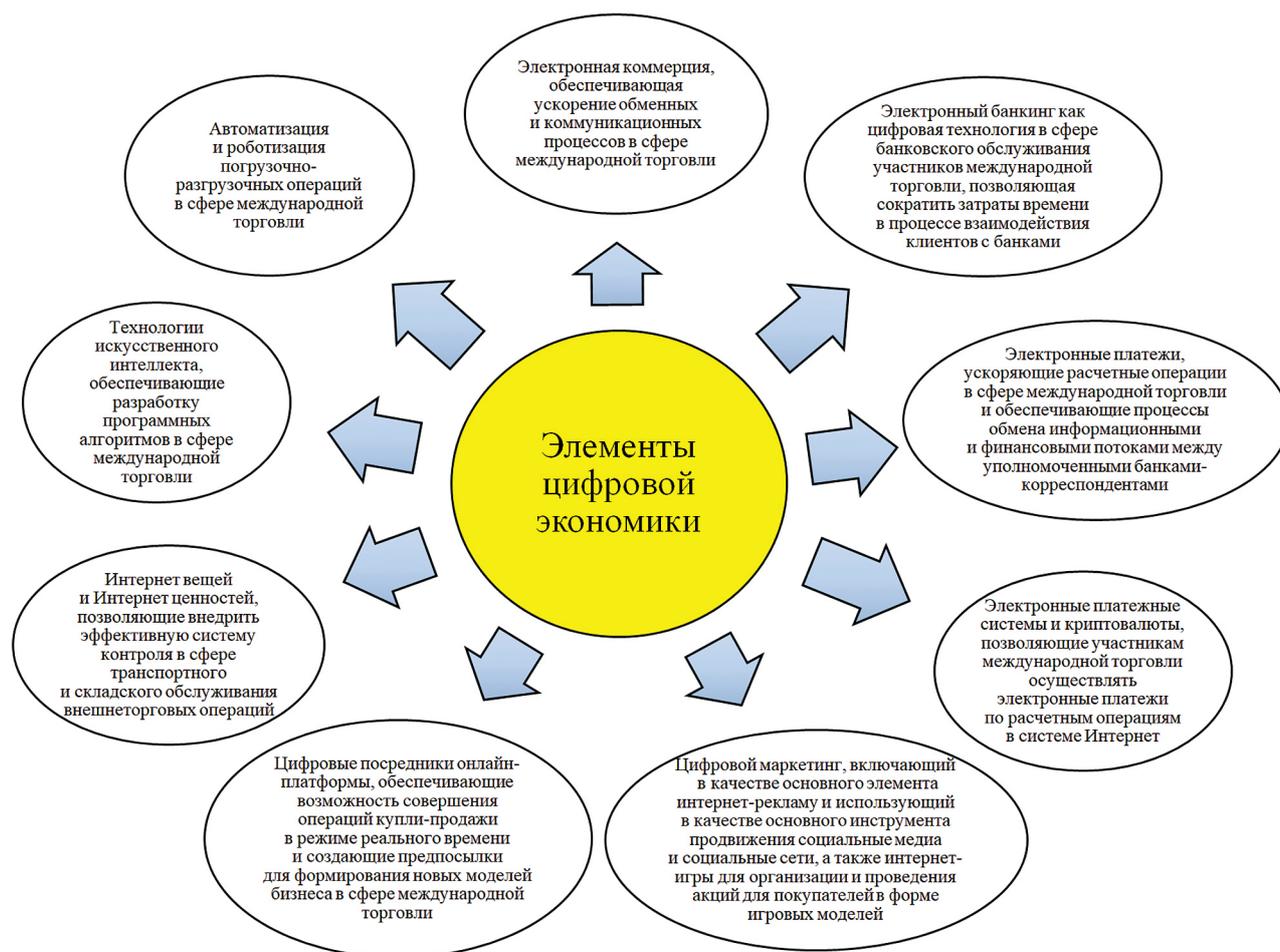

Рис. 1. Основные элементы цифровой экономики, оказывающие существенное влияние на развитие сферы международной торговли

сфере интернет-торговли более чем в 2 раза в 2018 г. по сравнению с 2016 г.

По данным табл. 1 видно, что только три страны (Китай, Великобритания и Индия) осуществили за последние три года (2016—2018 гг.) наращивание объемов интернет-торговли более чем в 2 раза, остальные страны демонстрируют умеренный рост. Китаю удалось совершить существенный прорыв в данной сфере благодаря активному внедрению цифровых технологий и эффективному использованию цифровых торговых площадок и онлайн-платформ. Стабильный и умеренный рост интернет-торговли демонстрируют Япония, Южная Корея, Канада, Бразилия, Россия, которые развиваются в данном направлении быстрыми темпами. В сфере оптовой интернет-торговли по итогам 2018 г. позиции стран-лидеров остаются практически неизменными

и сохраняются за Китаем, США, Японией, Германией, Великобританией, которые накопили существенный потенциал для внедрения цифровых технологий и их использования в сфере международной торговли как в формате розничных продаж, так и в оптовых операциях. Следует отметить, что развитие процессов цифровой трансформации внешнеэкономической деятельности сопровождается монополизацией рынков ведущими игроками, которые имеют доступ к широкополосным услугам и платформам электронной торговли. Это приводит к цифровому неравенству участников международной торговли и углублению противоречий в их взаимоотношениях [6]. Транснациональные корпорации ведущих стран — лидеров цифровой экономики располагают финансовыми ресурсами и накопленным инновационным потен-

Таблица 1

Участие ведущих стран в развитии интернет-торговли за период 2016—2018 гг. [2, 8—9]

Страна	2016 г., млрд дол.	2017 г., млрд дол.	2018 г., млрд дол.	Темп роста объёма интернет-торговли 2018—2016 гг.	Доля интернет-торговли в ВВП в 2018 г., %	Доля в объёме мировых розничных продаж интернет-торговли в 2018 г., %
Китай	562,66	900	1330,0	2,36	4,5	47,6
США	349,06	423	513,0	1,47	2,6	18,4
Великобритания	93,89	102,7	199,1	2,12	7,9	7,2
Германия	74,46	89,8	105,8	1,41	3,1	4,0
Франция	42,62	43,1	44,5	1,04	1,8	1,6
Япония	79,33	79,5	84,2	1,06	2,1	3,1
Южная Корея	36,76	37,2	38,0	1,03	2,5	1,4
Канада	28,77	29,8	33,6	1,17	2,3	1,2
Россия	20,30	17,4	28,3	1,39	2,5	1,0
Бразилия	18,80	15,8	21,1	1,12	1,0	0,7
Индия	10,1	11,7	22,9	2,27	1,0	0,8

циалом для осуществления цифровой трансформации и захвата новых рынков сбыта на основе использования своих преимуществ в создании цифровой инфраструктуры и цифрового формата ведения производственной и внешнеторговой деятельности. Сегодня ТНК повышают эффективность своего бизнеса на основе активного внедрения современных цифровых технологий (искусственный интеллект, интернет вещей, облачные технологии, системы распределённого реестра, технологии виртуальной, дополненной и смешанной реальности и т. п.), обеспечивающих обработку большого объёма данных и возможность осуществления тотального контроля. Цифровые технологии обеспечивая ТНК доступ к массивам открытых данных, позволяют им занимать лидирующие позиции на рынке, обостряя международную конкуренцию. В свою очередь, это вызывает необходимость решать задачи информационной и экономической безопасности. Одним из примеров проявления жёсткой конкурентной борьбы в сфере цифровых технологий не только на уровне ТНК, но и на уровне отдельных стран является скандал, разразившийся между США и Китаем по поводу блокировки функционирования в США приложения TikTok и мессенджера WeChat, принадлежащих китай-

ским компаниям ByteDance и Tencent. В настоящий момент происходит борьба между ведущими игроками за системное доминирование в мировой экономике в условиях нового технологического уклада.

Необходимо отметить, что, несмотря на огромное количество разрабатываемых, разработанных и применяемых стратегий, моделей и практик цифровизации бизнес-процессов, по-прежнему существуют огромные провалы и недоработки в процессах цифровой трансформации. Это говорит о неготовности ни одной национальной экономики к резкому и беспроигрышному переходу на цифровое сопровождение и реализацию своей деятельности. Ошибочно полагать, что глобализация может упростить, адаптировать и унифицировать удачный опыт одной национальной экономики для использования его другой. Однако более отстающим в вопросе цифровизации странам можно и нужно применять опыт более преуспевших стран, чтобы максимально приблизиться и ускорить переход на цифровые модели деятельности [4]. Согласно данным UNCTAD [10], сегодня в мировой экономике доминирующее положение занимают несколько глобальных фирм США и Китая, на долю которых приходится 90 % рыночной капитализации 70

крупнейших мировых цифровых платформ, причём на долю 7 суперплатформ, представленных компаниями США (Microsoft, Apple, Amazon.com, Alphabet (материнская компания Google), Facebook) и компаниями Китая (Tencent Holdings и Alibaba Group Holding Ltd), приходится две трети всей рыночной стоимости. Существенно отстают от своих конкурентов компании стран Европы (их доля составляет 4 %) и компании стран Африки и Латинской Америки, доля которых в совокупности не превышает 1 % [10]. При этом для всех стран сегодня особое значение имеет возможность встроиться в глобальную цифровую экономику, чтобы получить доступ к цифровым технологиям и данным, способным обеспечить конкурентные преимущества за счёт их преобразования в цифровую аналитику и монетизирования для коммерческого использования в сфере международной торговли. Переход к внедрению и использованию цифровых технологий заставляет всех участников международной торговли с целью обеспечения высокого

уровня конкурентоспособности на мировом рынке активно осуществлять цифровую трансформацию своей деятельности, осваивая новые коммуникации с использованием цифровых платформ, привлекая технологии искусственного интеллекта для обработки большого объёма данных, модифицируя свои товары и услуги.

Согласно данным статистики, к 2025 г. ожидается увеличение показателя глобального экспорта услуг на 2 трлн дол. по сравнению с показателем 2017 г. Это говорит о положительных прогнозах и тенденциях в мировой экономике, рост которой в период 2018—2025 гг. должен составить 4,5 %. Основой для такого прогноза послужили новые возможности цифровой экономики, обеспечивающие ускорение бизнес-процессов на основе внедрения технологий искусственного интеллекта, блокчейн, интернета вещей и других как в сфере финансовых услуг, так и в области технического обслуживания цифрового оборудования, информационных систем и т. д. (рис. 2) [7].

Рис. 2. Ожидаемый прирост мирового экспорта услуг к 2025 г. по отношению к 2017 г., % (составлено авторами на основе [7])

Внедрение цифровых технологий в международную торговлю существенно изменило систему внешнеэкономических связей и отношений участников, трансформировав основные бизнес-модели, что, в свою очередь, заставило регуляторов начать поиск новых решений и методов стимулирования внешнеторговой деятельности. С внедрением цифровых технологий активизировалась роль сервисов в сфере проектирования, дизайна, исследований, особую значимость приобрели цифровые платформы, услуги стали неотъемлемой частью «умных» товаров.

Современная ситуация в мире в условиях разразившейся пандемии коронавируса заставила все страны пересмотреть свою стратегию развития международной торговли и скорректировать её с учётом особенностей функционирования промышленного производства в Китае, где была зафиксирована первая вспышка коронавируса ещё в самом начале 2020 г. С развитием пандемии в разных странах мира произошёл сбой в промышленном секторе экономики впервые в Китае, а потом и в других странах, которые были вынуждены сначала останавливать свои конвейеры из-за нехватки запасных частей и комплектующих из Китая, а потом не смогли продолжить производство по причине введения карантина из-за разразившейся пандемии в своей стране. Ведущие международные компании были вынуждены ввести так называемый режим «удалёнки» для своих сотруд-

ников, чтобы не останавливать полностью работу своих предприятий. В этих условиях резко возросли роль и значение информационных технологий, программных продуктов, технологий искусственного интеллекта. Сегодня технологии и продукты искусственного интеллекта широко применяются и производителями, и потребителями. Поэтому в перспективе рынок технологий искусственного интеллекта будет расти быстрыми темпами, и к 2025 г. его среднегодовой темп роста составит 53 % (рис. 3).

Компания PricewaterhouseCoopers прогнозирует к 2030 г. бурное развитие технологий искусственного интеллекта в объёме 15,7 трлн дол., в том числе 9,1 трлн дол. составит рост производительности и 6,6 трлн дол. — эффекты потребления [3].

Информация и потоки данных стали сегодня «новой нефтью». Любой проект, связанный с цифровизацией, напрямую строится на совокупности и анализе данных, которые выступают в нём сырьём. Так, интернет-магазины, в частности, Amazon, применяют на практике систему динамического ценообразования, которая позволяет им за считанные секунды корректировать цены на миллионы своих товаров. Необходимо отметить, что крупные игроки рынка в большинстве своём имеют утверждённые, чётко согласованные и долгосрочные стратегии развития, позволяющие им завоевать конкурентные позиции на нескольких уровнях взаимодействия

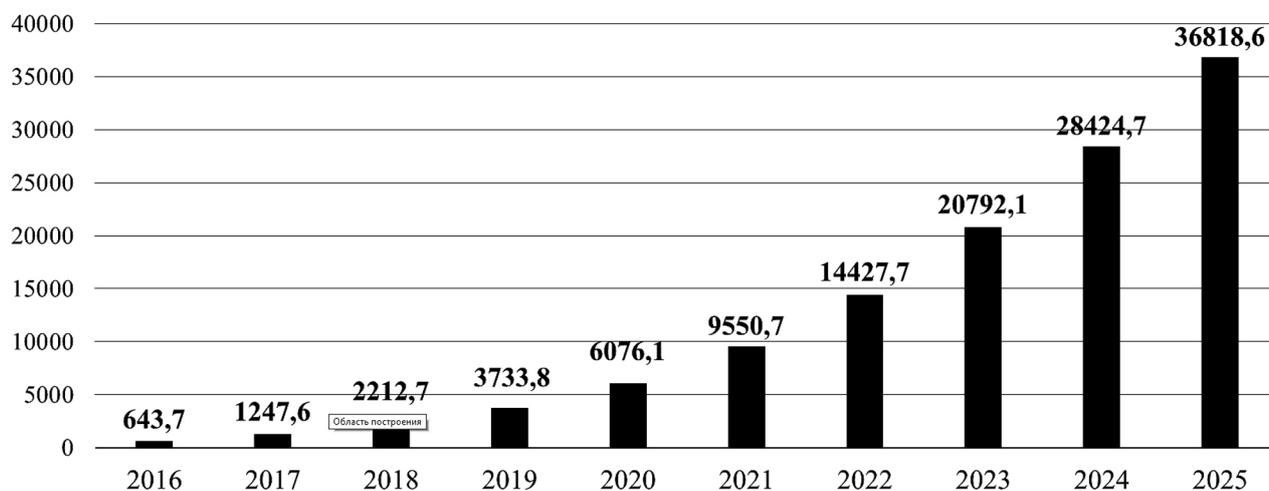

Рис. 3. Прогноз объёмов мирового рынка искусственного интеллекта до 2025 г., млрд дол. США [1]

с участниками рынка. Они охватывают все главные направления деятельности: инвестиции, логистика, финансы, рынок. В табл. 2 приведены стратегии двух крупнейших компаний электронной коммерции — Alibaba и Amazon.

Для сохранения конкурентных позиций компаниям необходимо непрерывно искать и внедрять новые технологичные решения, связанные с цифровизацией бизнес-процессов. Решения и подходы к поиску нового продукта должны стать более гибкими. Очень важно при этом уметь адаптировать и использовать уже готовые решения и сервисы, которые имели успешный опыт реализации на зарубежных рынках, хотя это и обходится компаниям дорого, и требует особенно крупных инвестиций на начальном этапе. Технологическое развитие и цифровые бизнес-модели позволяют компаниям сократить издержки в процессе участия в сфере международной торговли, а также повышают их шансы стать самыми эффективными и продвинутыми её участниками. Результаты анализа динамики развития международной торговли показали неизбежность перехода к процессам цифровизации и возможность быстрого наращивания оборотов за счёт автоматизации и кодирования контрольных процедур, ускорения

обменных и расчётных операций, развития систем искусственного интеллекта [5].

Стремительное развитие цифровых технологий и инструментов, их широкое использование в финансовой сфере по сути уже сформировало новую глобальную цифровую среду. Рынок финтеха в России развивается на высоких скоростях, так как спрос на цифровые решения становится все выше. Сегодня коммерческие банки активно используют не только дистанционное банковское обслуживание, но и новые цифровые услуги для внешнеторговых партнёров, обеспечивая надёжность и скорость осуществления международных расчётов. Вместе с развитием интернет-технологий резко возросла и конкуренция в как в сфере международной торговли, так и в финансовой сфере со стороны big-tech-компаний и небанков, что в свою очередь заставило банки в ускоренном режиме перейти к цифровым технологиям.

С учётом выявленных проблем и недостатков стратегий основных участников международной торговли по переходу к цифровой трансформации своей деятельности необходимо обозначить мероприятия, проведение которых позволит ускорить и оптимизировать процессы цифровизации в сложившихся макро- и микроэкономических условиях:

Таблица 2

Стратегии развития конкурентных преимуществ и повышения эффективности деятельности Alibaba и Amazon (составлено авторами)

Компания	Путь развития / расширения	Логистика	Планы и перспективные направления
Amazon	Главной целью является глобализация бренда. С пятикратным преимуществом по сравнению с Amazon наращивает количество скупаемых по всему миру брендов	Система ориентирована на прямую доставку товаров до покупателя. Для этого создана мощная сеть складов, развивается модель прямых продаж	Содействие и инвестирование в компанию, разрабатывающую технологии диагностики рака; запуск собственных линий обуви, одежды; открытие офлайн-вых книжных магазинов
Alibaba	Главной целью является использование логистических сетей и сетей дочерних филиалов для объединения онлайн-рынка	Система ориентирована на масштабирование обмена товарами и услугами. Вместо складов с запасами созданы программные платформы	Продажа технологий офлайн-магазинам для лучшего понимания предпочтений покупателей; взаимодействие с поисковой системой Китая Baidu для отображения нужных результатов поиска

– создать региональные центры по разработке и внедрению цифровых концепций для основных участников международной торговли, что позволит преодолеть организационные проблемы внедрения цифровых технологий, сократить расходы на цифровизацию бизнес-процессов, получить опыт в данном направлении; в России в данном направлении успешно и эффективно работает АО «Российский экспортный центр», который осуществляет поддержку инновационных экспортно ориентированных предприятий в регионах;

– оптимизировать нетарифные барьеры для развития экспорта / импорта с учётом экономической целесообразности и защиты интересов участников внешнеэкономической деятельности, в частности, снять ограничения на онлайн-рекламу внутри устойчивых торговых группировок стран, что позволит выдерживать конкуренцию и выжить в условиях ускоренной цифровизации; реализация данного направления должна предусматривать защиту интересов национальных компаний на мировом рынке и призвана обеспечить информационную и экономическую безопасность, что в масштабах мировой экономики призвана обеспечить ВТО в рамках реализации своей функции регулирования международной торговли и создания условий для развития конкуренции;

– разработать унифицированную программу реструктуризации бюджета крупных госкомпаний в сторону увеличения затрат на цифровизацию бизнес-процессов, привлечение высококвалифицированного персонала и открытие новых цифровых технологий; данное направление целесообразно развивать в аспекте реализации Национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации 2024», утверждённой Указом Президента России от 7 мая 2018 г. № 204;

– либерализовать соглашения между странами — участницами группировок в части регулирования деятельности интернет-площадок, осуществляющих торговлю в пределах этих стран; Всемирная торговая организация разрабатывает новые требования к регулированию международной торговли в цифровом

формате с учётом экономических интересов основных участников внешнеторговых отношений;

– сформировать и регулярно совершенствовать документы, содержащие рекомендации для предприятий среднего и малого бизнеса, например, рекомендации по созданию интернет-витрин по предлагаемым товарам / услугам; с целью обеспечения равных прав и возможностей для участия в конкурентной борьбе за рынки сбыта малых и средних предприятий необходимо организовать нормативное регулирование экспортной деятельности субъектов МСП с учётом государственной поддержки экспорта инновационных товаров и услуг, обеспечивающих быстрый переход к цифровым технологиям в сфере международной торговли.

Практически в каждой сфере есть компания, которая имеет своего цифрового конкурента-гиганта. Примером могут служить компании, занятые в розничной торговле, которые столкнулись с цифровой реальностью, где действуют Amazon, Alibaba и другие гиганты интернет-торговли. В целом, международная торговля является одним из главных объектов воздействия со стороны процессов цифровизации. Сегодня международная торговля подверглась серьёзному испытанию в связи с пандемией коронавируса. Поэтому особенно остро стоит вопрос о скором и максимально организованном переходе основных участников международной торговли на использование цифровых технологий практически во всех бизнес-процессах. Несмотря на то, что многие компании уже открыли свои бизнес-процессы реалиям цифровизации, большинство участников международной торговли всё же не осознали или не успели в полной мере подготовиться к новым вызовам цифровой экономики. Поэтому особо остро стоит вопрос о разработке и внедрении тех методов и инструментов, которые позволят именно трансформировать и развить бизнес-модели компаний, а не сдать позиции на рынке более крупным игрокам. Это позволит сохранить конкурентную основу международных торговых отношений, развить дан-

ную сферу, сформировать базу для появления новых, уже цифровых игроков рынка.

Таким образом, в результате проведённого исследования направлений повышения конкурентоспособности участников международной торговли на основе цифровой трансформации их деятельности получены следующие выводы.

1. Использование цифровых технологий всеми участниками сферы международной торговли сегодня является необходимым условием обеспечения высокого уровня конкурентоспособности. Во многом это стало возможным благодаря эффективному развитию сферы информационных технологий, которая сама по сути является инновационной и способствует созданию и распространению цифровых технологий. Экспорт услуг в сфере информационно-коммуникационных технологий позволил создать благоприятные условия для цифровой трансформации международной торговли.

2. Страны — участницы международной торговли сегодня конкурируют не только за рынки сбыта, но и в первую очередь за возможность лидировать в сфере цифровых технологий, формируя тем самым новое поколение потребителей цифровых услуг и продуктов. Китай сегодня является бесспорным лидером в сфере электронной коммерции, опережая в данном направлении своего основного конкурента США. Вместе с Китаем и США ключевые позиции в сфере интернет-торговли занимают также Великобритания, Германия, Франция, Япония, Южная Корея. Существенных результатов в данном направлении достигли Канада, Бразилия, Россия, Индия. Не смотря на активное развитие цифровизации мировой экономики, страны до сих пор не выработали единой стратегии перехода к новому формату цифрового взаимодействия в сфере международной торговли.

3. Разразившаяся эпидемия коронавируса продемонстрировала значимость цифровых технологий для развития международной торговли, когда в условиях изоляции всех стран основное взаимодействие между участниками внешнеторговой деятельности осуществ-

лялось с использованием цифровых онлайн-платформ, обеспечивающих коммуникации и возможность заключения контрактов на перспективу. Международные компании Alibaba и Amazon успешно реализуют стратегии развития на основе применения цифровых технологий в сфере привлечения инвестиций, логистики, финансирования проектов, исследования рынков, что позволяет им успешно конкурировать в сфере международной торговли. Цифровая трансформация охватила и финансовую сферу, заставив банки и финансовые организации повышать свою конкурентоспособность на основе гибкого реагирования и комплексного подхода к поиску новых форм работы.

4. Развитие искусственного интеллекта позволяет ускорять бизнес-процессы и вносит изменения в сферу не только торговых отношений, но и финансовых расчётов, заставляя банки конкурировать на финансовом рынке на основе разработки новых цифровых продуктов и услуг. Обработка большого объёма данных, формирование цифровой инфраструктуры, внедрение искусственного интеллекта, применение интернета вещей, 3D-печати заставляет всех участников международной торговли адаптироваться к новым реалиям и разрабатывать нестандартные подходы к решению стратегических целей и задач.

5. В процессе цифровой трансформации деятельности участников внешнеторговых отношений возникает необходимость пересмотра стандартов и методов регулирования сферы международной торговли как со стороны основных мегарегуляторов, так и на уровне межгосударственных соглашений. В данном направлении предложены следующие мероприятия, проведение которых позволит ускорить и оптимизировать процессы цифровизации в сложившихся макро- и микроэкономических условиях: создать региональные центры по разработке и внедрению цифровых концепций для основных участников международной торговли; разработать унифицированную программу реструктуризации бюджета крупных госкомпаний в сто-

рону увеличения затрат на цифровизацию бизнес-процессов; либерализовать соглашения между странами-участницами группировок в части регулирования деятельности интернет-площадок, осуществляющих торговлю в пределах этих стран; сформировать и совершенствовать нормативную базу в сфере регулирования цифрового взаимодействия участников международной торговли. Предполагается, что данные направления должны быть реализованы не в рамках административно-командной системы, а в аспекте применения комплексного подхода и гибкого регулирования международной торговли в условиях цифровой трансформации внешнеторговой деятельности всех участников на макроуровне со стороны ВТО, на уровне отдельных стран и их группировок в рамках межгосударственных соглашений и государственного регулирования внешнеторговых отношений с учётом защиты интересов всех участников, а также с учётом обеспечения экономической и информационной безопасности их деятельности с применением цифровых технологий.

Библиографический список

1. Мониторинг глобальных трендов цифровизации. Ростелеком. URL: https://www.company.rt.ru/projects/digital_trends/2018.pdf (дата обращения: 01.07.2020).
2. Обзор рынка электронной коммерции. URL: <https://spark.ru/startup/nyigde/blog/39946/obzorinka-elektronnoj-kommertsii> (дата обращения: 10.06.2020).
3. Прогнозы развития технологии искусственного интеллекта на 2019 г. URL: <https://www.pwc.ru/publications/artificial-intelligence-predictions-2019.html> (дата обращения: 03.07.2020).
4. Ревенко Л., Ревенко Н. Международная практика реализации программ развития цифровой экономики // *Международные процессы*. 2017. Т. 15, № 4. С. 20—39.
5. *Смирнов Е.Н.* Цифровая трансформация мировой экономики: торговля, производство, рынки: монография. М., 2019.
6. *Спартак А.Н.* Четвёртая промышленная революция и международная торговля // *Международная торговля и торговая политика*. 2018. № 2 (14). С. 5—21.
7. Стратегия развития экспорта услуг до 2025 года: распоряжение Правительства РФ от 14.08.2019 г. № 1797-р. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72522542/> (дата обращения: 01.07.2020).
8. Электронная коммерция в России. URL: <https://adindex.ru/specprojects/market-6/commerce/index.phtml> (дата обращения: 01.02.2020).
9. E-commerce в цифрах. URL: <https://constantaco/news/20190108-e-commerce-v-tsifrakh> (дата обращения: 12.01.2020).
10. UNCTAD, 2019, UNCTAD B2C [business to consumer] e-commerce index 2019, Technical notes on ICT [information and communications technology] for development. № 14. URL: <https://unctad.org/en/pages/PublicationWebflyer.aspx?publicationid=2586> (дата обращения: 08.08.2020).

МЕТОДИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ОЦЕНКЕ ВЕЛИЧИНЫ ИТ-ЦЕННОСТИ ЦИФРОВОГО ПРОДУКТА

*А.В. РОДИН, кандидат экономических наук,
доцент, заведующий кафедрой организации
и планирования местного развития,
Кубанский государственный университет
e-mail: mailteor@mail.ru*

*А.С. БУДКО, магистрант
факультета управления и психологии
Кубанский государственный университет
e-mail: annabudko81@gmail.com*

Аннотация

В настоящее время происходит активная диджитализация отраслей экономики и социальной сферы. В статье рассмотрены состояние и перспективы развития цифровой трансформации в России, исследованы подходы к определению понятия ИТ-ценности в системе цифровой экономики. Предложены методические подходы к выявлению факторов генерации ИТ-ценности, определению цепочек её создания. Обоснована необходимость не только определения доли цифровой экономики в валовом внутреннем продукте страны на основе добавленной стоимости данных, но и оценки величины ИТ-ценности цифрового продукта при реализации конкурентных преимуществ, сформированных в процессе цифровой трансформации.

Ключевые слова: цифровая экономика, потенциал развития, добавленная стоимость данных, цепочки создания стоимости, ИТ-ценность, конкурентное преимущество.

Россия в настоящее время делает определённые успехи в сфере цифровой трансформации отраслей экономики и социальной сферы. В долгосрочной перспективе диджитализация может стать значимым фактором устойчивого развития [2, с. 21]. В 2018 г. в рейтинге ВЭФ Россия занимала 43-е место среди 140 государств по уровню развития цифровой экономики, а в номинации проникновения ИКТ — 25-е место благодаря распространённости Интернета и мобильной связи [15]. Экспертным сообществом активно разрабатываются и апробируются различные методики оценки многочисленных аспектов уровня развития цифровой экономики [13].

Процессы цифровой трансформации изменяют существовавшие до последнего вре-

мени стереотипы хозяйствования. Так, в традиционных отраслях экономики большие затраты ресурсов приводят к удорожанию стоимости продукции. Но в цифровой экономике, наоборот, при увеличении базы данных удешевляется производство продукта. В цифровой сфере не действуют законы стоимости и предельной полезности. Накопление данных позволяет генерировать новые данные с уменьшающейся стоимостью дополнительно получаемой информации. Рыночная стоимость цифровой компании не имеет никакой материальной основы. Предельная эффективность инвестиций растёт при диверсификации цифровых сфер деятельности и увеличении доли на рынке, в то время как при данных условиях в сфере материального производства — снижается. Цифровая экономика и процессы диджитализации в финансовом секторе позволяют фактически использовать ресурсы реального сектора экономики.

В условиях цифровой экономики данные должны служить целям её развития, обеспечивать рост качества жизни. Для хозяйствующих субъектов диджитализация позволяет как создавать больший объём стоимости, так и обеспечивать возрастание ИТ-ценности. Процесс создания стоимости мы рассматриваем в аспекте генерации добавленной стоимости хозяйствующими субъектами — персоналом, малыми и средними формами бизнеса, платформами и органами исполнительной власти в отношении сферы «цифровая экономика» в узком и широком понимании. Следует подчеркнуть, что при оценке создаваемой в цифровой экономике стоимости, а также генерируемой ИТ-ценности возникает множество

трудностей. Так, в состав цифровой экономики относят совершенно разный круг субъектов. Кроме того, для оценки IT-ценности цифрового продукта требуются более полные данные по различным составляющим сфер, охваченных цифровой трансформацией.

Основой развивающейся диджитализации служат цифровые платформы и базы данных. В 2006 г. маркетолог К. Хамби верно высказался о главной ценности последнего века: «Данные — это новая нефть» [5]. Большой поток информации, обработанной и проанализированной, является ничем иным, как большой ценностью для её обладателя (рис. 1).

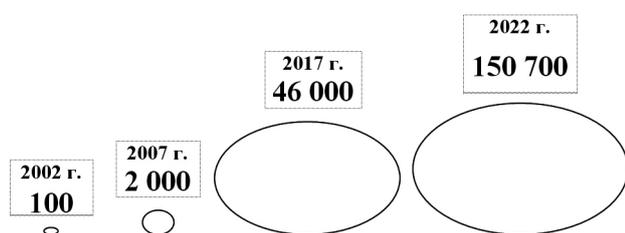

Рис. 1. Мировой трафик данных в сети Интернет, Гб/с (составлено по [11])

Президент Всемирного экономического форума в Давосе Клаус Швабе уверен, что бизнес, который не трансформируется в цифровой, рано или поздно умрёт [9, с. 154]. В мире давно приняты и реализуются программы диджитализации экономики. Так, в США в 2009 г. была принята «Облачная стратегия», в Евросоюзе в 2010 г. — «Цифровая Европа 2020», а в 2016 г. — ещё и «Цифровой рынок — оцифровка промышленности: вопросы и ответы». Германия с 2011 г. реализует программу «Индустрия 4.0», планируя использовать полностью интернетизированное производство уже в 2030 г. При этом ежегодные инвестиции в IT-технологии составят 40 млрд евро. Китай в 2015 г. принял комплексную программу «Интернет плюс», включающую приоритетное развитие обрабатывающей промышленности [1, с. 39].

Согласно данным Digital Evolution Index 2017, Российская Федерация может в недалёкой перспективе перейти с сегодняшнего 39-го места в рейтинге стран, обогнав по уровню развития цифровой экономики Ма-

лайзию и Филиппины, на лидирующие позиции — в число таких стран, как Соединённые Штаты Америки, Великобритания и др. Россия сегодня имеет стабильный темп роста диджитализации, находясь на пике цифровой трансформации, обеспечивая значительный приток инвестиций [14].

В то же время, исследование благоприятности условий для ведения непосредственно цифрового бизнеса среди 42 стран по семи ключевым показателям, проведённое в 2019 г. учёными школы Флетчера и университета Тафтса, показало лидерство США и Великобритании, а Россия и Индонезия заняли последние позиции (рис. 2) [12].

Диджитализация, как отмечалось на Всемирном экономическом форуме, будет играть огромную роль для развития экономики и общества в ближайшее десятилетие. Цифровая экономика потенциально может дать дополнительно свыше 30 трлн дол. US. Основным показателем, характеризующим степень цифровой трансформации, сегодня является удельный вес добавленной стоимости, созданной в цифровой экономике, в ВВП. По материалам Бостонской консалтинговой группы, последняя значительно возросла в промышленно развитых странах, начиная с 2010 г. Мировым лидером по этому показателю является Великобритания, имеющая долю в 8,3 % в 2010 г. и 12,4 % в 2016 г. В России при росте доли цифровой экономики в ВВП в 2010—2016 гг. она составляет всего 2,8 % (2016 г.) [4, с. 65]. Следует подчеркнуть, что по действующим методикам оценивается доля в ВВП добавленной стоимости самого цифрового продукта. По нашему мнению, следует также оценивать совокупную IT-ценность цифрового продукта.

Впервые применил термин «цифровая экономика» американский информатик Н. Негропonte в 1995 г., определивший её как «переход от движения атомов к движениям битов» [3, с. 170]. В указе Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017—2030 годы» цифровая экономика представлена в виде деятельности,

Страна (место)	Индекс Doing Business	Цифровая и аналоговая база	Доступность данных	Электронная торговля	Цифровые СМИ	Экономика совм. потребления	Онлайн фриланс	Балл	
США (1)								3.60	Рэнкинг стран
Великобритания (2)								3.59	Высокий
Голландия (3)								3.41	Выше средн.
Норвегия (4)								3.32	Средний
Япония (5)								3.27	Ниже средн.
Австралия (6)								3.26	Низкий
Дания (7)								3.22	
Швейцария (8)								3.21	
Канада (9)								3.21	
Финляндия (10)								3.21	
Малайзия (36)								2.32	
Аргентина (37)								2.27	
Индия (38)								2.17	
Китай (39)								2.14	
Турция (40)								2.02	
Индонезия (41)								1.99	
Россия (42)								1.96	

Рис 2. Индекс Ease of Doing Digital Business — 2019 (составлено по [12])

ключевым фактором производства в которой являются данные в цифровой форме.

Цифровая экономика обеспечивает формирование информационного пространства с учётом потребностей граждан и общества в получении качественных и достоверных сведений, развитие информационно-телекоммуникационных технологий, а также создание новой технологической основы для социальной и экономической сферы.

В существующих условиях для реализации поставленных целей настоятельно требуется уточнение понимания самой сущности категории цифровой трансформации. По нашему

мнению, перспективными являются исследования, связанные с определением не только добавленной стоимости, но и создаваемой/генерируемой ИТ-ценности цифровых продуктов. Цифровая трансформация затрагивает различные сферы деятельности, своими результатами как влияя на цепочки создания добавленной стоимости, так и генерируя цепочки ИТ-ценности, формируя при этом мультипликативный эффект диджитализации. В связи с этим объективно важно для обеспечения цифровой трансформации развития территории определение содержания категории ИТ-ценности, разработка методических под-

ходов к её оценке. В процессе развития реализуются:

– идеально-преобразующая деятельность — формирование идеальной модели диджитализации, раскрывающей новые возможности удовлетворения потребностей, а также цели и технологии их достижения, направленные на изменение локальной социо-

эколого-экономической системы;

– материально-преобразующая деятельность — практическое воплощение новой модели, использующей цифровые методы и инструменты.

Именно генерация IT-ценности должна обеспечить новый цифровой формат данных видов деятельности, обеспечить их взаимо-

Конкурентные преимущества на основе генерации IT-ценности

Факторы формирования IT-ценности	
Население	<p>Новые рабочие места в секторе телекоммуникаций и ИКТ</p> <p>Потребность в новых знаниях и навыках использования цифровых инструментов в связи с изменением характера востребованных профессий</p> <p>Повышение качества получаемых услуг</p> <p>Новые формы работы с использованием цифровых технологий</p> <p>Доступ к рынкам через цифровые платформы</p> <p>Улучшение каналов связи</p> <p>Более широкий ассортимент индивидуализированных продуктов</p> <p>Изменение характера работы под воздействием цифровизации</p> <p>Возможное улучшение условий труда</p>
Органы власти	<p>Повышение качества публичного управления и оказания услуг</p> <p>Рост налоговых поступлений за счёт роста экономической активности</p> <p>Возможности использования данных в целях устойчивого развития</p> <p>Привлечение инвестиций</p> <p>Переход предприятий в формальный сектор</p> <p>Снижение затрат бюджета по безработице за счёт роста самозанятости</p> <p>Обеспечение объективности и прозрачности управленческих решений</p>
Бизнес	<p>Значительная интеграция, развитие связей между предприятиями</p> <p>Новые возможности в цифровых экосистемах</p> <p>Повышение доступности рынков за счёт применения цифровых платформ</p> <p>Рост рентабельности производства при экономии операционных издержек</p> <p>Дополнительные ресурсы развития транспортно-логистической сферы</p> <p>Новые функции в предоставлении услуг</p> <p>Новые возможности для предприятий за счёт цифровых технологий</p> <p>Создание фирм по модели, основанной на использовании базы данных</p> <p>Рост результативности, эффективности и качества</p> <p>Повышение производительности труда</p> <p>Возможности для монетизации данных</p> <p>Развитие контроля за «цепочкой создания стоимости»</p> <p>Формирование и развитие конкурентных преимуществ</p>
Экономика в целом	<p>Ускорение роста, повышение производительности</p> <p>Генерация дополнительной добавленной стоимости (в том числе — данных)</p> <p>Организация дополнительных рабочих мест, повышение занятости</p> <p>Ускорение внедрения инноваций</p> <p>Концентрация рынка</p> <p>Возможности для местных предприятий в секторах цифрового прорыва</p> <p>Роботизация вместо низкоквалифицированного труда</p> <p>Выравнивание социальных групп по уровню дохода</p> <p>Развитие торговли и сферы услуг</p> <p>Влияние на структурные изменения</p>

связь, т. е. идеальная деятельность должна быть безусловно практикоориентированной, обеспечивающей условия дальнейшей цифровой трансформации отраслей экономики и социальной сферы. Такое понимание сущности ИТ-ценности свидетельствует о необходимости её комплексной оценки в экономическом, социальном, экологическом, технических и других аспектах, хотя это и является довольно сложным и затратным процессом. Цепочки генерации ИТ-ценности формируются под влиянием разнонаправленных факторов и условий, значения которых определяются её характерными признаками. Ключевые условия и факторы оценки ИТ-ценности отражены в таблице.

ИТ-ценность выполняет роль драйвера диджитализации, обеспечивая качественно новое использование ресурсов развития, в конечном счёте определяя потенциал развития территории. Основными характеристиками ИТ-ценности являются нематериальный характер (software), востребованность, возобновляемость, эмерджентность, самовоспроизводимость и др.

Ценность, по мнению Р.А. Фатхутдинова, — «это нечто особенное, то, чем система владеет (содержит в себе), стремится сохра-

нить либо иметь в будущем... Ценности могут превратиться в базисные или второстепенные, стратегические или тактические конкурентные преимущества, реализуемые вне или внутри биологической, социально-экономической системы в глобальном, локальном или индивидуальном масштабе. Так, в объекте социально-экономической системы могут быть реализованы новшества путём превращения их в инновации в любой сфере деятельности» [8, с. 177].

В конечном счёте ИТ-ценность проявляется в объектах, производимых на базе данного ИТ-продукта. Реализация на рынке имеющего ИТ-ценность объекта, обеспечивающего конкурентное преимущество, позволяет получить дополнительную ИТ-ценность. При этом сложность состоит, во-первых, в выявлении цепочки генерации ИТ-ценности, во-вторых, в количественной оценке величины самой ИТ-ценности (рис. 3).

Например, созданная цифровая платформа, внедрённая в туристско-рекреационном комплексе (ТРК) какой-либо территории, потенциально снижает добавленную стоимость туристского продукта даже при неизменной норме рентабельности за счёт сокращения издержек большинства хозяйствующих субъ-

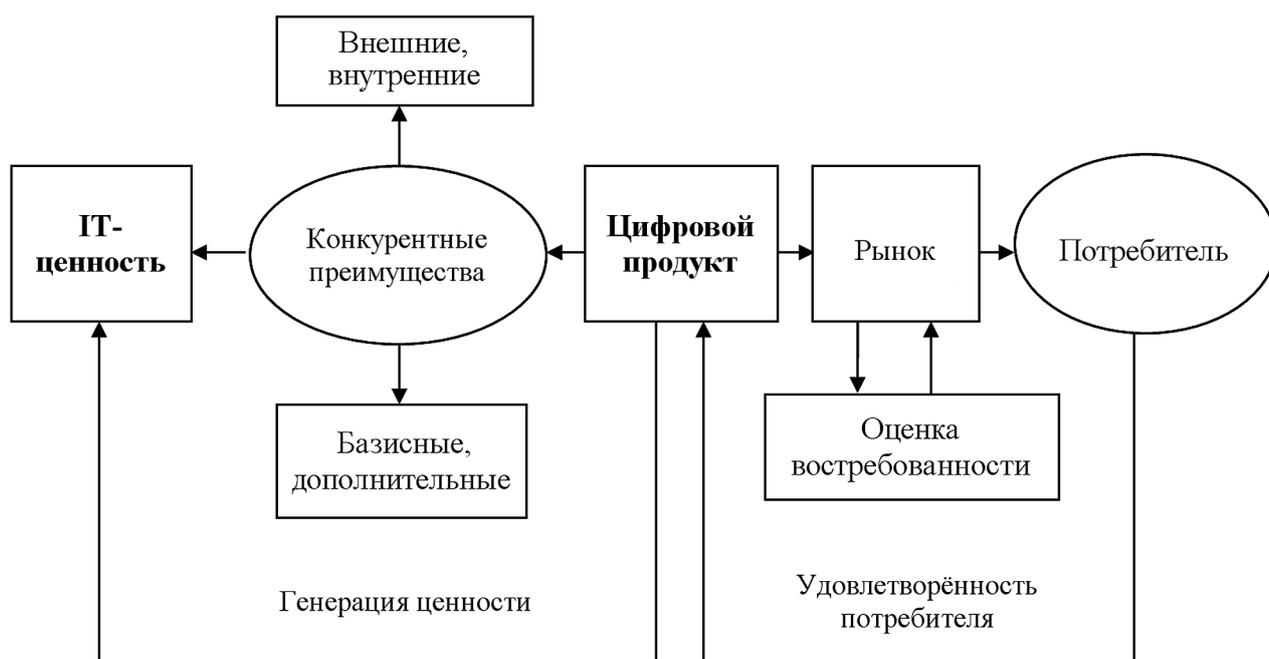

Рис. 3. Алгоритм формирования цепочки ИТ-ценности (составлено авторами)

ектов (туроператоры, турагенты, отельеры, рестораторы, экскурсионные компании, индивидуальные предприниматели и др.) в части расходов на рекламу, продвижение своих услуг и самого турпродукта, территориально-бренда и др. [7, с. 248].

Оценка IT-ценности должна включать и возникающий при её генерации мультипликативный эффект [6, с. 95]. Например, туризм сегодня является одной из отраслей, обладающих высоким мультипликативным эффектом: один рубль инвестиций в неё приносит 4 р. суммарного дохода в других сферах. По мнению экспертов, одно дополнительное рабочее место в туристском секторе приводит к необходимости создания ещё 3—4 места в сопутствующих отраслях [10, с. 4].

Добавленная стоимость в созданном цифровом продукте (IT-платформе) незначительна. Можно определить её как добавленную стоимость цифровых данных. В то же время IT-ценность цифрового портала существенно выше за счёт роста туристского потока, занятости населения, бюджетной и социальной эффективности и др., особенно с учётом мультипликативного эффекта.

Уменьшаются расходы местного бюджета на формирование санаторно-курортного и туристско-рекреационного кластера, финансирование проектов создания бренда территории, территориального турпродукта, их продвижение. Кроме того, сокращаются затраты и самих рекреантов на конкретный турпродукт, при этом даже в рамках фиксированного бюджета на отдых и оздоровление они получают возможность получить комплексный индивидуализированный турпродукт, включающий большее количество услуг (экскурсий и др.), лучшего качества, безопасности (особенно условий проживания, питания, транспорта и т. д.) в оптимальное для себя время.

Как показывает практика, лучшие качество и доступность турпродукта по стабильной цене, рост удовлетворённости им рекреанта, как правило, приводит к появлению желания у последних к количественному увеличению потребления туристско-рекреационных ус-

луг. Происходит также рост туристского потока и, как следствие, повышение занятости населения, увеличение валового дохода в ТРК, рост налоговых и неналоговых источников доходной части местного бюджета, повышается его устойчивость и сбалансированность.

Таким образом, категория IT-ценности, по нашему мнению, должна подразумевать не только добавленную стоимость самого цифрового продукта, но и всю цепочку добавленных стоимостей создаваемых на его основе товаров, выполняемых работ и оказываемых услуг, превращения цифровых данных в «цифровой интеллект» и коммерческие возможности. Кроме того, в оценку размера IT-ценности применяемой инновации необходимо включать и потенциальный эффект, генерация которого возможна вследствие реализации конкурентного преимущества, обеспеченного появлением данного цифрового продукта: создание новых рабочих мест, рост производительности труда, а также снижение издержек производства и др. Качественно новый уровень развития цифровых технологий не только обеспечивает увеличение IT-ценности за счёт роста добавленной стоимости продукта, но и проявляется в цепочках создания стоимости данных, в укреплении потенциала развития. Цифровая экономика и социальная сфера, по нашему мнению, станут реальностью лишь при реализации данных подходов.

Библиографический список

1. Анализ мирового опыта развития промышленности и подходов к цифровой трансформации промышленности государств — членов Евразийского экономического союза: информ.-аналит. отчёт. М., 2017.
2. Будко А.С., Родин А.В. Цифровая трансформация человеческого капитала: развитие местного сообщества // Экономика. Менеджмент. Право. Образование (EMLE 2019): сб. науч. стат. V Междунар. науч.-практ. конф. / под ред. К.В. Гетманцева, Т.А. Мясниковой. Краснодар, 2019. С. 20—25.
3. Клейнер Г.Б., Кораблев Ю.А., Щенето-

ва С.Е. Человек в цифровой экономике // Экономическая наука современной России. 2018. № 2. С. 169—171.

4. Колодня Г. Цифровая экономика: особенности развития в России // Экономист. 2018, № 4. С. 63—69.

5. Новая нефть XXI века // Журнал Ihodl.com. URL: <https://ru.ihodl.com/analytics/2015-06-17/povaia-neft-xxi-veka/> (дата обращения: 10.05.2020).

6. Организация предпринимательской деятельности / В.С. Алуян [и др.]: учеб. пособие. Краснодар, 2003.

7. Родин А.В. Многоуровневые межсекторные взаимосвязи в кластерной организации экотуристического пространства региона // Экономика устойчивого развития: регион. науч. журн. 2018, № 4 (36). С. 246—253.

8. Фатхутдинов Р.А. Управление конкурентоспособностью организации: учебник; 3-е изд., перераб. и доп. М., 2008.

9. Шваб К. Четвёртая промышленная революция: монография: пер. с англ. М., 2016.

10. Экономика и управление туристской дея-

тельностью: учеб. пособие: в 2-х ч. Ч. 1 / под общ. ред. Г.А. Карповой, Л.В. Хоревой. СПб., 2014.

11. Digital Planet. URL: <https://sites.tufts.edu/digitalplanet/dei17/>. (дата обращения: 10.05.2020).

12. Ease of Doing Digital Business — 2019 / The Fletcher School, Tufts University. URL: https://sites.tufts.edu/digitalplanet/files/2020/03/Ease-of-Doing-Digital-Business-2019_2020.pdf (дата обращения: 10.05.2020).

13. Katz R. Social and economic impact of digital transformation on the economy / International Telecommunications Union. 2017.

14. Singapore, UK, New Zealand, and UAE among World's Stand Out Digital Economies: Press Releases. URL: <https://newsroom.mastercard.com/press-releases/singapore-uk-new-zealand-and-uae-among-worlds-stand-out-digital-economies/> (дата обращения: 10.05.2020).

15. World Economic Forum / Accenture analysis. URL: <http://reports.weforum.org/digital-transformation/introducing-the-digital-transformation-initiative/> (дата обращения: 10.05.2020).

АНАЛИЗ ПРИТОКА ПРЯМЫХ ИНОСТРАННЫХ ИНВЕСТИЦИЙ В ЭКОНОМИКУ РФ

Д.С. ВЕСЕЛОВ, кандидат географических наук, доцент кафедры финансов и кредита, Краснодарский филиал РЭУ им. Г. В. Плеханова
e-mail: denn82@mail.ru

Е.О. ГОРЕЦКАЯ, доктор экономических наук, профессор кафедры финансов и кредита, Краснодарский филиал РЭУ им. Г. В. Плеханова
e-mail: geoelena@mail.ru

Л.А. КАНЦАЛИЕВА, магистрант кафедры финансов и кредита, Краснодарский филиал РЭУ им. Г. В. Плеханова
e-mail: kantsalieva.lana@mail.ru

Аннотация

В научной статье проводится анализ прямых иностранных инвестиций (ПИИ), поступающих в экономику России. Исследуется динамика притока инвестиций, отраслевая структура накопленных инвестиций, региональная структура распределения потоков зарубежного капитала, а также динамика притока инвестиций по основным странам-партнёрам.

Ключевые слова: виды инвестиций, экспорт капитала, прямые инвестиции, портфельные инвестиции, прочие инвестиции, отраслевая структура инвестиций, офшоры.

В рамках нашей научной статьи мы будем анализировать приток в РФ именно прямых иностранных инвестиций (ПИИ). Данный тип инвестиций является наиболее благоприятным для развития экономики государства. Органы власти большинства стран мира пытаются сформировать у себя благоприятный инвестиционный климат для привлечения ПИИ либо как минимум декларируют подобные намерения. Это связано с тем, что ПИИ

носят, как правило, долгосрочный характер, напрямую способствуют развитию экономики и современных технологий, за счёт них увеличиваются налоговые поступления в бюджеты всех уровней и создаются новые рабочие места [1, с. 52].

Проанализируем, как в последние годы менялась динамика притока ПИИ в РФ. Общий объем накопленных прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в экономике России на начало 2020 г. составил 492,1 млрд дол. США (табл. 1).

Данные табл. 1 свидетельствуют, что на протяжении 2015 и 2016 гг. произошло резкое снижение объёма накопленных в России иностранных ПИИ, что явилось следствием вывода иностранных капиталов из российских активов под влиянием ухудшения внешнеполитических отношений РФ, а также введения против страны экономических санкций. Однако, в 2017—2019 гг. произошло восстановление величины накопленных в России иностранных ПИИ на фоне стабилизации мировых цен на нефть, снижения волатильности

Таблица 1

Динамика и структура накопленных ПИИ в России, млн дол. США

Дата	01.01.2014	01.01.2015	01.01.2016	01.01.2017	01.01.2018	01.01.2019	01.01.2020
Участие в капитале	409 815	235 688	206 919	335 422	379 863	355 862	433 163
Долговые инструменты	61 659	54 349	55 828	58 487	61 259	52 235	58 893
<i>Итого</i>	471 474	290 038	262 747	393 910	441 123	408 097	492 056

Источник [3].

курса рубля и адаптации экономики к внешним санкциям. В результате на начало 2020 г. объём накопленных ПИИ был уже на 4,4 % выше, чем в начале докризисного 2014 г. Также следует отметить, что на величину накопленных ПИИ оказывают влияние и такие факторы, как курс национальной валюты и рыночная стоимость активов. В кризисных условиях 2015—2016 гг. курс рубля находился на исторических минимумах, а стоимость российских активов в долларовом эквиваленте также была достаточно низкой.

Наибольшая доля накопленных иностранных инвестиций в общем их объёме по видам экономической деятельности на начало 2020 г. приходилась на добычу полезных ископаемых, обрабатывающие производства, оптовую и розничную торговлю, деятельность финансовую и страховую, деятельность профессиональную, научную и техническую, а также деятельность по операциям с недвижимым имуществом (табл. 2).

Можно сделать вывод, что добыча полезных ископаемых является наиболее инвестиционно привлекательной отраслью отечественной экономики для зарубежных инвесторов. Это не удивительно, так как именно в данной сфере до начала 2020 г. отмечался наиболее высокий уровень рента-

бельности производства [2, с. 36].

Вторым по привлекательности для иностранных инвесторов видом экономической деятельности в РФ выступает обрабатывающая промышленность. Это является благоприятным моментом, так как данная сфера отечественной экономики остро нуждается в привлечении иностранных капиталов. Вместе с зарубежными инвестициями приходят и современные технологии производства и управления, что может благоприятно отражаться на развитии национальной экономики. Примером иностранных инвестиций в обрабатывающей промышленности являются иностранные автосборочные предприятия, уровень локализации производства на которых поступательно возрастает, а также ряд предприятий пищевой промышленности с участием иностранного капитала.

Оптовая и розничная торговля привлекает зарубежных инвесторов высокой скоростью оборачиваемости капитала и быстрой окупаемостью инвестиционных проектов. В России представлены такие международные торговые сети, как «Ашан», «Леруа Мерлен», «Икея», «Метро» и многие другие. Проблема состоит в том, что перечисленные отрасли экономики являются инвестиционно привлекательными и для отечественных

Таблица 2

Отраслевая структура накопленных в РФ ПИИ

Вид экономической деятельности	Объём накопленных инвестиций, млн дол. США	Доля от общей величины накопленных инвестиций, %
1. Добыча полезных ископаемых	114 552,5	21,3
2. Обрабатывающие производства	114 141,6	21,2
3. Оптовая и розничная торговля	84 618,6	15,8
4. Страховая и финансовая деятельность	69 356,2	12,9
5. Деятельность профессиональная, научная и техническая	48 527,5	9,0
6. Операции с недвижимым имуществом	33 748,4	6,3
7. Транспортировка и хранение	17 897,8	3,3
8. Административная деятельность	12 223,9	2,3
9. Информатизация и связь	11 618,2	2,2
10. Обеспечение электроэнергией	11 007,7	2,1
Прочие	19 060,6	3,6

Источник [3].

инвесторов. Наиболее оптимальным было бы привлечение иностранных инвестиций в отрасли с меньшим уровнем рентабельности и высокими сроками окупаемости, требующими значительных объёмов капитальных затрат. Относительно невысокая доля инвестиций, направленных в страховую и финансовую деятельность, обусловлена тем, что в данных секторах сохраняются существенные нормативные ограничения функционирования иностранных организаций. Так, в России запрещена деятельность филиалов иностранных банков и страховых компаний. Данные виды деятельности могут осуществлять лишь дочерние компании, являющиеся резидентами РФ.

Динамика поступления ПИИ в Россию и из России представлена в табл. 3.

Данные табл. 3 свидетельствуют о высоком уровне неравномерности как притока, так и оттока ПИИ из России. Однако в целом можно сделать вывод, что с 2015 г. объёмы перемещений капиталов как в Россию, так и из России за рубеж резко снизились. Очевидно, это произошло под влиянием экономических санкций, которые были введены в отношении России начиная с 2014 г. Так, максимальный объём притока ПИИ в Россию был отмечен в 2013 г. на уровне в 60 060 млн дол. США. Минимальный приток ПИИ был зафиксирован в 2015 г. на уровне в 6 852 млн дол. США. Та-

ким образом, можно сделать вывод, что всего за два года приток иностранного капитала в Россию снизился почти в 9 раз. В течение 2017—2018 гг. приток ПИИ возрос и составил в среднем около 30 000 млн дол. в год, тем не менее данный показатель в два раза ниже уровня периода 2011—2013 гг. По итогам 2018 г. приток ПИИ вновь резко сократился до уровня в 8 816 млн дол. США, что было связано с новой порцией экономических санкций, которая была введена США в отношении России. Наконец по итогам 2019 г. приток ПИИ в Россию вновь возрос до уровня в 31 783 млн дол. США. Это было связано как со стабилизацией экономической ситуации в стране, так и с тем, что уровень доходности на капитал в РФ был существенно выше, чем в развитых странах мира ввиду высокого уровня процентных ставок в экономике.

Также необходимо отметить, что в исследуемый период в России наблюдался преимущественно чистый отток капитала. Чистый приток ПИИ был зафиксирован по итогам трёх лет: 2012, 2016 и 2019 гг. В течение остальных 6 лет наблюдался чистый отток ПИИ. При этом объёмы чистого оттока ПИИ значительно превосходили объёмы чистого притока. Так, максимальный объём чистого оттока ПИИ был зафиксирован по итогам 2014 г. на уровне в 35 050 млн дол. США. Данная ситуация была связана с введёнными

Таблица 3

Движение ПИИ в РФ и из России по институциональным секторам экономики, млн дол. США

Показатель	Годы								
	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Поступление инвестиций из-за рубежа									
Банки	5 080	7 786	9 157	4 394	588	1 607	1 469	2 878	3 092
Прочие секторы	50 002	42 801	60 060	17 637	6 264	30 931	27 087	5 937	28 691
<i>Всего</i>	55 083	50 587	69 218	22 031	6 852	32 538	28 557	8 816	31 783
Отток инвестиций из России за рубеж									
Банки	884	6 243	1 288	1 882	1 732	2 203	873	1 756	-670
Прочие секторы	65 904	42 546	85 209	55 200	20 351	20 112	35 884	29 621	23 249
<i>Всего</i>	66 851	48 822	86 507	57 082	22 085	22 314	36 757	31 377	22 578
Чистый приток (отток) капитала	-11 767	+1 765	-17 287	-35 050	-15 232	+10 224	-8 200	-22 592	+9 205

Источник [4].

в отношении России экономическими санкциями и усилением геополитической напряжённости в мире.

Также следует отметить, что прямые иностранные инвестиции поступают в первую очередь в реальный сектор экономики, тогда как доля банков колеблется в пределах 10—20 %. Такая же ситуация характерна и для исходящих инвестиций.

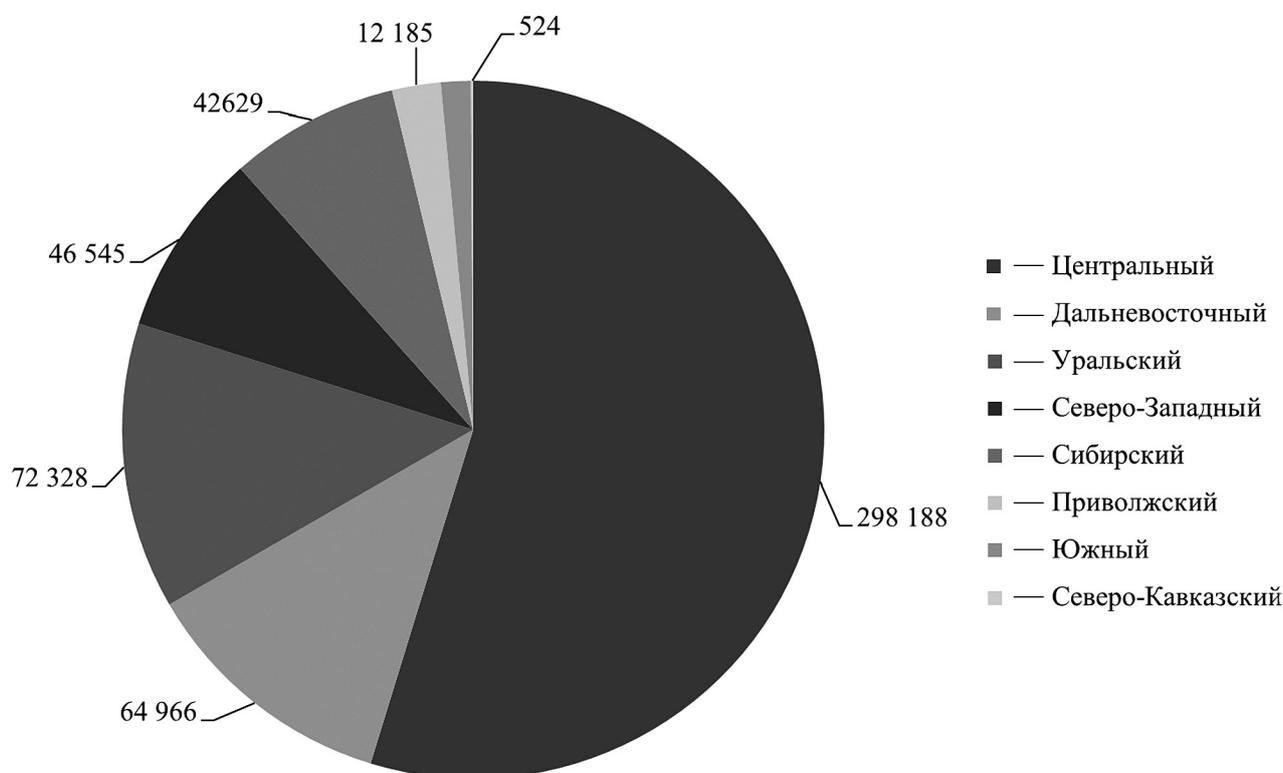
Наибольшая доля накопленных в России ПИИ по состоянию на 2019 г. приходится на Центральный ФО (54,2 %). Далее следуют Уральский ФО (13,1 %), Дальневосточный ФО (12,7), Северо-Западный ФО (8,5), Сибирский ФО (7,7), Приволжский ФО (2,2), Южный ФО (1,4) и Северо-Кавказский ФО (0,1 %) [5] (см. рисунок).

Таким образом, на Центральный ФО приходится свыше 50 % всех накопленных в России ПИИ. При этом доля Москвы составляет свыше 45 %. Столь высокая доля лишь одного, пусть и крупнейшего по численности населения и ВВП региона страны, объясняется тем, что подавляющее большинство крупнейших российских и иностранных компаний за-

регистрированы непосредственно в Москве. Соответственно, если зарубежный инвестор приобретает крупный пакет акций, например, ПАО «Роснефть», то считается, что иностранные ПИИ поступили в Москву, так как юридический адрес организации именно там.

На втором месте среди российских регионов по притоку ПИИ Уральский ФО. Однако на его долю приходится значительно меньшая доля зарубежных ПИИ — 13,1 %. Зарубежные инвестиции в Уральском ФО направляются в предприятия тяжёлой промышленности: металлургию, химическую промышленность, тяжёлое машиностроение. Уральский ФО является крупнейшим промышленным центром страны. Но основные зарубежные ПИИ выступают в нефтегазодобывающий комплекс, так как в состав Уральского ФО входит Тюменская область. Именно здесь объем накопленных ПИИ составляет 50 014 млн дол. США, что составляет около 70 % всех ПИИ, поступивших в округ.

Третье место с незначительным отставанием занимает Дальневосточный ФО. Он также достаточно привлекателен для иностранных

Региональная структура притока ПИИ в РФ [5]

инвесторов благодаря наличию огромных запасов полезных ископаемых, а также наличию особых экономических зон с льготной системой налогообложения. Значительный объём иностранных инвестиций здесь концентрируется в Сахалинской области, поскольку согласно заключённым соглашениям о разделе продукции здесь зарубежным компаниям разрешено осуществлять разработку нефтяных и газовых месторождений. Так, из 69 726 млн дол. США накопленных по состоянию на 2019 г. инвестиций 60 211 млн дол. США приходится именно на Сахалинскую область.

Четвёртое место занимает Северо-Западный ФО. Здесь наибольший объём зарубежных ПИИ концентрируется в Санкт-Петербурге — 22 586 млн дол. США. Это связано с тем, что Санкт-Петербург является крупным финансово-экономическим центром страны, в котором также зарегистрировано существенное число крупных компаний. Также в Северо-Западном ФО создан современный автомобилестроительный кластер с привлечением значительных зарубежных капиталов.

На пятом месте с незначительным отставанием располагается Сибирский ФО. Здесь львиная доля иностранных инвестиций направляется в цветную металлургию и добывающую промышленность. Большая часть

накопленных ПИИ сконцентрирована в Красноярском крае — 34 202 млн дол. США.

Доля Привожского ФО в ПИИ, накопленных в РФ, является невысокой — 2,2 %. Инвестиции преимущественно сосредоточены в крупнейших по экономическому потенциалу регионах: Нижегородской и Самарской областях, Пермском крае и республике Татарстан. Доля Южного ФО является более чем скромной: всего 1,4 % накопленных ПИИ. При этом 60 % инвестиций приходится на Краснодарский край, который является регионом-лидером ЮФО по развитию экономики. Здесь ПИИ направляются в пищевую промышленность, производство сельскохозяйственной техники и строительных материалов, сферу туризма.

На последнем месте по накопленным инвестициям находится Северо-Кавказский ФО. Доля составляет лишь 0,1 %, что обусловлено общей слабостью экономического развития региона, низким уровнем промышленного потенциала, неразвитой добывающей промышленностью. Также значительным ограничительным фактором для зарубежных инвесторов выступает высокая степень террористической опасности на Северном Кавказе.

Как видно из данных табл. 4, динамика и структура поступления инвестиций из различных стран не является устойчивой, что

Таблица 4

Динамика чистого притока ПИИ в РФ по основным странам-инвесторам, млн дол. США

Страна	Год					
	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Багамы	2 791	3 638	5 107	5 802	6 210	922
Бермуды	404	1 776	2 239	2 550	1 255	814
Великобритания	18 927	120	1 112	478	2 075	2 510
Виргинские о-ва	9 379	3 123	2 374	1 009	-827	1 491
Джерси	509	-717	2 122	608	831	598
Ирландия	10 398	-531	622	-1 788	889	-3 850
Кипр	8 266	3 157	-7 069	-435	8 673	-10 312
Люксембург	11 637	-693	-5 769	-939	3 378	-451
Нидерланды	5 716	1 102	-246	164	-1 426	7 910
Сингапур	-502	162	185	16 273	2 703	1 586
Франция	2 120	2 224	1 686	1 997	854	1 133
Швейцария	1 086	2 472	203	1 842	1 511	1 690

Источник [3].

формирует проблему низкой достоверности прогнозов в сфере поступления в страну валютных средств по счёту движения капитала. Тем не менее можно сделать вывод, что в числе стран — крупнейших поставщиков капитала неизменно лидирующие позиции занимают офшорные государства. Это Багамы, Бермуды, Джерси, Виргинские о-ва, Кипр, Люксембург, Сингапур. Ирландия и Нидерланды, хоть и являются относительно крупными европейскими странами, также относятся к числу офшорных государств. Среди крупнейших государств — инвесторов в российскую экономику не относятся к категории офшорных только Великобритания, Франция и Швейцария. Именно в данных странах расположены крупнейшие финансовые центры Европы.

Максимальный объём чистого притока ПИИ в исследуемом периоде был зафиксирован от Великобритании в 2013 г. на уровне в 18 927 млн дол. США. Второй по значимости приток капитала был получен от Сингапура в 2016 г. (16 273 млн дол. США). Чистый приток инвестиций из таких стран, как Багамы, Бермуды, Великобритания, Франция и Швейцария на протяжении всего периода исследования имел положительную величину. Что касается других государств-инвесторов, то в определённые годы наблюдался и чистый отток ПИИ из России в данные страны. Максимальный чистый отток ПИИ на уровне 10 312 млн дол. США был зафиксирован в 2018 г. в отношении Кипра, который является крупнейшим внешним инвестором в российскую экономику. Также значительный чистый отток капитала наблюдался в 2015 г. в отно-

шении того же Кипра (–7 069 млн дол. США), а также Люксембурга (–5 769 млн дол. США).

Можно сделать вывод, что вследствие усиления геополитической напряжённости в мире и введения в отношении России экономических санкций объём поступающих в страну ПИИ существенно снизился. При этом наибольший объём ПИИ поступает в РФ из стран-офшоров, таких как Кипр, Люксембург, Багамы, Виргинские острова и т. д. Наибольшая доля накопленных инвестиций (более 45 %) приходится на Москву. Это связано с тем, что именно там расположены головные подразделения большинства крупнейших российских и зарубежных компаний. ПИИ поступают преимущественно в такие сферы экономики, как добыча полезных ископаемых, обрабатывающие производства и оптовая и розничная торговля.

Библиографический список

1. Инвестиции: учебник для вузов / под ред. Л.И. Юзвович, С.А. Дегтярева, Е.Г. Князевой. Екатеринбург, 2016.
2. Гайдук В. И., Криворотенко А. В. Роль иностранных инвестиций в развитии экономики Российской Федерации // Политематический научный журнал КубГАУ. 2017. № 1. С. 34–42.
3. Статистика внешнего сектора ЦБ РФ. URL: https://www.cbr.ru/statistics/macro_itm/svs/ (дата обращения: 08.07.2020).
4. Россия в цифрах, 2019. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b19_11/Main.htm (дата обращения: 08.07.2020).
5. Российский статистический ежегодник. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b19_13/Main.htm (дата обращения: 08.07.2020).

ТЕОРЕТИКО-КАТЕГОРИАЛЬНЫЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ МОТИВАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ ПЕРСОНАЛОМ

*О.А. ЛЫМАРЕВА, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономики предприятия, регионального и кадрового менеджмента, Кубанский государственный университет
e-mail: olga.lymarewa@yandex.ru*

*Ю.Н. БЕЛЕНЦОВА, магистрант кафедры экономики предприятия, регионального и кадрового менеджмента, Кубанский государственный университет
e-mail: ybelentsova@mail.ru*

*М.А. ЛЫМАРЕВ, магистрант кафедры экономики предприятия, регионального и кадрового менеджмента, Кубанский государственный университет
e-mail: thedavm5@gmail.com*

Аннотация

В статье производится оценка такого понятия, как «мотивация», и раскрывается теоретико-категориальный базис формирования системы управления персоналом. Помимо этого, производится оценка самого понятия системы управления персоналом, её характерных черт и особенностей её формирования через призму теории. Данная работа исследует происхождение дефиниционно-категориального аппарата, характеризует историю формирования понятий, представленных выше и оценивает системы мотивации.

Ключевые слова: мотивация, система управления персоналом, теоретический базис, система мотивации, управление персоналом.

Мотивация — это процесс, который пришёл в экономику из психологической науки. Психологи наиболее полно и точно исследовали природу мотивации, оценивали её происхождение. Впервые эта дефиниция была употреблена в работе А. Шопенгауэра под названием «Четыре принципа достаточной причины», а после стала активно использоваться для объяснения и обоснования процессов целеполагания и в общем поведенческих паттернов и причин действия того или иного индивидуума, и даже по отношению к действиям животных.

Дефиниций же термина «мотивация» существует огромное количество. Необходи-

мо сказать, что в зависимости от контекста исследования и временного промежутка, в котором это исследование проводилось, каждый из учёных характеризует этот процесс по-своему. Одни учёные склонны понимать мотивацию как совокупность факторов и мотивов, не всегда при этом объясняя, что в их понимании означают эти самые факторы и мотивы. Другие же относятся к приверженцам процессуальных теорий мотивации (об этом мы ещё скажем) и анализируют её в динамике, заявляя о процессуальной исходной данного явления [1—4; 6].

Почти всегда в обоих направлениях первичным является мотив, особенно во втором случае: есть мотив и есть ситуация, которая позволяет реализовать данный мотив, и только в таком случае появляется мотивация. Так трактуется мотивация потому, что мотив зачастую психологами понимается как нечто готовое, появившееся в сознании как предмет удовлетворения потребностей. Его не надо придумывать, формировать, он уже существует, его необходимо лишь актуализировать, и катализатором образования мотивации стоит считать определённую ситуацию, которая и побудила к действию человека.

Если попытаться обобщить все определения и актуализировать их в нашем экономическом контексте, то можно сказать, что мотивация — это некий процесс, что формирует

причину для дальнейшей деятельности по удовлетворению потребностей.

Собственно на мотивации и её видах и строится теория иерархии потребностей А. Маслоу, пирамида из которой легла в основу мотивации персонала. Она очень известна и исследуется повсеместно. Сущность же её заключается в том, что все потребности у людей вне зависимости от их расы, вероисповедания или социального положения могут быть подведены под иерархическую систему. Иерархия эта характеризуется жёстким строением и невозможностью достижения высших звеньев (потребностей, скажем, в признании, почитании и самореализации) без удовлетворения низших (физических потребностей и, например, потребностей в комфорте и безопасности).

Каково же её верное применение? Объясняет сам А. Маслоу в своей теории мотиваций. В теории всё достаточно просто: руководителю необходимо очень тщательно выбирать мотивационную политику индивидуально путём постоянного мониторинга эмоционального состояния каждого из сотрудников. Необходимо понять, какой из видов потребностей движет человеком на данный момент, вернее, какой из них является доминирующим, и предпринимать действия для их реализации, повышая работоспособность и эффективность сотрудника. Тем самым и улучшается эффективность работы всей компании. В науке теории мотивации, делят на два вида: содержательные и процессуальные. Остановимся на первом.

Первый вид теорий анализируют непосредственные предпосылки мотивации и пытаются проанализировать причины, по которым эта самая мотивация появляется. Во главу угла приверженцы этого вида ставят именно человеческие потребности. К ним и относится упомянутая теория мотиваций Абрахама Маслоу, а также теория приобретённых потребностей Д. МакКлелланда и двухфакторная теория Ф. Гецберга [8]. Обобщая, можно сказать, что все трое учёных заостряли своё внимание на потребностях. Характерным отличием одной теории от другой является от-

ношение к первичным потребностям. В то же время высшие потребности во всех теориях оказывают активное влияние на поведение человека.

Недостаток у всех теорий один: практика показала, что любая иерархия потребностей терпит крах, поскольку они попросту не подчиняются ей и могут сосуществовать. Потребности по своей сути являются производной от огромного количества меняющихся факторов. Однако нельзя забывать о безусловных заслугах этих учёных: они характеризовали потребности и их взаимосвязи, пытались их классифицировать и, что самое главное, связали эти самые потребности с мотивацией напрямую.

Перейдём к процессуальным теориям мотивации. Их исследователи подходят несколько с иной стороны: не забывая о потребностях, учёные, которые относят себя к этой группе, стараются сфокусировать своё внимание на природе появления мотивации, на процессе, что заставляет индивид прилагать усилия для достижения собственных целей. К данной группе относится теория справедливости Лаймана Портера и Эдварда Лоулера, теория ожиданий Виктора Врума, а также теория «Х» и теория «У» Дугласа МакГрегора [7].

Из обсуждения теорий и возможности их практического применения напрямую вытекает вопрос о самой мотивации персонала. Мотивация персонала — один из способов повышения производительности труда, заключающийся в побуждении персонала к наиболее эффективному удовлетворению потребностей, к получению необходимого результата. Результаты работы вычисляются с помощью ключевых показателей эффективности (КПИ). Идеальной является та система, которая формирует у каждого из сотрудников «мотивацию на результат» таким образом, чтобы получение личностного результата было созвучно получению необходимого компании или предприятию результата. Мотивацию персонала делят по различным критериям, но наиболее распространёнными являются такие виды, как материальная, со-

циальная и психологическая мотивации [9—11].

Очевидно, что наиболее действенной на данный момент является именно материальная мотивация, хотя, безусловно, для достижения наилучшего результата необходимо верно оценить уровень взаимодействия всех трёх видов. Но, поскольку человек в первую очередь занимается коммерческой деятельностью ради получения финансовой выгоды, прежде всего мы остановимся именно на материальной мотивации. Однако, нельзя забывать и о других видах мотивации. Безусловно, оплата труда — один из важнейших, но не единственный способ стимулирования персонала. Важной также является и социальная мотивация, которая включает в себе удовлетворение в первую очередь личных интересов работников в коллективе. Психологическая же мотивация имеет расплывчатые границы: в сущности, это и материальные, и нематериальные способы мотивации, которые отличаются непосредственным индивидуальным воздействием на персонал. Часто к данному виду мотивации относят моральное поощрение, а также работу руководителя по воодушевлению подчинённых. К психологической мотивации также относят коучинг.

Сейчас, как показывает практика, применяются нестандартные способы мотивации персонала. Секрет их заключается в том, что, с одной стороны, они не требуют больших затрат для их исполнения, а с другой — являются эффективными, поскольку формируют с непосредственной оглядкой на сам коллектив и его сложившиеся устои. Для формирования такого вида мотивации необходим высокий уровень понимания корпоративной культуры предприятия, а также креативность кадрового работника и его осведомлённость в области нравов и характерных черт конкретного коллектива [13—18]. В ходе исследования понятия мотивации труда сотрудников и принципов её работы было выяснено, что одним из самых удобных инструментов мотивирования персонала — стимулирование, которое по своей семантике синонимично мотивации, однако представляет собой иное, самостоя-

тельное явление. Очевидной становится необходимость разобраться в процессах стимулирования перед тем, как формировать некую систему мотивации, поскольку как мотивация персонала, так и инструменты, которыми пользуются специалисты при её формировании, — образцы многосоставных и сложных явлений, при управлении которыми необходимо использовать всю теоретическую базу [12], такие практики, как:

- методика аналогии; она построена на бессознательной потребности человека в поиске примера для подражания и, собственно, следования ему; если начальник сможет показать себя с правильной стороны, то подчинённые будут подражать его поступкам, желая достичь тех же высот, что и он, в данном случае важно присутствие харизматичного начальника, способного «заразить» своей деятельностью других работников;

- дополнительный выходной; не нужно выплачивать денежные премии — при успешном исполнении своих обязанностей работник будет рад получить дополнительный день для досуга;

- неожиданное поощрение; получение неожиданного подарка (пусть даже он будет весьма незначительным) отлично стимулирует работника к дальнейшему труду;

- шуточное санкционирование или наказание; в случае, когда работник показывает низкий уровень результатов или утратил мотивацию, можно не сразу прибегать к серьёзным санкциям, а как бы в шутку поддеть его, наградив, к примеру, титулом «черепахи отдела»; это неплохо стимулирует работников и одновременно показывает заинтересованность администрации в сохранении даже таких кадров;

- досуговые кабинеты; игровые комнаты — отличная альтернатива «чилл-зонам», где сотрудники могут в процессе игры обдумать нерешённые задачи или попросту снять напряжение, накопившееся за смену.

Вернёмся к мотивации и стимулированию. Эти термины уже были употреблены нами в процессе исследования указанных вопросов, однако не была разъяснена, почему же сти-

мулирование является крайне удобным инструментом для формирования мотивации на предприятии и в чём заключается отличие столь, казалось бы, похожих понятий [4].

Во-первых, необходимо сказать, что термины эти хоть и кажутся семантически синонимичными, но таковыми не являются.

Между ними коренная разница, она заключается в различии понятий «мотив» и «стимул». Мотив, как мы уже выяснили, есть опредмеченная потребность. Если раскрыть это понятие, то можно сказать, что мотив — это внутренняя причина-побудитель, которая вызывает потребность к деятельности у человека, актуализирует его внутренние потребности в некую цель и задачу и заставляет двигаться к её достижению. Общей суммой мотивов и характеризуется деятельность человека, его поведенческие реакции на внешние раздражители и, собственно, его личность. Труд как одно из действий человека, осуществляется в силу внутренних причин, в связи с потребностями и ожиданиями личности, т. е. напрямую зависит от мотивации.

В свою очередь, стимул (слово образовано от лат. *stimulus* — дословно «остроконечная палка для погона животных») — это некий внешний фактор воздействия на человека, группу или целую систему, которая влияет на процесс работы этого человека (системы). Важно, что подразумевается не любой вид воздействия, а лишь тот, который имеет влияние на психику человека и соответствует его взглядам, воззрениям и потребностям. То есть человек, получая какой-то импульс извне (не важно, какой конкретно — экономический, социокультурный, правовой или иной), проводит его сквозь собственную личность. Побуждает действовать его не сам стимул, а последствия как вербального, так и невербального его анализа, и результатов, к которым действия, стимулированные чем-то, могут привести.

Таким образом, это совсем не тождественные вещи, однако наибольших результатов возможно достичь в том случае, когда внешние факторы отвечают внутренним и соединяются с ними, создавая синергию и повы-

шая общую мотивацию сотрудников. Однако они не всегда совпадают, ведь мотивы — это внутриличностные причины и побудители, тогда как стимулы являются внешнеличностными побудителями. Они могут как усиливаться, так и действовать в разных направлениях, создавая дисбаланс, в таком случае сотрудник становится демотивированным. Например, жёсткий стиль руководства в интеллектуальном творческом коллективе может привести к «свёртыванию», замкнутости работников (демотивации) и, как следствие, к снижению результатов труда.

Посему стимулирование в значении системы мотивации персонала — это также не тождественное мотивации понятие, а один из основных инструментов и элементов этой системы.

Что такое система мотивации персонала? В чём она заключается? Вариаций ответа на данный вопрос существует великое множество. Если кратко, то система мотивации персонала — это «инструмент управления, который даёт возможность оказать влияние на эффективность сотрудников и компании в целом» [5], однако более широких дефиниций существует много. Например, в этой системе часто соседствуют такие дефиниции, как «мотив» и «стимул», которые зачастую воспринимаются неверно (как синонимы). Вернее будет сказать, что система мотивации персонала — это система, которая целостно и организовано подходит к управлению мотивацией персонала, используя различные инструменты, в частности, стимулирование, и приводит к повышению эффективности работы как отдельных работников, так и предприятия в целом. Однако максимально обширного и одновременно точного определения дать нельзя. Проблема раскрытия дефиниции заключается в том, что каждая система мотивации формируется индивидуально для каждого предприятия, а значит, определение не может быть одним и тем же для двух разных систем.

Важно отметить, что, как и любая новая система, система мотивации труда требует большого объёма трудовых затрат, в первую оче-

редь для руководителей и кадровых работников, ведь необходимо охватить все структурные подразделения, учитывать интересы всех сотрудников. И, как любой системе, ей необходимо время на модерацию и апробирование. Однако количество проблем, которые она сможет разрешить, и преимущества, которые она в случае верного её применения даст, несоизмеримо важнее, чем возможные затраты трудовых ресурсов и финансовые вложения.

Чтобы создать верно работающую систему мотивации в отрасли государственных структур, необходимо определиться с основными требованиями, которые будут предъявляться к этой системе. Так, система мотивации должна быть:

– объективной; для оценки результатов труда сотрудника и последующего его поощрения должен быть разработан ряд критериев, что могли бы точно и верно определить эффективность труда на качественном и количественном уровне;

– предсказуемой; сотрудник должен понимать, что конкретно он получит в случае исполнения определённого количества работы, как он будет поощрён в случае улучшения своих показателей, и какие штрафные санкции будут применены в случае низких показателей труда или неисполнения своих служебных обязанностей;

– своевременной; вознаграждения или санкции должны следовать после получения результатов работы;

– адекватной; последующие действия руководства должны быть соизмеримы проделанной сотрудником работе;

– значимой; инструменты, которые будут применены к работнику, должны иметь на него хоть какое-то воздействие.

Подводя итог, необходимо сказать, что мотивация — сложное мультинаучное понятие, которое, будучи исследуемым с различных сторон, приобретает разные характеристики в зависимости от контекста. В применении к экономической науке и, в частности, управлению персоналом мы можем назвать мотивацию понятием двойственным: с одной сто-

роны, это один из основных инструментов системы управления, а с другой — важнейший параметр оценки состоятельности и эффективности этой самой системы. Мотивация сотрудников идёт извне, поэтому утверждать, что мы можем ей управлять, довольно сложно. Однако, применяя стимулирование персонала как один из основных инструментов работы с мотивацией как параметром, можно добиться совпадения внешних факторов (которые характеризуются, скажем, поощрениями или появлением иных предпочтений) с внутренним уровнем мотивированности человека. В таком случае внутренние интересы человека будут совпадать с интересами компании. Именно тогда мотивация персонала будет эффективной и успешной.

Библиографический список

1. Божко В.П., Булава И.В., Мингалиев К.Н. Стратегия развития российских предприятий в современный период: теория и методология. М., 2010.
2. Виноградова З.И. Стратегический менеджмент. М., 2017.
3. Волков Г.А. Современные методы организации удалённого контроля деятельности сотрудников // Россия в новых социально-экономических и политических реалиях: проблемы и перспективы развития: материалы IV Междунар. межвуз. науч.-практ. конф. СПб., 2015. С. 12—14.
4. Дедкова И.Ф., Лерниченко Р.А., Фрусевиц Г.И. Управление мотивацией персонала с применением технологий коучинга // Современные тенденции развития общества: проблемы экономики и управления и пути их решения: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Краснодар, 2017. С. 37—41.
5. Друкер П.Ф. Эффективный управляющий. М., 2013.
6. Дуракова И.Б. Управление персоналом. М., 2015.
7. Кибанов А.Я. Управление персоналом. М., 2018.
8. Лонская Д.В. Как сделать поощрение персонала ресурсом развития компании // Вестник отдела кадров. 2013. № 6. С. 37—42.
9. Лысков А.Ф. Человеческий капитал: понятие и взаимосвязь с другими категориями // Менедж-

- мент в России и за рубежом. 2014. № 6. С. 58—68.
10. Мельничук Д.Б. Механизм оценки состояния системы стратегического управления предприятием // Менеджмент в России и за рубежом. 2012. № 3. С. 42.
11. Мэйтлалд Я. Руководство по управлению персоналом в малом бизнесе. М., 2016.
12. Посадков Е. Стимулирующие системы: опыт и современная практика // Человек и труд. 2012. № 4. С. 76—80.
13. Степанов А.А. О формировании эффективной системы мотивации труда на предприятии // Фундаментальные и прикладные исследования. 2018. № 15. С. 55—61.
14. Трудовой кодекс Российской Федерации. М., 2018.
15. Чемяков В.П. Трейдинг: технология построения системы управления персоналом. М., 2017.
16. Шморгун Л.Г. Менеджмент организаций. Киев, 2011.
17. Храмов В.О., Бовтрук А.П. Основы управления персоналом: навч.-метод. посіб. Київ, 2001.
18. Clark C. The Conditions of Economic Progress: 3rd ed. Macmillan; London, 1957.

ДИНАМИЧНО РАЗВИВАЮЩИЕСЯ РЫНКИ: ПЕРСПЕКТИВЫ СОВРЕМЕННЫХ ТЕНДЕНЦИЙ И ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ БИЗНЕС-ПРОЦЕССОВ

Е.М. ЕГОРОВА, кандидат экономических наук, доцент кафедры мировой экономики и менеджмента,

Кубанский государственный университет
e-mail: katie-egorov@mail.ru

П.А. ВАЛЬЧУК, магистрант кафедры мировой экономики и менеджмента,

Кубанский государственный университет
e-mail: valchuk37@gmail.com

А.В. БЕСПАЛЫХ, магистрант кафедры мировой экономики и менеджмента,

Кубанский государственный университет
e-mail: 493154@mail.ru

С.С. КИВИ, магистрант кафедры мировой экономики и менеджмента,

Кубанский государственный университет
e-mail: xkivs001@gmail.com

Аннотация

Объектом исследования являются динамично развивающиеся рынки и отрасли в текущих реалиях. Предметом выступает анализ и оценка перспективных ниш в направлении повышения конкурентоспособности розничной индустрии. В исследовании авторы, во-первых, анализируют динамически развивающуюся концепцию бизнеса и его типы, во-вторых рассматривают цифровую индустрию, в-третьих, вводят в процесс анализа сектор связей с общественностью в рамках концепции и практики корпоративной социальной ответственности.

Ключевые слова: динамично развивающиеся рынки, конкурентоспособность, цифровой маркетинг, розничная торговля, бизнес-процессы, продвижение продукции, корпоративная социальная ответственность.

Начиная с 1970-х гг. большое внимание уделялось пониманию деловой активности как долгосрочного процесса, в частности, поведению транснациональной фирмы, использующей своё конкурентное преимущество для достижения успешных результатов. Обычно эксперты говорят о конкурентном преимуществе на многонациональном или национальном уровне и часто подчёркивают две основные и совершенно разные причины, по которым фирма должна стать многонациональной, чтобы получить прибыль. Одна из них заключается в том, чтобы лучше обслуживать местный рынок, а другая — в том, чтобы получать более дешёвые материалы.

Практика бизнес-моделирования и реинжиниринга крупных компаний нашла отражение в работах Т.Х. Давенпорт и Д. Шорт [5], М. Хаммер и Дж. Чампи [12]; управление бизнес-процессами рассмотрено Дж.Н. Мартином [15], Б. Андерсеном, М. Ротером, Д. Шуком, Д. Уомаком, Д. Джонсом [4] и др. Американский учёный и партнёр Центра информационных технологий и стратегии им. Эрнста и Янга в Бостоне (США) Т.Н. Давенпорт и его коллега Дж. Шорт уделяли большое внимание проектированию бизнес-процессов в сочетании со стратегией развития бизнес-объекта. В соответствии с авторским подходом стратегия представляет собой отдельное действие с взаимосвязанными целью и результатом, нацеленным на потребителя, это управление предприятием. В данном случае модель бизнеса отображает стратегию развития как процесс достижения цели корпорации. Бизнес-процесс в этом случае представляет собой работу, определяемую временем и пространством, что позволяет нам точно идентифицировать ресурсы на входе и выходе. Такая деловая активность может быть более выгодной, когда сталкивается с быстро развивающимися рынками или нишами.

В то же время наше понимание бизнес-процесса соответствует концепции «потока создания ценности», предложенной американским исследователем Д. Мартином. Мы понимаем бизнес-процесс как совокупность

завершённых, комбинированных действий, которые вместе создают некоторые продукты, имеющие потребительскую ценность для клиента. Таким образом, бизнес-процесс для субъекта малого бизнеса представляет собой обобщённое представление действий, абстракцию и модель, описывающую создание определённых продуктов, которые имеют потребительскую ценность для клиента. Д. Мартин [15] изменил идею бизнес-процесса, по его мнению, «поток создания ценности», который состоит из действий, ведущих к результату — созданию продуктов, востребованных клиентом, имеющих для него ценность, больше подходит для изучения.

Динамично развивающийся бизнес: концепция и ниши

Основателем термина «динамично развивающиеся компании» считается американский экономист Дэвид Бёрч (который также является известным автором новаторской работы по малому бизнесу), 40 лет назад обнаруживший быстрорастущие компании, которые с его лёгкой руки назвали «газели».

Экономика формирования и роста фирм Брюса Аллена Кирхгофа сформулировала два определения динамично развивающейся компании [13]:

– компания, характеризующаяся низким уровнем инноваций и быстрым ростом, менеджментом, умело использующим все возможности для расширения рынков;

– компания, которая характеризуется высоким уровнем инноваций и быстрым ростом; рост таких компаний происходит в основном за счёт постоянного внедрения инновационных технологий, которые являются примером успешной бизнес-деятельности.

Фирмы с высокой отдачей оказывают значительное влияние на экономическое развитие. Средний возраст таких компаний 25 лет, они составляют 2—3 % всех предприятий страны, но в то же время в них занято большинство населения. Фирмы с высокой отдачей являются следующим этапом развития компаний-«газелей» [1].

По нашему мнению, можно выделить следующие характеристики динамично развивающихся бизнес-процессов [3]:

– высокие темпы роста оборота (больше 20 % для зарубежных и 30 % для местных компаний), которые сохраняются в течение нескольких лет (от 3 до 5 лет);

– огромная доля роста ВВП приходится на динамично развивающуюся деловую активность;

– создание большого количества новых рабочих мест;

– вывод на рынок самого востребованного продукта, определение «дыр» у монополистов и формирование собственного рынка сбыта на их основе;

– креативность идей;

– ограничение кредиторской задолженности (не выше 18 % от годового оборота), во время кризиса это служит значительным конкурентным преимуществом;

– адаптивность и готовность к мгновенным изменениям;

– недостаток административного ресурса и невмешательства государства в бизнес;

– отказ от всех вторичных функций и передача их другим компаниям;

– прозрачность финансовой политики [14].

В то время как политики и эксперты обсуждают растущие рынки и экономическую ситуацию на мировых рынках, в некоторых областях наблюдается заметная положительная динамика: формируются новые растущие рынки, разрабатываются современные программы, проводится борьба с безработицей. После начала процесса импортозамещения уверенно себя чувствуют сельскохозяйственный сектор, производство медицинских товаров и некоторые отрасли пищевой промышленности. Растущие рынки здесь возникают из-за обесценивания национальной валюты конкретной страны, что создаёт приток экспорта в технической и компьютерной областях.

В Интернете можно найти растущие рынки с товарами по более низким ценам. Следует упомянуть и рынок алкогольной продукции, где стоимость товаров более низкая,

чем в обычных магазинах. Также стоит подчеркнуть, что граждане России, например, стали отдавать предпочтение отечественным курортам по сравнению с зарубежными, поэтому растущие рынки появляются и в сфере туризма. Рассмотрим каждый рынок более подробно.

Цифровой сектор как быстрорастущий рынок

В последние годы роль системы продвижения товара значительно усилилась вслед за повышением конкуренции за потребителя, увеличением рисков, которые связаны с производством новых товаров и ростом требований к стандартам качества продукции.

Среди традиционных элементов продвижения товара, таких как торгово-маркетинговый, рекламный и PR, мы считаем, что наиболее быстро растущим сегментом цифровой маркетинг, маркетинг товаров и услуг с использованием цифровых технологий. Он используется на всех этапах взаимодействия с потребителями в сегментах B2C и B2B, в розничной торговле. Эффективность этой области обусловлена тесным взаимодействием с потребителями и охватом целевой аудитории. Цифровой маркетинг активно используется для продвижения известных брендов. В отличие от онлайн-маркетинга (который использует World Wide Web), офлайн-каналы также участвуют в цифровом маркетинге (офлайн-инструменты, такие как умные гаджеты, POS-терминалы) [8].

Цифровой маркетинг часто понимается как продвижение товаров или брендов через одну или несколько форм электронных СМИ. Например, рекламные носители, которые используются как часть цифровой маркетинговой стратегии бизнеса, могут включать рекламу в Интернете, социальных сетях, мобильных телефонах и на электронных рекламных щитах, а также через цифровые, телевизионные и радиоканалы [7].

Сегодня 4 млрд чел. (53 % мирового населения) подключены к Интернету, и почти все они (92,6 %) используют мобильные устройст-

ва. Ежедневно 85 % пользователей (3,4 млрд) подключаются к Интернету и проводят там в среднем 6,5 ч, говорится в отчете Nielsen Global Connected Commerce [4]. Компании осознают влияние, которое их присутствие в Интернете (через фирменный веб-сайт, рекламу и социальные сети) оказало на рост продаж в магазинах, а для других компаний это послужило толчком к развитию розничной торговли в сфере электронной коммерции. Розничная торговля быстро стала более масштабной, чем в физическом или виртуальном магазине. Экономическая и технологическая среда заставляет компании переосмыслить свои конкурентные преимущества, превратив в ценность потенциал цифровых инструментов и электронной коммерции.

Авторы подчёркивают, что электронная коммерция имеет более узкий охват, чем цифровой бизнес. Положительными примерами компаний, которые превращают свои стратегии розничной торговли в цифровые, являются eBay, Google, Amazon, а также Debenhams, Argos, Shell Chemicals, EasyJet, Dell, Tesco и Jansen-Cilag и др.

В 2015 г. Европейский Союз принял долгосрочную программу развития цифровизации под названием «Стратегия единого цифрового рынка для Европы». Как заявляет организация, цифровая экономика может расширять рынки и стимулировать более качественные услуги по более выгодным ценам, предлагать больший выбор и создавать новые источники занятости. Единый цифровой рынок может послужить платформой для создания новых стартапов и предоставить возможность роста и получения прибыли от масштаба рынка в 500 млн чел. уже существующими компаниями [9].

Что касается европейского сектора, то цифровой контент является одним из основных драйверов роста цифровой экономики. Около 56 % европейцев используют Интернет в культурных целях, и согласно прогнозам в ближайшие пять лет расходы на цифровые развлечения и средства массовой информации достигнут двузначных темпов роста (около 12 %).

Кроме того, онлайн-платформы — новаторы в цифровой экономике, помогают малому бизнесу переводить свою деятельность в Интернет и выходить на новые рынки сбыта. Новые платформы в сфере услуг мобильности, туризма, музыки, аудиовизуальных услуг, образования, финансов, размещения и найма бросили вызов традиционным бизнес-моделям.

Услуги цифрового маркетинга особенно востребованы в сегментах B2B и B2C. Использование передовых цифровых возможностей позволяет максимально охватить целевых потребителей и установить эффективность взаимодействия с ними, что обеспечивает высокую эффективность такого подхода и конкурентоспособность предприятия.

Рынок PR и корпоративная социальная ответственность

Обычно, когда мы начинаем говорить о бизнес-процессах, невозможно избежать такой развивающейся рыночной ниши, как связи с общественностью, а также понятия корпоративной социальной ответственности (КСО), которое все ещё рассматривается многими предприятиями в качестве метода устойчивого ведения бизнеса, позволяющего обеспечить долгосрочное доверие и доброжелательность клиентов, а также развивать прочные отношения с клиентами и заинтересованными сторонами.

Согласно классическому определению, данному Европейской комиссией, КСО можно понимать как концепцию, которая отображает добровольное решение участников бизнес-процесса (предприятий, организаций, малых фирм и транснациональных корпораций) вносить вклад в социальное развитие своего персонала, в совершенствование социума и реализовывать стратегии, направленные на защиту окружающей среды [10].

Сегодня в общем смысле КСО обычно понимают как совокупность обязательств, принятых компаниями в отношении результатов и последствий их предпринимательской деятельности. Она отражает добровольное ре-

шение компаний участвовать в социальном развитии своей рабочей команды, улучшать качество жизни и общества, а также защищать окружающую среду.

Социальные инвестиции расширяют концепцию КСО. Переходя от благотворительности к социальным инвестициям, ориентированным на национальный и региональный уровень, они стремились решать самые насущные для страны вопросы в области занятости, борьбы с бедностью, образования, жилья, безопасности, здравоохранения и окружающей среды [20].

Развитие человеческого капитала также является необходимым элементом внутренней КСО. Эффективность работы компании зависит от качества трудовых ресурсов, их уровня профессионализма и профессиональной подготовки, а также от мотивации и удовлетворённости работой. Первостепенная роль в этом направлении отводится обучению сотрудников (как профессиональных, так и личных) и организации эффективных внутренних коммуникаций [16].

В этом случае российский бизнес, прежде всего крупный, осознает свою роль и подтверждает своё участие в реализации глобальных целей устойчивого развития. По данным опроса более 200 компаний (крупные, средние и малые предприятия) проведённого Российским союзом промышленников и предпринимателей (РСПП) в 2019 г., 50 % компаний связывают свою деятельность с ЦУР-2030 [19].

Ответственность перед потребителями заключается в выпуске на рынок качественных товаров и услуг. Это подразумевает необходимость соблюдения стандартов качества, в том числе внутренних стандартов компании. Чем выше качество продукта, тем лучше он может удовлетворить потребности клиентов и повысить их вовлечённость. Высокое качество продукции является залогом успешного развития в долгосрочной перспективе.

Экологическая деятельность также считается одним из основных векторов внешней КСО. Он включает в себя не только финансирование мер по защите окружающей среды, но также потребление энергии, сохранение

ресурсов, контроль и минимизацию вредных выбросов и т. д. В последние годы переход предприятий на альтернативные источники энергии стал очень популярным.

Основой делового взаимодействия с правительством и местными сообществами является стремление развивать соответствующую инфраструктуру (транспортную, социальную, информационную и т. д.). Таким образом, бизнес способствует развитию регионов.

Бизнес учитывает изменяющиеся ожидания общества в отношении не только своих продуктов, но и его участия в формировании высоких социальных стандартов, таких как, например, качество образования. Комитет Ассоциации менеджеров по корпоративной ответственности (Россия) сформулировал этот подход ещё в 2008 г. [17].

Говоря о развивающихся рынках, мы можем признать, что основными формами действий для КСО как аспекта бизнес-процессов являются проведение кампаний по связям с общественностью и реализация разнообразных PR-компаний для улучшения деловой репутации в глазах целевой аудитории. В то же время эффективность социальной политики определяется финансовой отдачей: влиянием на развитие бизнеса, получением большей доли рынка, увеличением прибыли.

Доказательством этого факта является приведённый далее пример. Д. Коттер и Д. Хескетт, авторы книги «Корпоративная культура и эффективность», проанализировали результаты компаний с разными традициями деловой этики. Исследование показало, что за 11 лет «высоконравственные» фирмы с развитой репутацией увеличили свои доходы на 682 %, а «обычные» — на 166 %. «Высоконравственные» фирмы увеличили численность персонала на 282 %, а их менее этические конкуренты — всего на 36 %, стоимость их акций на бирже поднялась соответственно на 901 и 74 %, а чистая прибыль — на 756 и 1 % [11].

Таким образом, КСО имеет дело со всем циклом деловой активности и, чтобы эффективно решать свои корпоративные обязанности, компания должна сосредоточиться на

таких усовершенствованиях на этапе внедрения, которые влияют на бизнес путём определения социальных и экологических факторов.

С учётом полученных данных мы признаём, что любой предприниматель стремится вести свой бизнес на динамично развивающемся рынке. Объяснение простое: конкуренция там не настолько обострена, потому что каждый может занять своё место; себестоимость продукции практически не растёт, а потребительский спрос, продажи и прибыль увеличиваются. Переживание кризиса на растущем рынке — это цель, для многих бизнесменов недостижимая. Однако некоторые категории европейских и российских предпринимателей уже вышли на растущие рынки, которые не исчезли в кризис. Согласно последним исследованиям, это в основном цифровой сектор, пищевая промышленность, рынок строительных материалов, сельскохозяйственный и транспортный бизнес, а также деятельность по связям с общественностью.

Библиографический список

1. Берч Д. Процесс создания рабочих мест // Доклад, подготовленный Массачусетским технологическим институтом по программе «Соседство и региональные изменения» для Администрации экономического развития. Вашингтон, 1979. С. 135—147
2. Буафия К., Мольнар Б. Динамичный бизнес-процесс: сравнительные модели и шаблоны рабочих процессов // Тезисы докладов XI конференции аспирантов по информатике. М., 2018. С. 194—201.
3. Вотченко Е.С., Богдашев И.В. Взгляд на социальные инвестиции: обзор российских перспектив // Российский экономический журнал. 2018. № 26 (1). С. 47—60.
4. Давенпорт Т., Шорт Д. Новая промышленная инженерия: информационные технологии и реструктуризация бизнес-процессов. М., 1999.
5. Дисциплина проектирование предприятия / Д. Дитц [и др.] // Международный журнал организационного дизайна и инжиниринга. 2013. № 3. С. 86—114.
6. Доклад о социальных инвестициях в России — 2008. Интеграция КСО в корпоративную стратегию / А.А. Петрова-Савченко [и др.]. М., 2008.

7. Европейская комиссия. КСО. URL: https://ec.europa.eu/growth/industry/corporate-social-responsibility_fr (дата обращения: 28.05.2020).
8. Европейская комиссия. Стратегия единого цифрового рынка для Европы. Брюссель. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legalcontent/EN/TXT/HTML/?uri=CELEX:52015DC0192&from=EN> (дата обращения: 28.05.2020).
9. *Кирхгоф Б.А.* Предпринимательство и динамический капитализм: пер. с англ. М., 1994.
10. *Ли С., Истерби-Смит М., Хонг Дж.Ф.Л.* На пути к пониманию природы динамических возможностей на высокоскоростных рынках Китая // Журнал бизнес-исследований. 2019. № 97. С. 212—222.
11. *Мартин Д.Х.* Инжиниринг предприятия — ключ к корпоративному выживанию: пер. с англ. М., 1994.
12. От Аристотеля до Старбакса: как этика влияет на экономику. URL: <http://www.washprofile.org/ru/node/753> (дата обращения: 28.05.2020).
13. *Ранган К., Чейз Л., Карим С.* Почему каждая компания нуждается в стратегии КСО и как её строить // Рабочий документ Гарвардской школы бизнеса. Бостон, 2018. С. 163—178.
14. Российский союз промышленников и предпринимателей. Достойный труд — устойчивый бизнес. URL: <http://en.rspp.ru/download/cff5605f-4c289703adee957e0a923e57/> (дата обращения: 28.05.2020).
15. Связанная коммерция. Компания Нильсен (США). URL: <https://www.nielsen.com/wpcontent/uploads/sites/3/2019/04/connectedcommerce-report.pdf> (дата обращения: 23.05.2020).
16. Учимся видеть: сопоставление потока создания ценности, чтобы добавить ценность и устранить MUDA / М. Ротер [и др.]: пер. с англ. М., 1999.
17. *Хаммер М., Чампи Дж.* Реинжиниринг корпорации: манифест деловой революции: пер. с англ. М., 1993.
18. *Экс З., Парсонс В., Трэйси С.* Высокоэффективные фирмы: фирмы-газели: пер. с англ. М., 2010.
19. Digital marketing. URL: <http://www.businessdictionary.com/definition/digital-marketing.html> (дата обращения: 28.05.2020).
20. Investopedia. Digital Marketing. URL: <https://www.investopedia.com/terms/d/digital-marketing.asp> (дата обращения: 28.05.2020).

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ТРАНСПОРТНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ

*Н.Г. ГЛУШИЧ, кандидат экономических наук,
доцент, доцент кафедры экономической
теории и методологии,
Национальный исследовательский
Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского
e-mail: glng@yandex.ru*

*Т.П. ЛОГИНОВА, кандидат экономических
наук, доцент, доцент кафедры экономической
теории и методологии,
Национальный исследовательский
Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского
e-mail: taanya1@yandex.ru*

*Н.А. УДАЛОВА, кандидат экономических
наук, доцент, доцент кафедры экономической
теории и методологии,
Национальный исследовательский
Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского
e-mail: n.udalova@inbox.ru*

*А.С. УДАЛОВ, кандидат экономических наук,
доцент, доцент кафедры экономики
предприятий и организаций,
Национальный исследовательский
Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского
e-mail: udalov.a@inbox.ru*

Аннотация

В статье рассматривается транспортная инфраструктура отечественной экономики. Раскрывается её значимость в стратегическом развитии народного хозяйства. Анализируются особенности транспортной инфраструктуры в России и её современное состояние. Авторами выделены основные проблемы развития транспортной инфраструктуры в нашей стране и обоснована роль государства в её развитии.

Ключевые слова: инфраструктура, транспорт, износ, инвестиции, модернизация, экономический рост, государственное регулирование.

Современная российская экономика требует структурной перестройки отраслей национального хозяйства, перехода к инновационному производству. Однако развитие современной инновационной экономики невозможно без соответствующей инфраструктуры, которая обеспечивает нормальное функционирование всей экономической системы. Одной из самых значимых для страны является транспортная инфраструктура.

Инфраструктура представляет собой совокупность элементов, объектов, которые создают условия для развития национального производства. Инфраструктурной отраслью, обеспечивающей непрерывное и беспере-

бойное функционирование экономики, является транспорт. Различные виды транспорта создают целую сеть передвижения ресурсов, грузов, людей между различными городами, регионами и странами. Единая транспортная инфраструктура представляет собой артерию экономического организма. Для нашей страны транспорт играет особо важную роль в силу географических особенностей России, её большой протяжённости и площади.

Изменения в транспортном комплексе и повышение роли технологий влияют на структуру национальной экономики, на реструктуризацию производственно-сбытовых цепочек и логистики, где большее значение приобретают торговые потоки на региональном уровне (табл. 1).

Согласно данным Всемирного банка, отраслевая структура экономики России в 2018 г. сложилась следующим образом: значительную долю занимает сфера услуг — 54,1 %, промышленность — 42,9 %, сельское хозяйство — 3 % [5]. Анализируя данные табл. 1, можно отметить, что доля транспорта в национальной экономике России составляет 7 %.

Транспорт и транспортные грузоперевозки имеют особое значение для экономики страны. В первое десятилетие XXI в. можно отметить поступательный рост грузоперевозок. В

Таблица 1

Основные показатели транспорта в России, % [15, с. 9]

Показатель	Год				
	2005	2010	2015	2016	2017
Валовая добавленная стоимость отрасли «Транспорт и связь»	10,2	9,1	8,1	8,2	—
Валовая добавленная стоимость отрасли «Транспортировка и хранение»	—	—	—	6,9	7,0
Объём транспортных услуг населению (удельный вес в общем объёме платных услуг населению)	21,5	19,0	18,4	19,7	20,1

среднем их объём ежегодно увеличивался на 2,3 % (рис. 1).

Как можно увидеть на рис. 1, во время финансово-экономического кризиса 2008—2009 гг. количество грузоперевозок значительно уменьшилось (в 2009 г. оно сократилось на 21 %). С 2010 г. вновь наблюдается повышение, хотя и достаточно скромное. Так, в 2010 г. — на 3,7 %, в 2011 г. — 7,6 %, а в 2012 г. — около 2,2 %. В 2015 г. произошло значительное снижение на 1,3 % транспортировки грузов в стране из-за введения экономических санкций западными партнёрами. Но, как мы видим, уже с 2016 г. изменяется характер движения, объёмы транспортировки грузов постепенно возрастают и составляют 0,7 %, а в 2018 г. — 2,4 %.

Грузоперевозки по стране осуществляются различными видами транспорта: автомобильным, водным, железнодорожным и др. На протяжении почти 20 лет большая часть грузоперевозок приходится на автомобильный транспорт (67,1 % в 2018 г.), далее железнодорожный — около 17,0 % и трубопроводный транспорт — 14,1 %. Самую незначительную

долю составляет воздушный транспорт. Объём перевозок грузов этим видом транспорта не превышает и 0,02 % на протяжении 20 лет. Водный транспорт (морской и внутренний водный) с 2008 по 2018 г. также составляет незначительную величину 2,0 и 1,68 % соответственно. Несмотря на то что на водный транспорт приходится незначительный объём перевозок, он является перспективным, особенно морской.

Доля России в объёме дедейда (тоннажа) в мировой морской торговле составила в 2019 г., 1,16 %. По сравнению с Грецией — 17,8 %, Японией — 11,5 %, Китаем — 10,5 % и США — 2,97 %. [12, с. 37]. Россия занимает 19-е место из 35 мировых держав, ведущих морскую торговлю.

В России морским видом транспорта перевозятся около 60 % экспортных грузов. Отрасль демонстрирует динамичное развитие. Но вместе с тем транспортная инфраструктура, морские порты сильно зависят от внешнеэкономической конъюнктуры, от экономической активности внутри страны, от слаженной работы других видов транспорта.

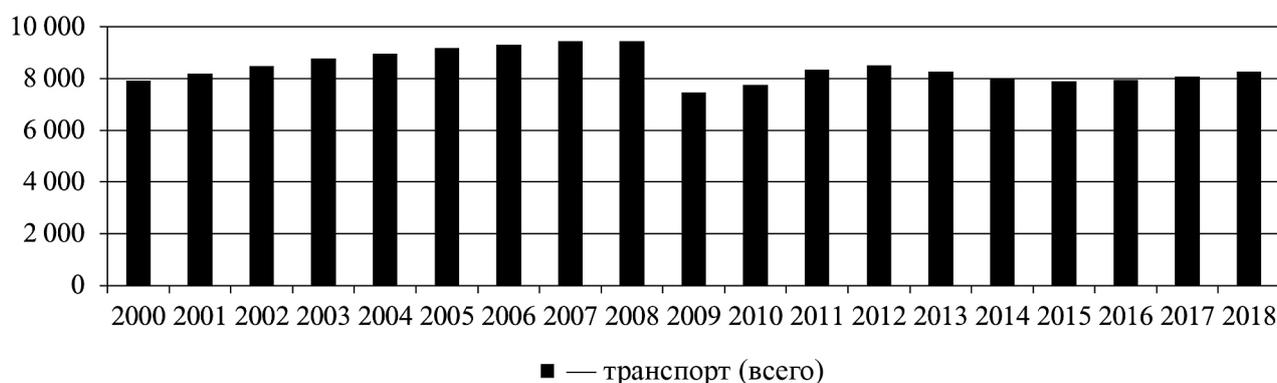

Рис. 1. Перевозки грузов всеми видами транспорта в России, млн т [16]

Основные показатели водного транспорта в России [15, с. 66—69, 73, 75]

Показатель	Год				
	2005	2010	2015	2016	2017
Морские суда, шт.	3 574	2 779	2 760	2 744	2 718
Возрастная структура судов, % в том числе:	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
до 10 лет	6,7	8,2	14,2	14,6	14,1
до 20 лет	37,8	15,1	9,2	8,5	9,8
более 20 лет	55,5	76,7	76,6	76,9	76,1
Грузооборот, млрд т·км	60,3	100,3	41,7	43,1	45,9
Пассажиروоборот, млн пкм	91,8	57,2	61,7	88,1	82,6
Протяжённость внутренних водных судоходных путей, тыс. км	101,7	101,4	101,7	101,5	101,5
Речные и озёрные судна, шт.	33 312	31 046	16 946	23 509	24 339
Возрастная структура судов, % в том числе:	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
до 10 лет	—	—	6,7	9,8	12,7
до 20 лет	11,0	21,4	20,1	21,4	21,5
более 20 лет	89,0	78,6	79,9	78,6	78,5
Грузооборот, млн т·км	87,2	54,0	63,6	67,2	67,2
Пассажируоборот, млн пкм	882,9	770,9	496,0	550,5	562,6

Рассмотрим основные показатели российского водного транспорта (табл. 2).

Как видно из табл. 2, динамика грузооборота нестабильна и зависит от многих факторов, как внутренних, так и внешних. С 2010 г. за 5 лет количество грузоперевозок уменьшилось почти в 2 раза, т. е. на 240 %. В то время как в последующие 7 лет рост был незначительным — всего лишь 7 %. Значительно сократилось количество рыболовных судов, почти в 2 раза (с 1 455 шт. в 2005 г. до 820 шт. в 2017 г.) и универсальных сухогрузных судов за тот же период — на 37,7 %. Причём доля устаревших судов (возрастом более 30 лет) составляет большую часть морской торговой флотилии — 40,2 % (данные на 2017 г.).

Грузооборот российских морских портов имеет тенденцию постоянного умеренного роста, и за последние 10 лет его среднее значение составило около 5 %. Только в 2019 г. увеличение грузооборота замедлилось (произошло его уменьшение на 0,4 % по сравнению с 2018 г. (3,9 %)) [2].

Большая часть грузоперевозок в российской экономике приходится на авто-

мобильный транспорт. В 2018 г. объём автомобильных перевозок вырос на 2,6 %, а грузооборот — на 1,6 % [4], что было обусловлено развитием розничной торговли, электронной коммерции и ростом перевозок сельскохозяйственных грузов. В 2018 г. коммерческие перевозки автомобильным транспортом составили 29,4 % (их объём увеличился на 0,6 % по сравнению с 2015 г.), грузооборот — 53,5 % (в 2015 г. — 48,8 %). По данным Росстата, в 2017 г. доля коммерческих перевозок в пригородном сообщении составила 17 %, в междугородном — 30%, а в международном — 97 %. [15, с. 35]. Так, объём экспортных грузоперевозок в Европу увеличился с 8 млн т в 2014 г. до 111 т в 2018 г., а объём импорта снизился на 4,5 млн т за тот же период. Это было вызвано введением экономических санкций европейских стран по отношению к России (табл. 3).

В 2017 г. протяжённость автомагистралей с твёрдым покрытием выросла всего на 9 тыс. км, в то время как в Мексике, согласно Национальному инфраструктурному плану, выделено 270 млрд дол. на строительство и

Таблица 3

Основные показатели автомобильного транспорта в России

Показатель	Год					
	2005	2010	2015	2016	2017	2018
Протяжённость автомобильных дорог, тыс. км	858	1 006	1 642	1 658	1 666	1 675
Дороги с твёрдым покрытием, тыс. км	724	786	1 154	1 162	1 171	1 186
Грузооборот, млрд т·км	193,6	199,3	247,1	248,3	254,5	259,0

модернизацию 20 тыс. км автомобильных дорог и 1,5 тыс. км новых железнодорожных магистралей, сооружение систем канализации и водоснабжения, расширение портовых мощностей [9, с. 21].

Согласно исследованиям российской инвестиционной компании InfraOne Research, общая протяжённость автомобильных дорог в 2018 г. увеличилась на 1,4 %. Однако среднее по России значение индекса развития транспортной инфраструктуры уменьшилось на 0,02 и составило 3,21 % [8, с. 17].

Одной из проблем автомобильного транспорта на внутреннем и зарубежных рынках является устаревший парк грузовых автотранспортных средств. Более чем у 60 % эксплуатируемых грузовых автомобилей возраст свыше 10 лет, в то время как до 5 лет — 20 %. В 2017 г. до 5 лет — 20,8 %, свыше 10 лет — 61,2 % [15, с. 53].

Железнодорожный транспорт всегда имел особое значение для России (табл. 4).

В 2017 г. протяжённость железнодорожных путей общего пользования увеличилась всего на 1,2 % (1 тыс. км), для промышленного назначения — на 20 % (6 тыс. км) [13, с. 3]. В 2018 г. темпы роста грузооборота железнодорожного транспорта оказались более скромными и составили 4,2 %, тогда как в 2017 г. — 6,4 %.

Совершенно очевидно, что подобных объёмов строительства недостаточно для такой страны, как Россия. Это связано прежде всего с несбалансированностью развития единой транспортной системы.

Причинами неравномерного развития являются во-первых диспропорции в темпах и масштабах развития между различными видами транспорта (например, отставание воздушного и внутреннего водного транспорта и достаточно высокие темпы роста автомобильного), во-вторых, недостаточное развитие существующей транспортной инфраструктуры. Это находит отражение в несоответствии уровня развития автомобильных дорог высокому спросу на автомобильные перевозки, в наличии многочисленных «узких мест» на «стыках» отдельных видов транспорта и др. Такие проблемы отражаются главным образом в виде роста издержек транспортных компаний и стоимости конечной продукции или невозможности создания процесса производства продукции. Деятельность множества компаний и предприятий зависит от развития транспортного комплекса и систем связи, коммуникаций, энергетики и т. п. По некоторым оценкам, экономические потери России от «некачественных» дорог достигают 6 % ВВП [9, с. 19].

Третья причина неравномерного развития — территориальная неравномерность

Таблица 4

Основные показатели железнодорожного транспорта в России

Показатель	Год				
	2005	2010	2015	2016	2017
Протяжённость путей общего пользования, тыс. км	85	86	86	86	87
Протяжённость путей промышленного ж/д транспорта, тыс. км	—	38	32	30	36
Грузооборот, млрд т·км	1 858	2 011	2 306	2 344	2 493
Пассажиروоборот, млрд пкм	172,2	138,9	120,6	124,6	123,1

развития транспортной инфраструктуры. Самый высокий индекс развития инфраструктуры транспорта был в Москве в 2019 г. — 8,38, он увеличился на 0,13 по сравнению с предыдущим годом. Далее идут Московская область — 7,17; Санкт-Петербург — 6,93; Ненецкий автономный округ — 4,87 [8, с. 16].

Кроме этого, динамичное и сбалансированное развитие транспортной инфраструктуры в нашей стране «тормозится» высоким уровнем износа её основных производственных фондов. Как уже отмечалось выше, практически половина транспортных средств во всех объектах транспортной инфраструктуры имеют возраст 20—30 лет и более (особенно водного).

Коэффициент обновления основных производственных фондов за период 2008—2011 гг. сократился с 10,5 до 9,7 %, его незначительное увеличение наблюдалось в 2012—2013 гг. (порядка 1 %), но кризис 2014 г. прервал положительную тенденцию и динамика стала отрицательной: с 10,2 до 6,6 % в 2017 г. И лишь с 2018 г. коэффициент обновления снова возрос до 9,4 % [16].

Степень износа основных фондов железнодорожного транспорта — 36,5 %, автомобильного — 51,0 %, водного транспорта

(внутреннего) — 56,8 % [16]. Как видим, в целом степень износа основных производственных фондов достаточно высока и составляет в среднем 42 % (рис. 2). Наибольшее значение пришлось на 2016 г. (44,9 %). С 2017 г. намечились положительные изменения: степень износа основных фондов снижается, хотя и незначительно (с 44,9 % в 2016 г. до 40,5 % в 2018 г.) [6] (рис. 2).

Приведённые данные свидетельствуют о недостаточном объёме инвестиций в транспортную инфраструктуру в условиях большой транспортной нагрузки. Так, в 2014 г. доля инвестиций в транспорт составляла 18,9 % от общего объёма инвестиций, но уже в 2018 г. они снизились на 2,1 %.

Как видно из табл. 5, доля инвестиций на транспортную инфраструктуру в общем объёме инвестиций в основной капитал составила около 17,0 % в 2018 г. и уменьшилась на 2,1 % по сравнению с 2014 г. Но, к сожалению, этого недостаточно для национального хозяйства страны.

Как отмечают многие эксперты, российская инфраструктура нуждается в серьёзной модернизации. Ведь по уровню инвестиций в инфраструктуру Россия значительно отстаёт от других стран, в том числе и развиваю-

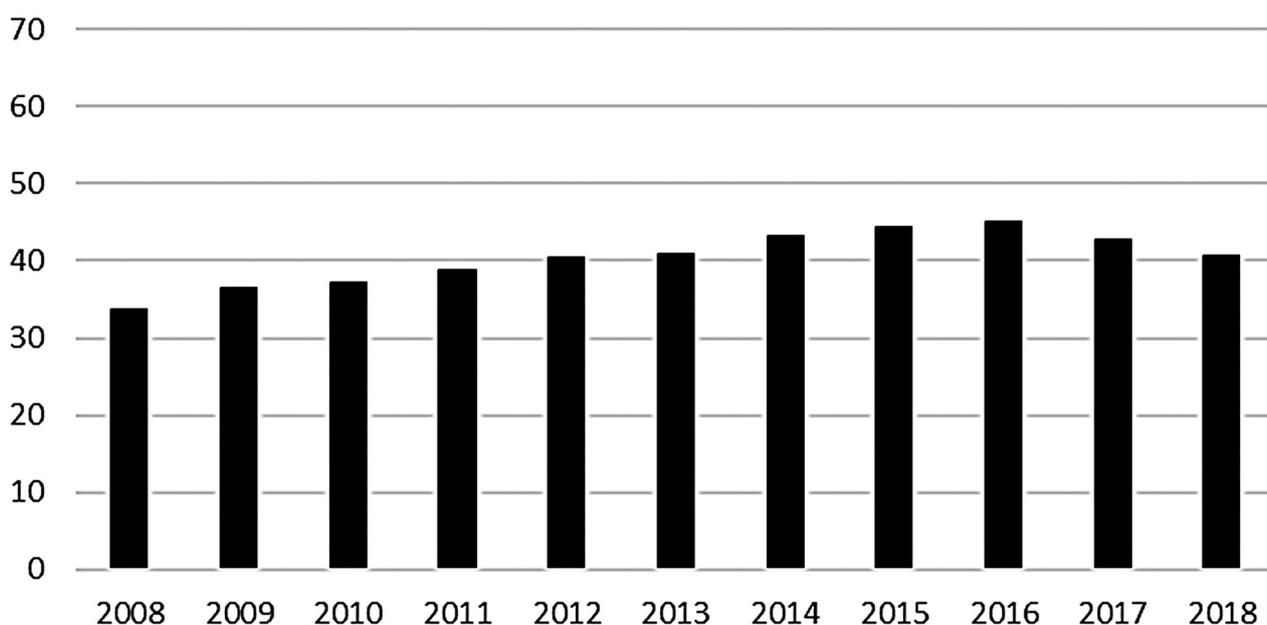

Рис. 2. Степень износа основных фондов транспортной инфраструктуры российской экономики 2008—2018 гг., % [16]

Таблица 5

Инвестиции в транспортную инфраструктуру в России

Показатель	Год				
	2014	2015	2016	2017	2018
Инвестиции в основной капитал, %	100	100	100	100	100
в том числе:					
транспорт и хранение, %	18,9	15,4	16,4	16,6	16,8
Доля инвестиций в основной капитал в инфраструктурные отрасли к ВВП, %	4,94	4,23	4,55	4,85	5,36

Составлено по данным Росстата, расчётам авторов.

щихся. Например, Китай, начиная с 2000-х гг. инвестирует в инфраструктуру 8—10 % ВВП ежегодно, Индия — около 4—6 % ВВП [1, с. 8—9]. Эти страны стремятся модернизировать указанную сферу экономики, рассматривая её как платформу для дальнейших инноваций и решения проблемы занятости. Как известно, 1 млрд дол., вложенных в инфраструктуру, напрямую создаёт 15 тыс. рабочих мест и примерно 30 тыс. дополнительных рабочих мест в смежных отраслях [9, с. 24].

Однако инвестирование в российскую экономику является непривлекательным и невыгодным. Так, ограничение денежной эмиссии, вывод ликвидности в резервы и иностранные ценные бумаги с доходностью ниже 2 % привели к завышению процентных ставок по кредитам до 20 % по сравнению с рентабельностью отраслей около 3—5 %, ориентированных на внутренний спрос [3, с. 16]. Такие действия приводят к повышению темпов инфляции и сдерживанию экономического роста.

Для того чтобы провести модернизацию национальной экономики, инвестиции необходимы и, как показывает опыт стран, эти инвестиции должны быть направлены на развитие и на модернизацию инфраструктурных отраслей, которые не приводят к повышению общего уровня цен и дают долгосрочный экономический эффект. Поэтому сегодня в нашей стране совершенно обоснованно растёт интерес, внимание к транспортным отраслям как важнейшим драйверам экономического развития и отдельных регионов, и всей национальной экономики.

В настоящее время в рамках государственной программы «Развитие транспортной

системы» транспорт является приоритетным в социально-экономическом развитии России [11]. Это отражено в Транспортной стратегии до 2035 г., Стратегии развития железнодорожного транспорта в Российской Федерации до 2030 г., Концепции развития аэропортовой сети Российской Федерации на период до 2020 г., Концепции реформирования системы управления внутренними водными путями Российской Федерации и др.

Все эти направления и программы ориентированы в первую очередь на создание инфраструктурных условий, на модернизацию экономики, на повышение эффективности транспортной системы. Для примера можно представить проекты строительства морских терминалов в России. К 2022 г. будет введён в эксплуатацию специализированный зерновой, контейнерный и бункеровочный терминал в порту Зарубино (Дальневосточный морской бассейн). В Краснодарском крае идёт строительство сухогрузного морского порта Тамань, включающего 10 терминалов с грузооборотом 91,7 млн т в год (2025 г.) и др. [11]. Кроме того, в России к 2035 г. должны построить две высокоскоростные магистрали (ВСМ): Москва — Санкт-Петербург (не позднее 2027 г.) и Москва — Тула — Воронеж — Краснодар — Сочи (до 2035 г.) [17]. Также в 15-летний срок планируется создать высокоскоростной грузо-пассажирский железнодорожный коридор «Евразия» протяжённостью 9 447 км.

Практически все проекты ставят перед собой основные задачи: ускорение товародвижения и снижение транспортных издержек в экономике; повышение доступности транс-

портных услуг для населения; повышение конкурентоспособности транспортной системы России на мировом рынке транспортных услуг; повышение комплексной безопасности и устойчивости транспортной системы.

Современные транспортные решения с использованием инновационных технологий могут помочь отечественным экспортёрам товаров, ресурсов, услуг расширять рынки сбыта и преодолевать логистические барьеры. Например, к 2030 г. грузовые перевозки будут осуществляться с электронным документооборотом. Такая практика применяется уже во внутренних железнодорожных перевозках на электронной торговой площадке «Грузовые перевозки».

Постепенная цифровизация грузовых перевозок предоставит широкие возможности и преимущества для многих участников: во-первых, доступ к данным о грузовых перевозках транспортного рынка; во-вторых, снижение транзакционных издержек (объёмы загрузки, выгрузки, обработки информации и обмена ею и др.); в-третьих, снижение потери времени. Так, объём онлайн-продаж услуг грузовых перевозок холдинга РЖД в 2019 г. вырос на 70 % [17]. Отметим, что развитие такого информационно-телекоммуникационного пространства как инфраструктурного объекта для всех участников транспортного рынка позволит повысить конкурентоспособность различных видов транспорта, в том числе железнодорожных, автомобильных и др., и увеличить транзитный потенциал государства.

Развитие современной транспортной инфраструктуры обеспечит непрерывное перемещение ресурсов, товаров, грузов. Именно транспортная инфраструктура создаёт благоприятное пространство для развития малого и крупного бизнеса, при этом сокращая транзакционные, транспортные, коммуникационные издержки и т. д. Деятельность такой инфраструктуры облегчает участникам деловых отношений реализацию их интересов, способствует специализации экономических субъектов, повышает оперативность и эффективность их работы [10, с. 217—218]. Поэто-

му представляется необходимым постоянное совершенствование объектов инфраструктуры в соответствии с определением основных приоритетных направлений повышения её эффективности.

Проектное финансирование инфраструктуры является эффективным способом финансирования стратегически важных отраслей, а именно различных видов транспорта. Такие вложения могут дать положительный эффект прямо или косвенно для экономики страны. Построенные автомобильные, железные дороги, или порты, каналы, мосты — всё это позволяет более эффективно использовать производственные ресурсы, а отсутствие адекватной инфраструктуры может создать серьёзные ограничения для роста в различных регионах и в стране в целом.

Нормальное функционирование инфраструктурных объектов создаёт возможности использования каждым членом общества услугами транспорта, связи и т. п. Существование доступа к потреблению данных услуг, мобильность, оперативность позволяет каждому субъекту использовать их эффективно, повышая благосостояние отдельного члена и всего общества. Таким образом, общественное благосостояние не существует отдельно от благосостояния членов общества, его повышение — основа для развития возможностей каждого потребителя [7, с. 18]. Такие изменения приводят не только к экономическому росту как таковому, но и к повышению общественного благосостояния.

В России использование инвестиций в развитие транспортной инфраструктуры направлено на решение экономических задач, которые ставит перед собой экономика. Значительную долю в инвестициях занимает транспорт в общем объёме инфраструктурных отраслей, включая связь, коммунальные системы и др.

Однако в условиях современного мирового эпидемиологического кризиса 2020 г. возникнет вопрос о преодолении экономических проблем. Одним из решений может стать инвестирование в транспортную инфраструктуру. По некоторым оценкам, потери инфраструк-

турного сектора уже составят 818 млрд р., причём большая часть (519 млрд р.) приходится на транспортную инфраструктуру [14, с. 1]. Из них 62 % — у воздушных перевозок: в 271 млрд р. оцениваются потери авиакомпаний и в 51 млрд р. — недополученная выручка аэропортов. Потери железнодорожного транспорта составят порядка 66 млрд р. Городской пассажирский транспорт в широкой трактовке, по оценкам InfraOne, потеряет 126 млрд р. Также возникнут потери и в речном пассажирском транспорте, оставшемся без навигации, они составили в мае 2020 г. 3,1 млрд р. Таким образом, без вмешательства государства и его поддержки невозможно дальнейшее развитие транспортной инфраструктуры России.

Библиографический список

1. *Андерсон Н.* Инфраструктура России на перекрёстке — ключ к модернизации // Белая книга USIBC. Вашингтон, 2010. С. 8—13.
2. Ассоциация морских торговых портов. URL: <http://www.morport.com/rus/content/statistika> (дата обращения: 19.05.2020).
3. *Бузмакова М.В.* Социально-экономические предпосылки развития в России инновационной экономики // Социально-экономические предпосылки и результаты развития новых технологий в современной экономике: материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием. 2019. Нижний Новгород, 2019. С. 14—18.
4. Веб-портал и форум транспорта и логистики — Trans.INFO. URL: <https://trans.info/ru/obzor-rossiyskogo-transportnogo-sektora-v-2019-ito-gi-poslednih-let-i-perspektivy-na-blizhayshie-gody-168166> (дата обращения: 31.05.2020).
5. Всемирный банк. Показатели мирового развития. URL: <http://wdi.worldbank.org/table/4.2> (дата обращения: 22.05.2020).
6. Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС) государственная статистика. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/59080> (дата обращения: 25.05.2020).
7. *Золотов А.В.* Об основном противоречии экономического развития и его актуальном проявлении // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2016. № 3 (43). С. 17—25.
8. Инфраструктура России: индекс развития 2019. Аналитический обзор // InfraOne Research. М., 2019. URL: https://infraone-research.ru/index_id/2019 (дата обращения: 22.05.2020).
9. *Кондратьев В.Б.* Инфраструктура и экономический рост // Мировая экономика и международные отношения. 2011. № 11. С. 18—24.
10. *Лядова Е.В.* Критерии определения экономической эффективности инфраструктуры // Прогнозирование инновационного развития национальной экономики в рамках рационального природопользования: материалы VI Междунар. науч.-практ. конф. (27 октября 2017 г.). Пермь, 2017. С. 217—225.
11. Министерство транспорта РФ. URL: <https://www.mintrans.ru/activities/gos-progs/11/12> (дата обращения: 19.05.2020).
12. Обзор морского транспорта. ЮНКТАД / ООН. Нью-Йорк; Женева, 2019.
13. Обзор отрасли перевозок в России, 2019 год. URL: [https://www.ey.com/Publication/vwLU-Assets/ey-transportation-services-2019-rus/\\$FILE/ey-transportation-services-2019-rus.pdf](https://www.ey.com/Publication/vwLU-Assets/ey-transportation-services-2019-rus/$FILE/ey-transportation-services-2019-rus.pdf) (дата обращения: 22.05.2020).
14. *Скорлыгина Н., Костринский Г.* Инфраструктура минус вирус: потери сектора за два месяца превысят 800 млрд руб. // Коммерсантъ. 2020. № 81. С. 1.
15. Транспорт в России. 2018: стат. сб. / Росстат. М., 2018.
16. Федеральная служба государственной статистики РФ. URL: <https://www.gks.ru/> (дата обращения: 19.05.2020).
17. Эксперты: транспортная стратегия до 2035 года реализуема при крупных вложениях государства. 27 марта 2020. URL: <https://tass.ru/ekonomika/8093595> (дата обращения: 22.05.2020).

БИЗНЕС-ПЛАНИРОВАНИЕ МАЛЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

*Е.В. БОНДАРЕНКО, кандидат экономических наук, доцент,
доцент кафедры мировой экономики и менеджмента,
Кубанский государственный университет
e-mail: elenavbondarenko28@gmail.com*

Аннотация

Успешное ведение бизнеса определяется многими составляющими. Особая роль принадлежит бизнес-планированию. В рецензируемом учебном пособии раскрыты теоретические и практические аспекты составления бизнес-планов малых предприятий. Рассмотрены вопросы планирования, теории организации, инструментарий бизнес-планирования малых предприятий, подходы к анализу рынка, стратегия маркетинга и продаж, план производства, организационный план, финансовый план, анализ рисков.

Ключевые слова: бизнес-план, организация, методика составления бизнес-плана, содержание разделов бизнес-плана.

Бизнес-планирование выступает одной из неотъемлемых составляющих грамотного ведения прибыльного и динамично развивающегося бизнеса, нацеленного на долгосрочную перспективу. Многие предприниматели, особенно в сфере малого бизнеса, не уделяют должного внимания всесторонней и глубокой оценке вновь открываемых или уже функционирующих проектов. Зачастую и планирования как такового не существует. Выявление целевой аудитории (соответственно и способов продвижения товара / услуги), детальный анализ рынка, изучение подходов к ведению бизнеса конкурентами, составление и, главное, соблюдение плана закупок, производства, продаж — всё это остаётся без внимания. Не говоря уже об анализе рисков. К сожалению, многие нацелены на извлечение прибыли в краткосрочной перспективе, а о том, что будет через год, три, тем более пять лет и далее, думают немногие. Подобное отношение собственников малого бизнеса (чи-

тай — управляющих) приводит к плачевным результатам. Бизнес или погибает в самом начале, или не наращивает объёмы производства, занимая одну и ту же рыночную нишу на протяжении долгого времени.

Успешное ведение бизнеса, на наш взгляд, возможно при сочетании нескольких элементов: способность к предпринимательству, дар предвидения, теоретическая подготовка и опыт.

В настоящее время существует достаточное количество учебных пособий, учебников по проблемам бизнес-планирования вообще и в сфере малого бизнеса в частности. Хотелось бы остановиться на учебном пособии «Бизнес-планирование малых предприятий», подготовленного авторами кандидатом экономических наук, доцентом А.К. Кочиевой и кандидатом экономических наук, доцентом Е.Н. Александровой (Кубанский государственный университет). Учебное пособие адресовано студентам высших учебных заведений, изучающих экономические дисциплины. Следует отметить, что в одном учебном пособии достаточно сложно рассмотреть все аспекты бизнес-планирования малых предприятий, привести все рекомендации, дать все ответы на вопросы, касающиеся бизнес-планирования. Впрочем, это и не требуется. Главное — описать основные подходы к составлению бизнес-планов, раскрыть их содержание и пояснить важность каждого их элементов. На наш взгляд, авторам это удалось.

Первая глава учебного пособия посвящена описанию содержания и важности планирования в современных условиях ведения малого бизнеса. Всесторонне описана суть планирования, рассмотрены предмет планирования,

охарактеризована методология планирования и раскрыты разнообразные методы планирования. Авторы рассмотрели виды планов, более подробно остановились на принципах планирования. Интересным представляется описание проблем и специфики планирования в современной России.

Важное значение имеет вторая глава, посвящённая описанию организации как объекту планирования. Организация — сложный организм, которому присущи внутренние противоречия. Невозможно составить реалистичный бизнес-план не понимая, как функционирует организация. Каждая компания — уникальный организм, живущий по своим собственным правилам, имеющий свою специфику. Безусловно, существуют стандартные правила построения организации и управления ею. Но не будем забывать, что решения принимают и исполняют люди, а не роботы или столь популярный ныне искусственный интеллект. Впрочем, и он продукт деятельности отдельных людей. Подход к организации как к системе, развивающейся со временем, позволяет разрабатывать более качественные планы. Планы, которые не только учитывают текущее положение, но и нацелены на будущее развитие. Авторы справедливо отмечают, что составление адекватных бизнес-планов невозможно без учёта этапа развития организации. В учебном пособии рассматривается подход А.Ю. Юданова.

Во второй главе также приводится описание элементов внутренней и внешней среды организации, что позволяет более ясно понять особенности функционирования организаций. Авторы остановились на таких внутренних элементах, как цель, структура, задача, технология, люди. Среди факторов внешней среды выделены факторы прямого и косвенного воздействия. Понимание специфики и учёт указанных факторов позволит более детально разработать реалистичный бизнес-план.

Третья глава учебного пособия описывает инструментарий и базовые характеристики бизнес-плана малого предприятия. Подробно описаны требования, которые предъявляются

к бизнес-плану, они проиллюстрированы примерами. Понимание приведённых подходов и следование им позволит составить бизнес-план, который полностью устроит инвесторов (при адекватности бизнес-идеи). Большое внимание уделено стандартам составления бизнес-плана. Описана практическая значимость стандартов, а также приведена структура бизнес-плана согласно методикам UNIDO, TACIS, Европейского и Международного банков реконструкции и развития.

Отдельно авторы рассмотрели особенности составления бизнес-планов для стартапов. Технологии неустанно развиваются и развиваются достаточно быстрыми темпами. При создании компании для производства инновационного продукта / услуги очень важно не только заинтересовать инвесторов блестящей бизнес-идеей, но и облечь её в оболочку, которая будет для них привлекательной. Тому, как это сделать, посвящён отдельный раздел учебного пособия. Кроме того, весьма полезным будет ознакомиться с распространёнными ошибками, которые допускают составители подобных бизнес-планов. Приведённый перечень и описание поможет будущим предпринимателям составить более привлекательный для инвесторов бизнес-план.

Четвёртая глава учебного пособия описывает порядок составления каждого из разделов бизнес-плана. Она достаточно объёмна и информативна. Авторы детально раскрыли каждый шаг разработчика бизнес-плана на пути к успеху. Описание разделов предваряется указанием цели их составления. Тем самым авторы указывают основной вектор соответствующего раздела бизнес-плана, что окажется существенным подспорьем для разработчиков бизнес-плана.

Значительное внимание уделено важности такого раздела бизнес-плана, как резюме. Резюме — раздел, который призван заинтересовать потенциального инвестора преимуществами проекта и не отпугнуть возможными сложностями при его реализации. Можно составить отличный бизнес-план по очень привлекательному проекту, но если его описать в резюме некачественно, последует отказ. Ав-

торы утверждают, что потенциальные инвесторы знакомятся с очень большим количеством проектов. Физически не хватает времени прочитать их все полностью. И если резюме не заинтересует инвестора, дальше вряд ли будут читать. Поэтому очень важно составить грамотное, проработанное, привлекающее внимание к проекту резюме бизнес-плана.

Далее авторы останавливаются на таком разделе бизнес-плана, как описание предприятия и отрасли. При составлении этого раздела разработчики бизнес-планов могут допустить серьёзную ошибку. Справедливо отмечено, что описание конкурентных преимуществ, перспектив отрасли могут увлечь авторов и содержание раздела будет не совсем реалистичным. Важно помнить, что хвалить себя, конечно, нужно, но все хорошо в меру.

Следующий описываемый раздел бизнес-плана — продукты и услуги. Авторы справедливо отмечают, что стоит не вдаваться в подробности технических характеристик товара, а представить его ценность с точки зрения потребителя. Также приводятся рекомендуемые к описанию аспекты, такие как характеристика продукта (потребительские свойства, конкурентные преимущества), направления использования продукта, дополнительные сервисные услуги и т. д.

Далее авторы останавливаются на таком разделе бизнес-плана, как анализ рынка. Отмечается, что невнимание к указанному разделу является одной из распространённых ошибок разработчиков бизнес-плана. Невозможно убедить инвестора в реальности будущих прибылей без представления результатов глубоких маркетинговых исследований. Однако, как справедливо утверждают авторы, не у всех компаний достаточно финансовых ресурсов для проведения подобных исследований. В учебном пособии представлены альтернативные источники требуемой информации. Далее авторы описывают основные направления для подобного исследования. В частности, рассмотрены анализы: социально-экономической среды, потребителей и сегментации рынка, рынка, каналов сбыта и

конкуренции. В учебном пособии подробно описан столь важный для малых предприятий аспект сегментации рынка, раскрыто содержание каждого из его этапов. Значительное внимание (и это логично) уделено анализу конкуренции. Приведены примерные направления анализа, которые всесторонне охватывают столь сложный и важный раздел качественного бизнес-плана.

В разделе «Стратегия маркетинга и плана продаж» авторами описаны: 1) определение цены на продукцию / услуги и составление плана продаж; 2) стратегия маркетинга; 3) главные стратегические установки маркетинга на рынке; 4) контроль над выполнением плана маркетинга.

Подробно рассмотрен план маркетинга, значительное внимание уделено ценовой стратегии компании. Приведена характеристика методов определения базовой цены товара, описаны методы подготовки прогноза продаж. Охарактеризованы основные составляющие товарной политики и указано, что в её основу должны быть заложены результаты проведённой сегментации рынка. Описаны подходы к разработке программы маркетинга, в частности, раскрыты аспекты ценообразования, продаж и ценовой политики, рекламы и продвижения товаров на рынке, содержания маркетинговой программы. Отдельное внимание уделено важной статье — издержкам на маркетинг. Будет полезным для читателя приведённый в учебном пособии перечень возможных причин невыполнения плана по маркетингу.

Особого внимания заслуживает раздел, посвящённый плану производства. Описано основное наполнение этого раздела бизнес-плана, указаны различия в подходах подготовки раздела для внутренних и внешних пользователей бизнес-плана. Подробно расписаны такие подразделы, как описание местоположения производства, применяемой технологии, производственные затраты и обеспеченность материально-производственными ресурсами и мощностями, инвестиционные затраты и пр.

Далее авторы обратились к организационному плану, рассмотрели организационную

структуру управления, кадровую политику и стратегию.

Большое внимание уделено финансовому плану. Охарактеризована последовательность составления финансового плана, детально рассмотрели план прибылей и убытков, план денежных потоков и оценку эффективности проекта.

Завершающий раздел — анализ рисков проекта. Описаны виды рисков, которые сопутствуют проекту.

Помимо описания разделов бизнес-плана в учебном пособии приведены практические задачи и перечень контрольных вопросов, которые позволят читателю проверить степень усвоения представленного материала.

Учебное пособие содержит примерный перечень вопросов для итогового контроля по дисциплине. Полезным для читателя будет приведённый глоссарий. Особую ценность и практическую значимость, на наш взгляд, имеет представленный в приложении бизнес-план конкретного проекта.

Следует отметить, что при подготовке учебного пособия было изучено достаточно большое количество специальной литературы.

Рецензируемое учебное пособие соответствует требованиям ФГОС и имеет не только теоретическую значимость. Оно будет полезно и предпринимателям, которые сталкиваются с необходимостью составить качественный и реалистичный бизнес-план.

UDC 339.9

THE ANALYSIS OF THE GLOBAL EXHIBITION MARKET: TRENDS AND DEVELOPMENT TENDENCIES

*I.V. SHEVCHENKO, Doctor of Economics, Full Professor, Dean of economic faculty, Kuban State University
e-mail: katorykhina@gmail.com*

*A.B. TOLOLINA, Lecturer of world economy and management department, Kuban State University
e-mail: decan@econ.kubsu.ru*

Abstract

The article aims to explore the key data and essential information about global exhibition market such as turnover and operation profits, important business issues, compound annual growth rate, industry trends and forecast. With accurate information and results, the underlying study provides a comprehensive overview of the global exhibition market and related global market perspectives for researchers and decision-makers of the industry.

Keywords: *global exhibition market, exhibition industry, global market perspectives, market forecast, UFI, Global Exhibition Barometer, World Map of Exhibition Venues, Globex, CEIR Total Index.*

References

1. *Sadovnichaya A.V.* Exhibition and Trade Fair Activity as an Effective Organizational Method to Fulfill State Strategic Interests. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/v/vystavochno-yarmarochnaya-deyatelnost-kak-efektivnaya-organizatsionnaya-forma-realizatsii-strategicheskikh-interesov-gosudarstva> (accessed: 25.03.2020)
2. The World in 2050 — Summary report. PWC. Available at: <https://www.pwc.com/gx/en/world-2050/assets/pwc-world-in-2050-summary-report-feb-2017.pdf> (accessed: 23.03.2020).
3. Globex 2018: Global exhibitions market forecast to grow 5 % to 2022. Available at: <https://www.amrinternational.com/globex-2018-global-exhibitions-market-forecast-to-grow-5-to-2022/> (accessed 25.03.2020).
4. *Grushov A.* Two main trends of global exhibition industry. Available at: <https://www.expoclub.ru/press/37189/> (accessed: 25.03.2020).
5. 2018 CEIR Index Report. URL: <https://www.ceir.org/2018-index> (reference date 25.03.2020).
6. *Kulikova S.* Global exhibition market // World of Exhibitions. Available at: <http://www.mirvistavok.ru/2013-11-01/2781-mirovoj-rynok-vystavochnyh-uslug.html> (accessed: 25.03.2020).
7. Global Exhibitions Market Outlook and Forecasts 2018—2023. Available at: <https://www.researchandmarkets.com/research/gstgzc/global?w=12> (accessed: 20.03.2020).
8. UFI Global Exhibition Barometer. The 22nd edition. Available at: https://www.ufi.org/wp-content/uploads/2019/02/22nd_UFI_Global_Barometer_January_2019.pdf (accessed: 22.03.2020)
9. UFI Global Exhibition Barometer. The 21st edition. Available at: https://www.ufi.org/wp-content/uploads/2018/07/21st_UFI_Global_Barometer_july2018.pdf (accessed: 23.03.2020).
10. World Map of Exhibition Venues. 2017 Edition. Revised December 2018. Available at: https://www.ufi.org/wp-content/uploads/2018/12/UFI_World_Map_of_Venues_2017_revDec18.pdf (accessed: 25.03.2020).
11. 2018 Global Economic Significance of Business Events. Available at: <https://insights.eventscouncil.org/Full-Article/ArtMID/398/ArticleID/1445/2018-Global-Economic-Significance-of-Business-Events> (accessed: 02.05.2020)

UDC 001.89

APPROACHES TO THE IMPLEMENTATION OF JOINT SCIENTIFIC RESEARCHES IN THE EURASIAN SPACE: THEORETICAL AND METHODOLOGICAL, ORGANIZATIONAL AND LEGAL ASPECTS

*M.V. VASILIEVA, Candidate of economic sciences (Ph.D.), Associate professor, Associate professor of Economic Security and Human Rights Department, Pskov State University
e-mail: solndolina@yandex.ru*

*A.Yu. ROZHKOVA, Candidate of economic sciences (Ph.D.), Associate professor of the Department of Civil Law and Procedure Department, Pskov State University
e-mail: annroz80@yandex.ru*

*E.N. NAUMOVA, Candidate of economic sciences (Ph.D.), Acting head of Economic Security and Human Rights Department, Pskov State University
e-mail: naumova-elena-19@mail.ru*

Abstract

The article reflects issues of methods and approach-

es of organizing joint (international) scientific research in order to effectively systematize such elements as objects, models, expert evaluation of achieving the integration sci-

entific results by the EAEU partner countries. Examples of joint scientific research design in the context of legal aspects that can be implemented by the research groups of Eurasian countries under harmonization of scientific dialogue norms are outlined.

Keywords: *legal form, organization of joint research, research design, harmonization of norms, scientific international cooperation.*

References

1. *Dezhina I.G.* Russian-French Scientific Collaboration: Approaches and Mutual Attitudes. *Sociology of Science and Technology*. 2018. Vol. 9. No. 1. P. 101—115.
2. *Anshin V.M.* A systematic approach to managing transformational programs in a company. *Russian Journal of Project Management*. 2016. Vol. 5. No. 2. P. 3—20.
3. *Bekyashev K.A.* Legal status of the Eurasian Economic Community. *Eurasian Law Journal*. M., 2012. No. 11 (54). P. 28—35.
4. *Boltinova O.V., Arzumanova L.L.* Legal regulation of mega-science projects in Russia. *Actual problems of Russian law*, 2019. No. 7 (104). P. 39—42.
5. *Borisov K.G.* Legal forms of partnership of the European Union in the field of communications and information services. *Moscow Journal of International Law*. M.: Intern. Relations, 1998, No. 2, P. 84-110.
6. *Vilensky P.L., Livshits V.N., Smolyak S.A.* Evaluation of the effectiveness of investment projects. *Theory and Practice*. 2nd ed., Rev. and add. M. Case. 2002. 888 p.
7. *Vinokurov E., Libman A.* Presentation “Eurasian Continental Integration. SPB: Eurasian Development Bank”, 2012. Available at: https://eabr.org/upload/iblock/564/vinokurov_evraziyskaya-kontinentalnaya-integratsiya.pdf (accessed 05/01/2020)
8. *Vinokurov E., Libman A.* Regional organizations: types and development logic. 2016. Available at: <https://docviewer.yandex.ru/view/> (accessed: 02.05.2020)
9. Identification of priority research areas: an interdisciplinary approach / *Otv. Ed.: I.Ya. Kobrinskaya, V.I. Tishchenko*. M.: IMEMO RAS, 2016. 181 p.
10. Eurasian integration: sources, problems, prospects: a collective monograph. T.I. St. Petersburg: University at the IPA EurAsEC, 2017. 376 p. (Series «Euro-Asian Studies»).
11. *Eremin V.V., Ikhonkina Yu.V., Tsanova B.Z.* Prospects for creating a single legal space for the implementation of public-private partnership projects within the EAEU. *Domestic jurisprudence*, No. 7 (9), 2016, P. 38-43.
12. Indicators of the digital economy: 2019: statistical compilation. G.I. Abdrakhmanova, K.O. Vishnevsky, L.M. Gokhberg and others; Nat researched University I60 «Higher School of Economics.» M.: HSE, 2019. 248 p.
13. *Kalenova S.A., Nurpeisova A.A.* The most effective models of state regulation in the EAEU. *Collection «Greater Eurasia: Development, Security, Cooperation»*. 2019. P. 55—58.
14. *Kalinichenko P.A.* Legal achievements of strategic partnership. *Law and state: theory and practice*. 2009. No. 11. P. 56—72.
15. *Kalyuzhny K.A.* Monitoring the activities of Russian centers for the collective use of scientific equipment and unique. 2019. *Issues*. 14, No. 3 P. 425—458.
16. *Kozheurov Y.S., Teymurov E.S.* The concept, features and legal nature of the global research infrastructure. *Actual problems of Russian law*, No. 9 (106), 2019, P. 130—141.
17. *Kuzmin V.N., Ilyukhina E.A., Voronetskaya L.G., Meloyan S.V.* Development of a single market for research and development services in the Eurasian Economic Union «*Economics of Science*, Issue 5, No. 3, 2019. P. 215—229.
18. *Kurochkin D. A.* Problems of legal regulation of the services sector for research in the Eurasian Economic Union. *Bulletin of St. Petersburg University*. Right, vol. 10, No. 2, 2019. P. 332—352.
19. *Moiseev E.G.* Legal problems of cooperation of the CIS countries in the scientific and technical field. *Russian Yearbook of International Law*. 2009. SPb. 2010. P. 32—40.
20. *Moshkova D.M., Lozovsky D.L.* Legal aspects of the implementation of mega-science projects. *Bulletin of the University named after O.E. Kutafina*, No. 7 (59), 2019, P. 34—41.
21. Scientific and technological infrastructure of the Russian Federation. Centers for the collective use of scientific equipment and unique scientific facilities. Available at: <http://ckp-rf.ru> (accessed: 04.05.2020).
22. *Nechaeva E.K.* Legal regulation of scientific research and technological development in the framework of regional integration organizations (for example, the European Union and the Eurasian Economic Union). *Dis. cand. legal sciences.*: M., 2017.
23. *Petrova G.V.* Formation of the EAEU integration law in the context of globalization and regionalization of economic processes and the macroeconomic effect of unification and harmonization of the legislation of the EAEU member states. *International cooperation of Eurasian states: politics, economics, law*. Vol. 3, No. 12, 2017. P. 28—40.
24. *Pimenova O.I.* Legal integration in the European Union and the Eurasian Economic Union: a comparative analysis. *Bulletin of international organizations: education, science, new economy*, Vol. 14, No. 1, 2019. P. 76—93.
25. *Pokotilo M.V.* Problems and prospects for the development of scientific communications in Russia. *Philological aspect* No. 1 (33) January, 2018. Available at: <http://scipress.ru/philology/articles/problemy-i-perspektivy-razvitiya-nauchnykh-kommunikatsiy-v-rossii.html>
26. The concept of projects of the class «Megascience» on the example of ITER and FAIR installations. *Actual problems of Russian law*, No. 5 (102), 2019. P. 205—213.
27. *Rutko D.F.* Main indicators, trends and problems of the development of innovative activity in the countries of the Eurasian Economic Union. *University Economic Bul-*

letin. Collection of scientific works of scientists and graduate students, no. 42, 2019. P. 70—80.

28. Website of the Rosnauka. Malikov A.M. The structure of the system of principles for evaluating the effectiveness of investment projects in the Republic of Kazakhstan. Economic Sciences 9. Industrial Economics. Available at: http://www.rusnauka.com/21_NNP_2010/Economics/70734.doc.htm

29. Sites: <http://www.makeitlab.ru>, <http://hackspb.ru>, <http://navigator.campus.com>.

30. *Sentsov S.V.* Transformation of international scientific and technical cooperation in the context of globalization and the prerequisites for the integration of Russia into it. Dis. cand. econ. Sciences. M., 2006.

31. *Sotnikova M.V.* Draft Law on Science: Some Aspects of the Regulation of Scientific and Innovative Infrastructure. Management of science and scientometry, No. 4 (30), 2018. P. 24—39.

32. *Khabrieva T.Y.* Introduction. Globalization and integration processes in the Asia-Pacific region (legal and economic research): monograph. M., 2014. P. 12—17.

33. *Khabrieva T.Y.* Harmonization of the legal system

of the Russian Federation in the conditions of international integration: the challenges of modernity. Journal of foreign legislation and comparative law. 2014. No. 1. S. 4—15.

34. *Tsar'kov I.N.* Study of the effectiveness of methods of optimization of the project with limited resources. Research and development. Russian journal of project management, part 2. №4. 2013. P. 3—13.

35. *Chetverikov A.O.* The legal form of big science (magicians) in the context of international integration: a comparative study part 2. Legal aspects of magicians in the form of transnational and supranational legal entities, international consortia without status of legal entity consortia of European research infrastructure. The advantages and disadvantages of different organizational-legal forms of magicians. Prospects of Russia and the Eurasian economic Union» Legal science, No. 2, 2018. P. 34—50.

36. *Chechenina T.V.* Centres for collective use in the developed world: problems and prospects. Management science and scientometrics, No. 1 (23), 2017. P. 80—101.

37. *Yurevich M.A., Malakhov V.A., Euskal D.S.* Global experience of cooperation with scientists-compatriots: lessons for Russia. Vestnik ran. V.89. № 7 (2019). P. 688—698.

UDC 332.05

SOUTHERN REGIONS OF RUSSIA: SOCIO-ECONOMIC ANALYSIS OF POPULATION QUALITY CHARACTERISTICS

*E. V. RYUMINA, Doctor of Economic Sciences,
Professor, Institute of Socio-Economic Studies
of Population of the FCTAS RAS
e-mail: ryum50@mail.ru*

Abstract

Improving the quality of the population is a challenge and an indicator of the development of society. The development of strategic principles for its solution is significantly facilitated by the grouping of regions according to the criteria of population quality. Based on previously developed typology, clusters with southern regions are studied. The analysis of their common characteristics and differences had determined the main factors that formed the qualitative characteristics of the population: economic, geographical and cultural (national lifestyle trends).

Keywords: *quality characteristics of population, quality of life, socio-economic analysis, regions, regional economy.*

References

1. Residents of Chechnya, Ingushetia, Dagestan lead the healthiest lifestyle in Russia. Kommersant. 09.12.2019. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/4187588?query=Жители%20Чечни%20ведут> (accessed: 07.05.2020).

2. Health care in Russia. Socio-economic indicators. Annex to the Statistical Compendium (information on the

subjects of the Russian Federation). Available at: <https://www.gks.ru/folder/210/document/13218> (accessed: 04.05.2020).

3. *Kiruta A.* The Impact of Inequality on Human Quality in Russia. Bulletin of Institute of Sociology. 2011. № 3. P. 67—87.

4. *Lokosov V.V., Ryumina E.V., Ulyanov V.V.* Clustering of regions by indicators of quality of life and quality of population. Population. 2019. № 4. P. 4—17. DOI: <https://doi.org/10.24411/1561-7785-2019-00035>.

5. Regions of Russia. Characteristics of subjects of the Russian Federation 2019. Available at: https://gks.ru/bgd/regl/b19_14s/Main.htm (accessed: 14.05.2020).

6. Regions of Russia. Socio-economic indicators 2019. Available at: https://gks.ru/bgd/regl/b19_14p/Main.htm (accessed: 04.05.2020).

7. Average monthly nominal accrued salary per company by type of economic activity. Available at: <https://fedstat.ru/indicator/58701> (accessed: 15.05.2020).

8. *Fedotov A.A.* Influence of economic indicators on indicators of human potential. International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2019. № 9—1. P. 127—130.

9. *Fedotov A.A.* Human potential and quality of pop-

ulation: approaches to definition. International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2020. № 3—2. P. 79—86.

10. *Shevyakov A. Yu., Kiruta A. Ya.* Inequality, economic growth and demography: unexplored relationships. M.: M-Studio. 2009. 187 p.

UDC 33.316

ECONOMIC ATTITUDES DYNAMICS OF YOUNG ADULTS IN SOUTHERN RUSSIA IN THE CONTEXT OF MULTI-ETHNIC REGION INTEGRATION

L.V. KLIMENKO, Doctor of Sociological Sciences, Professor at Hight School of Business, Southern Federal University
e-mail: lucl@yandex.ru

A.V. ERMISHINA, Candidate of economic sciences (Ph.D.), Associate professor, Economic Faculty, Southern Federal University
e-mail: AVermishina@sfsedu.ru

P.E. BUDAEV, Candidate of Sociological Sciences Ph.D. in Sociology, Associate professor at Hight School of Business, Southern Federal University
e-mail: pavelbudaev@list.ru

Abstract

The article examines the societal content of the economic values and attitudes of young adults in Southern Russia. The surveys conducted in 2010 and 2020 show that the students in the higher economic development regions (Rostov Region, Stavropol Territory) are more focused on individual and professional economic strategies. Whereas young adults in North Caucasus Republics (Adygea, Dagestan, Kabardino-Balkaria) more frequently carry out the paternalistic economic strategies.

Keywords: economic attitudes, multi-ethnic region, Southern Russia, integration, societal values, dynamics
Acknowledgment. The reported study was funded by the Russian Fund for Basic Research (RFBR) according to the research project № 19-011-00270.

References

1. *Avksentiev V.A., Gritsenko G.D., Lepilkina O.I.,*

Shulga M.M. North Caucasus: unstable stability. Science of the South of Russia. 2017. Vol. 13. No. 1. P. 115—125.

2. *Akhmeduev A.Sh.* Mechanisms and prospects for the implementation of the priority project for the development of the Republic of Dagestan “whitewashing” the economy”. Regional problems of economic transformation. 2015. No. 1. P. 45—50.

3. *Denisova G.S., Ulanov V.P.* Russians in the North Caucasus: An Analysis of the Transformation of Sociocultural Status. Rostov n/D: RSPU, 2003; (In Russ.)

4. *Denisova G.S., Bineeva N.K., Denisova A.V., Klimenko L.V., Tairova N.R., Petrulovich I.A., Chebotareva D.Yu.* Student practice of constructing strategies and lifestyles: sociological essays (collective monograph). Rostov n/D: IPO SFedU, 2013. 188 p.

5. *Rabadanova A.A.* The state and trends of changes in the structure of the economy in the regions of the North Caucasus Federal District. Regional problems of economic transformation. 2015. No 9. P. 74—80.

UDC 338.45.01

INDUSTRIAL PARKS IN RUSSIA AND ABROAD: CONCEPT AND MANAGEMENT MODELS

E.V. SAPIR, Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of World Economy and Statistics Department, P.G. Demidov Yaroslavl State University
e-mail: evsapis@yahoo.com

I.A. KARACHEV, Candidate of Economic Sciences (Ph.D.), Associate Professor of World Economy and Statistics Department, P.G. Demidov Yaroslavl State University
e-mail: karachev2011@yandex.ru

Abstract

The purpose of the study is to scientifically comprehend and promote the concept of the industrial park in the context of changing structure, technologies, material and technical basis of production. The authors substantiated the separation of industrial park and special economic zone concepts; highlighted trends that shape the future look of industrial parks 4.0; identified organizational approaches to park management; proved the synergistic effect of inclusive parks in social and economic development.

Keywords: industrial park, reindustrialization, industrial revolution 4.0, industrial parks institutional models, inclusive parks, industrial park development trends, special economic zone.

References

1. The fifth annual review of «Technoparks of Russia — 2019». ACTP RF. 2019. Available at: http://akitrf.ru/upload/V_Obzor_Technoparki_Rossii-2019.pdf (accessed: 08.05.2020).

2. Asian Industrial Clusters, Global Competitiveness and New Policy Initiatives. B. Ganne, Y. Lecler, eds. Singapore: World Scientific Publishing Co. Pte. Ltd., 2009. 562 p.

3. Circular Economy Parks. UNIDO. 2017. Available at: https://www.unido.org/sites/default/files/2017-07/Circular_Economy_UNIDO_0.pdf (accessed: 08.05.2020).

4. Eco-Industrial Parks. UNIDO Department of Environment. 2017. Available at: https://www.unido.org/sites/default/files/2017-05/UNIDO_leaflet_01_Eco_Industrial_Park_170203_0.pdf (accessed: 08.05.2020).

5. Establishing UNIDO Guiding Framework for industrial parks. UNIDO. 2018. Available at: https://open.unido.org/api/documents/10929457/download/Final-%20Establishing%20UNIDO%20Guiding%20Framework%20for%20industrial%20parks-Project%20Document-%2004.01.2018_%20V10.pdf (accessed: 07.05.2020).

6. Marshall A. Principles of Economics. Palgrave Macmillan UK, 2013. Available at: <http://www.library.fa.ru/files/Marshall-Principles.pdf> (accessed: 07.05.2020).

7. Park J.M., Park H.S., Park J.Y. A Review of the National Eco-Industrial Park Development Program in Korea: Progress and Achievements in the First Phase. Journal of Cleaner Production. 2016. № 114. P. 33—44.

8. Porter M.E. The Competitive Advantage of Nations. 2nd ed. New York: Free Press, 1998. 896 p.

9. Sonobe T., Otsuka K. Cluster-Based Industrial Development: An East Asian Model. New York: Palgrave Macmillan, 2006. 243 p.

10. Special economic zones: performance, lessons learned, and implication for zone development. Foreign Investment Advisory Service (FIAS) occasional paper. Washington, DC: World Bank. 2008. Available at: <http://documents.worldbank.org/curated/en/343901468330977533/Special-economic-zone-performance-lessons-learned-and-implication-for-zone-development> (accessed: 07.05.2020).

11. Tavares-Lehmann A.T., Toledano P., Johnson L., Sachs L. Rethinking Investment Incentives: Trends and Policy Options. Columbia University Press, 2016. 368 p.

12. The Future of Manufacturing: Making Things in a Changing World. Deloitte. 2015. Available at: https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/za/Documents/manufacturing/ZA_Future_of_Manufacturing_2015.pdf (accessed: 08.05.2020).

13. Zeng D.Z. Knowledge, technology, and cluster-based growth in Africa. Washington, DC: World Bank. 2007. Available at: <http://documents.worldbank.org/curated/en/534591468192544843/Knowledge-technology-and-cluster-based-growth-in-Africa> (accessed: 07.05.2020).

UDC 334.012.6

BUSINESS ACCELERATORS IN THE INFRASTRUCTURE FOR SUPPORTING SMALL INNOVATIVE BUSINESSES: MODERN TRENDS AND DEVELOPMENT PROSPECTS IN THE RUSSIAN FEDERATION

*Yu. N. ALEKSANDRIN, Candidate of economic sciences (Ph.D.) Associate professor, Associate professor of World Economy and Management Department, Kuban State University
e-mail: alex_yun.05@mail.ru*

*Yu.V. GORBOVA, Bachelor student of World Economy and Management Department, Kuban State University
e-mail: grbova98@mail.ru*

Abstract

The modern trends of the business accelerators development in the Russian Federation are investigated in the article. The authors analyze the specifics of the Russian state, corporate, private and university accelerators development. Particular attention is paid to the regional aspect of the innovative startup acceleration. The authors conduct the comparative analysis of the startup financing mechanism in accelerators of the Russian Federation, the United States and Europe. Recommendations for the development of business accelerators to stimulate the activity of small innovative entrepreneurship in the Russian Federation are proposed.

Keywords: *small innovative entrepreneurship, start-up, corporate business accelerator, regional business accelerator, private business accelerator, university business accelerator, innovation infrastructure.*

References

1. Association of Accelerators and Business Incubators of the Russian Federation. Available at: <http://www.oneup.ru/analytics/innomap> (accessed: 10.02.2020).
2. Accelerators. Review of international experience. 2019. Available at: https://innoagency.ru/files/международный%20опыт_14.06.2019.pdf (accessed: 15.02.2020).
3. IIDF accelerator. URL: <https://accelerator.iidf.ru/> (accessed: 18.04.2020).
4. Accelerator of the Higher School of Economics. Available at: <https://hseinc.ru/accelerator> (accessed: 10.04.2020).
5. iDealMachine Accelerator. Available at: <http://www.idealmachine.ru/programs.html>
6. Where to create a startup worth a billion: a comparison of the best accelerators in the world. Available at: <https://www.forbes.ru/tehnologii/373419-gde-sozdat-star>

tap-na-milliard-sravnenie-luchshih-akseleratorov-mira (accessed: 10.04.2020).

7. The QIWI Group announces the start of recruitment for the QIWI UNIVERSE 2019 program. URL: <https://1va.vc/news/gruppa-qiwi-obyavlyayet-start-nabora-v-programmu-qiwi-universe-2019.html> (accessed: 17.06.2020).

8. Ten regional accelerators in Russia: where to go for a startup in the regions. Available at: <https://vc.ru/hr/85210-desyat-regionalnyh-akseleratorov-v-rossii-kuda-idti-startapu-v-regionah> (accessed: 15.06.2020).

9. Korolev V.I. Trends in the development of innovative activities in the Russian small business. Vestnik MFYuA. 2018. No. 2. P.76—86.

10. Who and how much invested in startups in 2019. Available at: <https://www.rvc.ru/press-service/media-review/rvk/152345/> (accessed: 18.05.2020).

11. Where to start a startup for mentors and investors: ten major Russian accelerators. Available at: <https://vc.ru/flood/60006-kuda-startapu-poyti-za-nastavnikami-i-investorami-desyat-krupnyh-akseleratorov-rossii> (accessed: 14.06.2020).

12. Methodical recommendations for improving the efficiency of business incubators and accelerators. 2017. Available at: <https://www.rvc.ru/upload/iblock/c5e/guidelines.pdf> (accessed: 10.02.2020).

13. The Russian company GVA was recognized as the best private accelerator in the world. Available at: <https://hightech.plus/2019/11/08/rossiiskaya-kompaniya-gva-priznana-luchshim-chastnim-akseleratorom-mira> (accessed: 14.06.2020).

14. Startup Barometer-2018. Research of the Russian market of technology entrepreneurship. Available at: <http://vc-barometer.ru/startup> (accessed: 17.02.2020).

15. Private or public accelerator: what to choose for a Russian startup. Available at: <https://rb.ru/opinion/chastnyj-ili-gos/> (accessed: 10.02.2020).

16. Acceleration today: trends & challenges. 2016. Available at: <http://www.europeanaccelerators Summit.com/wpcontent/uploads/sites/14/2016/12/ACCELERATION-TODAY.pdf> (accessed: 20.03.2020).

17. Generation S is a platform for the development of corporate innovations. Available at: <https://generation-startup.ru> (accessed: 14.05.2020).

18. Pulsar VC Acceleration Program. Available at: <http://accelerator.pulsar.vc/#rec146102918> (accessed: 15.03.2020).

19. Top accelerators in the U.S. 2017. Available at: <http://seedrankings.com/> (accessed: 15.04.2020).

20. Top 20 European Accelerators of 2018. Available at: <https://www.venionaire.com/european-accelerators-2018/> (accessed: 18.04.2020).

21. Seedcamp. Available at: <https://seedcamp.com/faq/> (accessed: 20.06.2020).

22. StartupYard. Available at: <https://rb.ru/news/startupyard/> (accessed: 15.06.2020).

23. UBI-GLOBAL. World Rankings of Business Incubators and Accelerators 2019—2020. Available at: <https://ubi-global.com/product/world-rankings-of-business-incubators-and-accelerators-2019-2020/> (accessed: 18.05.2020).

UDC 339.5

IMPROVING THE COMPETITIVENESS OF INTERNATIONAL TRADE PARTICIPANTS ON THE BASIS OF DIGITAL TRANSFORMATION ACTIVITIES

*O.V. NIKULINA, Doctor of Economics,
Professor of World Economy and Management
Department, Kuban State University
e-mail: olgafinans@mail.ru*

*S.A. PETROSYAN, Manager, Department
of purchases, AO «Tander»
e-mail: syuzanna_petrosyan1997@mail.ru*

Abstract

The article proves the need of development and use of digital technologies by the main international traders in order to preserve and accumulate competitive advantages in the conditions of world economy digitalization. Top trends of digital transformation in the sphere of international trade are analyzed. The practical recommendations about acceleration of digitalization of the foreign trade activity and also adaptation of international trade participants to conditions of global digital transformation are made.

Keywords: *international trade, competitiveness, participants of international trade, digital transformation, digital infrastructure.*

References

1. Monitoring of global trends of digitalization. Rost-

elecom. Available at: https://www.company.rt.ru/projects/digital_trends/2018.pdf (accessed: 01.07.2020).

2. Review of the market of electronic commerce. Available at: <https://spark.ru/startup/nyigde/blog/39946/obzor-rinka-elektronnoj-kommertsii> (accessed: 10.06.2020).

3. Forecasts of development of technology of artificial intelligence for 2019. Available at: <https://www.pwc.ru/publications/artificial-intelligence-predictions-2019.html> (accessed: 03.07.2020).

4. Order of the Government of the Russian Federation of August 14, 2019 No. 1797-r 22.08.2019 «Strategy of development of export of services till 2025». Available at: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72522542/> (accessed: 01.07.2020).

5. Revenko L., Revenko N. International practice of implementation of development programs of digital economy. International processes, Volume 15. No. 4. Page

20—39. [Available at: <http://intertrends.ru/system/Doc/ArticlePdf/1949/gVkJ191zOJN.pdf> (accessed: 25.06.2020).

6. *Smirnov E.N.* Digital transformation of world economy: trade, production, markets. The monograph M.: World of science, 2019. Online media. Available at: URL: <https://izd-mn.com/PDF/38MNNPM19.pdf> (accessed: 28.06.2020).

7. *Spartak A.N.* The fourth industrial revolution and international trade//International trade and trade policy. 2018. No. 2 (14). P. 5—21.

8. Electronic commerce in Russia. Available at: [https://](https://adindex.ru/specprojects/market-6/commerce/index.phtml)

adindex.ru/specprojects/market-6/commerce/index.phtml (accessed: 01.02.2020).

9. E-commerce in figures. Available at: <https://constanta.co/news/20190108-e-commerce-v-tsiifrakh> (accessed: 12.01.2020).

10. UNCTAD, 2019, UNCTAD B2C [business to consumer] e-commerce index 2019, Technical notes on ICT [information and communications technology] for development. №14. Available at: <https://unctad.org/en/pages/PublicationWebflyer.aspx?publicationid=2586> (accessed: 08.08.2020).

UDC 338.242

METHODOLOGICAL APPROACHES TO ESTIMATING THE IT-VALUE SIGNIFICANCE OF A DIGITAL PRODUCT

A. V. RODIN, Candidate of economic sciences (Ph.D.), Associate professor, Head of organization and planning of local development Department, Kuban state University
e-mail: mailteor@mail.ru

A.S. BUDKO, Master degree student of management and psychology department, Kuban state University
e-mail: annabudko81@gmail.com

Abstract

Currently, there is an active digitalization of economic and social sectors. The article considers the state and prospects of the development of digital transformation in Russia, explores approaches to the definition of IT value in the digital economy system. Methodological approaches to identifying factors of IT-value generation and determining the chains of its creation are proposed. The article makes the case for the need to determine not only the share of the digital economy in the gross domestic product of the country based on the added value of data, but also the assessment of the IT value of the digital product in the implementation of competitive advantages formed in the process of digital transformation

Keywords: *digital economy, development potential, added value of data, value chains, IT value, competitive advantage.*

References

1. *Aluyan V.S.* Organizing entrepreneurial activities. Training manual. Krasnodar. KubGTU. 2003. 135 p.

2. Analysis of world experience in industrial development and approaches to digital transformation of industry of the member states of the eurasian economic union. M.: Evrazijskaya ekonomicheskaya komissiya – 2017.

3. *Budko A.S., Rodin A.V.* Digital transformation of human capital: development of the local community. *Ekonomika. Menedzhment. Pravo. Obrazovanie (EMLE 2019)*. Collection of scientific articles of the Fifth International Scientific and Practical Conference. Ed. K.V. Getmantseva, T.A. Myasnikova. Krasnodar: IPC KubGU. 2019. P. 20—25.

4. *Klejner G.B., Korablev YU.A., Shepetova S.E.* Man

in the digital economy. *Economic science of modern Russia*. 2018. № 2. P. 169—171.

5. *Kolodnyaya G.* Digital Economy: Features of Development in Russia. 2018. № 4. P. 63—69.

6. New oil of the XXI century. Periodical *ihodl.com*. Available at: <https://ru.ihodl.com/analytics/2015-06-17/novaia-neft-xxi-veka/> (accessed: 10.05.2020).

7. *Rodin A.V.* Multilevel cross-sectoral relationships in the cluster organization of the region ecotourism. *Sustainable Development Economics*. 2018. № 4 (36). P. 246—253.

8. *Fathudinov R.A.* Organizational competitiveness management. Textbook, 3rd ed., Revised. and add. M.: Market DS, 2008. 426 p.

9. *Shvab K.* The fourth industrial revolution: monograph: trans. from English. (Top Business Awards). M: EKSMO, 2016. 208 p.

10. Economics and management of tourist activities: textbook. In 2 Volumes. Vol 1 under total. ed. G.A. Karpova, L.V. Khorevoy. SPb.: Publishing house SPbGUEF, 2014.

11. Digital Planet. Available at: <https://sites.tufts.edu/digitalplanet/dei17/> (accessed: 10.05.2020).

12. Ease of Doing Digital Business – 2019. The Fletcher School, Tufts University. Available at: https://sites.tufts.edu/digitalplanet/files/2020/03/Ease-of-Doing-Digital-Business-2019_2020.pdf (accessed: 10.05.2020).

13. *Katz R.* Social and economic impact of digital transformation on the economy. International Telecommunications Union, July 2017. 41 p.

14. Singapore, UK, New Zealand, and UAE among World's Stand Out Digital Economies/ Press Releases. Available at: <https://newsroom.mastercard.com/press-releases/singapore-uk-new-zealand-and-uae-among-worlds-stand-out-digital-economies> (accessed: 10.05.2020).

15. World Economic Forum. Accenture analysis Available at: <http://reports.weforum.org/digital-transformation/>

introducing-the-digital-transformation-initiative (accessed: 10.05.2020).

UDC 339.7

ANALYSIS OF FOREIGN DIRECT INVESTMENTS INFLOWS INTO THE ECONOMY OF THE RUSSIAN FEDERATION

D.S. VESELOV, Candidate of Geographical Sciences, Associate Professor of Finance and Credit Department, Krasnodar Branch of the Russian University of Economics G.V. Plekhanova
e-mail: denn82@mail.ru

E.O. GORETSKAYA, Doctor of Economics, Professor of Finance and Credit Department, Krasnodar Branch of REU named after G.V. Plekhanova
e-mail: geoelena@mail.ru

L.A. KANTSALIEVA, Master degree student of Finance and Credit Department, Krasnodar branch of REU named after G.V. Plekhanova
e-mail: kantsalieva.lana@mail.ru

Abstract

The scientific article analyzes the foreign direct investment (FDI) entering the Russian economy. It analyzes the dynamics of investment inflows, the sectoral structure of accumulated investments, the regional structure of the distribution of investments, as well as the dynamics of investment inflows in the main partner countries.

Key words: *types of investments, capital export, direct investments, portfolio investments, other investments, sectoral structure of investments, offshore.*

References

1. Investments: textbook for universities ed. L.I. Yuz-

vovich, S.A. Degtyareva, E.G. Knyazeva. Yekaterinburg: Publishing House Ural. University, 2016. 543 p.

2. *Gaiduk, V.I.* The role of foreign investment in the development of the economy of the Russian Federation. Political Science Journal KubGAU. №1. 2017. P. 34—42.

3. Statistics of the external sector of the Central Bank of the Russian Federation. Available at: Access mode: https://www.cbr.ru/statistics/macro_itm/svs/

3. Russia in numbers, 2019. Available at: http://www.gks.ru/bgd/regl/b19_11/Main.htm

4. Russian Statistical Yearbook. Available at: http://www.gks.ru/bgd/regl/b19_13/Main.htm

UDC 33.011

THEORETICAL AND CATEGORIAL APPROACH TO STUDYING THE MOTIVATIONAL PERSONNEL MANAGEMENT SYSTEM

O.A. LYMAREVA, Candidate of economic sciences (Ph.D.), Associate Professor, Associate Professor of Enterprise Economics, Regional and Personnel Management Department, Kuban State University
e-mail: olga.lymarewa@yandex.ru

Y.N. BELENTSOVA, Master degree student of Enterprise Economics, Regional and Personnel Management, Kuban State University
e-mail: ybelentsova@mail.ru

M.A. LYMAREV, Master degree student of Enterprise Economics, Regional and Personnel Management Department, Kuban State University
e-mail: thedavn5@gmail.com

Abstract

The article assesses the concept of «motivation» and reveals a categorial basis for the formation of a personnel management system. In addition, the present report assesses the concept of «personnel management system», its characteristics and features of formation through the prism of theory. This work analyzes the origin of the definitive-categorial apparatus, characterizes the history of concepts presented above and evaluates the motivation system.

Keywords: *motivation, personnel management sys-*

tem, theoretical basis, motivation system, personnel management

References

1. *Clark S.* Conditions of economic progress. S. Clark-Macmillan, London: 3rd edition, 1957. 455. p.

2. *Bozhko V.P.* The development strategy of Russian enterprises in the modern period: theory and methodology. V.P. Bozhko, I.V. Mace, K.N. Mingaliev. M.: MESI 2010. 454 p.

3. *Volkov G.A.* Modern aspects of the organization of remote monitoring of employees. Problems of international and scientific-practical conferences, 2015. P. 12—14.
4. *Vinogradova Z.I.* Strategic Management. M.: MIR2017. 442 p.
5. *Dedkova I.F., Lernichenko R.A., Frusevich G.I.* Modern trends in the development of society: problems of economics and management and ways to solve them. 2017. P. 37—41.
6. *Drucker P.F.* The effective manager. M., Williams, 2013. 370 p.
7. *Durakova I.B.* Personnel Management. M.: INFRA M., 2015.
8. *Kibanov A.Ya.* Personnel Management. M.: Infra - M, 2018
9. The labor code of the Russian Federation. M.: PROSPECT, 2018.
10. *Lonskaya D.V.* How to make staff encouragement? 2013. No.6.
11. *Lyskov A.F.* Human capital: concept and relationship with other categories. Management in Russia and abroad. 2014. No.6.
12. *Melnichuk D.B.* The mechanism for assessing the state of the strategic enterprise management system. Management in Russia and abroad. 2012. No2.
13. *Matlald Y.* Management personnel management in small business. M.: Audit, 2016. 160 p.
14. *Posadkov E.* Stimulating systems: experience and modern practice. Man and Labor. 2012. No4.
15. *Stepanov A.A.* On the formation of an effective system of labor motivation at the enterprise. Fundamental and applied research. 2018. No.15. P. 55—61.
16. *Temples V.O.* The basics of personnel management. K.: IAPM, 2011. 112 p.
17. *Chemekov V.P.* Trading: technology for building a personnel management system. M.: Vershina, 2017. 369 p.
18. *Shmorgun L.G.* Management of organizations. K.: Knowledge, 2011.

UDC 336.717

DYNAMICALLY DEVELOPING MARKETS: PROSPECTS FOR MODERN TRENDS AND IMPLICATIONS FOR BUSINESS PROCESSES

E.M. EGOROVA, Candidate of economic sciences (Ph.D.), Associate professor, Associate professor of World Economy and Management Department, Kuban State University
e-mail: katie-egorov@mail.ru

P.A. VALCHUK, Bachelor of Energy Engineering, North-Caucasian Federal University Department of Marketing and Trade, 2nd master course, Kuban State University
e-mail: valchuk37@gmail.com

A.V. BESPALYKH, Bachelor of Business Administration, Czech University of Life Sciences Department of Marketing and Trade, 2nd master course, Kuban State University
e-mail: 493154@mail.ru

S.S. KIVI, Bachelor of Business Administration, Czech University of Life Sciences, Department of Marketing and Trade, 2nd master course, Kuban State University
e-mail: xkivs001@gmail.com

Abstract

The object of research is dynamically developing markets and industries in the current realities. The subject is the analysis and evaluation of promising niches in the direction of increasing the competitiveness of the retail industry. In the study, the authors, firstly, analyze the dynamically developing business concept and its types, and then consider the digital industry, thirdly, introduce the public relations sector into the analysis process within the framework of the concept and practice of corporate social responsibility.

Keywords: Dynamically developing markets, competitiveness, digital marketing, retail industry, business process, product promotion, corporate social responsibility.

References

1. *Acs Z., Parsons W., Tracy S.* High-Impact Firms: Gazelles Revisited. 2010.
2. *Birch D.* The Job Generation Process. A report prepared by the Massachusetts Institute of Technology Program on Neighborhood and Regional Change for the Economic

Development Administration / D. Birch, U. S. Department of Commerce, Washington, D. C. Cambridge. 1979.

3. *Bouafia K., Molnár B.* Dynamic business process: comparative models and workflow patterns. Conference: The 11th Conference of Phd Students In Computer Science. 2018. Volume CS2. 194 p.

4. Connected Commerce. The Nielsen Company (US), LLC. 2019. Available at: <https://www.nielsen.com/wp-content/uploads/sites/3/2019/04/connected-commerce-report.pdf> (accessed: 23.05.2020).

5. *Davenport T., Short J.* The New Industrial Engineering: Information Technology and Business Process Redesign. Sloan Management Review. 1999. 31(4). P. 11—15.

6. *Dietz J., Hoogervorst J., Albani A., et al.* The discipline of Enterprise Engineering. International Journal of Organizational Design and Engineering. 2013. 3. P. 86—114. 10.1504/IJODE.2013.053669.

7. Digital marketing. Available at: <http://www.businessdictionary.com/definition/digital-marketing.html> (accessed: 28.05.2020).

8. Digital marketing. Available at: <https://www.investopedia.com/terms/d/digital-marketing.asp> (accessed: 28.05.2020).

9. European Commission. A Digital Single Market Strategy for Europe. Brussels, 6.5.2015. COM (2015) 192 final. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/HTML/?uri=CELEX:52015DC0192&from=EN> (accessed: 27.05.2020).

10. European Commission. CSR. Available at: https://ec.europa.eu/growth/industry/corporate-social-responsibility_fr (accessed: 29.05.2020).

11. From Aristotle to Starbucks: How Ethics Affect the Economy. In Russ. Available at: <http://www.washprofile.org/ru/node/753> (accessed: 28.05.2020).

12. *Hammer M., Champy J.* Reengineering the Corporation: A Manifesto for Business Revolution. New York: Harper Business Books. 1993.

13. *Kirchhoff B.A.* Entrepreneurship and Dynamic Capitalism. Westport, Conn. 1994.

14. *Li S., Easterby-Smith M., Hong J.F.L.* Towards an understanding of the nature of dynamic capabilities in high-velocity markets of China. *Journal of Business Research* 97. 2019. P. 212—222.

15. *Martin J.H.* Enterprise Engineering the Key to Corporate Survival. Lancashire: Savant Institute. 1994.

16. *Rangan K., Chase L., Karim S.* Why every company needs a CSR strategy and how to build it // Harvard Business school working paper. 2018.

17. Report on social investments in Russia. Integration of CSR in corporate strategy. M., 2008. In Russ.

18. *Rother M., Shook J., Womack J., Jones D.* Learning to See: Value Stream Mapping to Add Value and Eliminate MUDA. Massachusetts: Lean Enterprise Institute. 1999.

19. Russian Union of Industrialists and Entrepreneurs. Decent Work – Sustainable Business. Corporate practices collection, 2020. Available at: <http://en.rspp.ru/download/cff5605f4c289703adee957e0a923e57/> (accessed: 27.05.2020).

20. *Votchenko E.S., Bogdashev I.V.* Social investments at a glance: reviewing Russian perspectives. *RUDN Journal of Economics*, 2018, 26 (1). P. 47—60. DOI: 10.22363/2313-2329-2018-26-1-47-60.

UDC 338.49

CURRENT STATE OF THE RUSSIAN ECONOMY'S TRANSPORT INFRASTRUCTURE

N.G. GLUSHICH, Candidate of economic sciences (Ph.D.), Associate professor, Associate professor of department of economic theory and methodology, Nizhny Novgorod state University.

N.I. Lobachevsky, National research University
e-mail: gln@yandex.ru

T.P. LOGINOVA, Candidate of economic sciences (Ph.D.), Associate professor, Associate professor of department of economic theory and methodology, Nizhny Novgorod state University.

N.I. Lobachevsky, National research University
e-mail: taanya1@yandex.ru

N.A. UDALOVA, Candidate of economic sciences (Ph.D.), Associate professor, Associate professor of department of economic theory and methodology, Nizhny Novgorod state University.

N.I. Lobachevsky, National research University
e-mail: n.udalova@inbox.ru

A.S. UDALOV, Candidate of economic sciences (Ph.D.), Associate professor, Associate professor of department of economics of enterprises and organizations, Nizhny Novgorod state University.

N.I. Lobachevsky, National research University
e-mail: udalov.a@inbox.ru

Abstract

The article considers the transport infrastructure of the national economy. Its significance in the strategic development of the national economy is revealed. The article analyzes the features of transport infrastructure in Russia and its current state. The authors highlight the main problems of transport infrastructure development in our country and substantiate the role of the state in its development.

Keywords: *infrastructure, transport, depreciation, investment, modernization, economic growth, state regulation.*

References

1. *Anderson N.* Infrastructure of Russia at the crossroads-the key to modernization. USRBC White book. Washington, 2010. P. 8—13.

2. Association of sea trade ports Available at: <http://www.morport.com/rus/content/statistika> (accessed: 19.05.2020).

3. *Buzmakova M. V.* Socio-economic prerequisites for the development of innovative economy in Russia // Socio-economic prerequisites and results of the development of new technologies in the modern economy. Materials of the all-Russian scientific conference with international participation. 2019. Nizhny Novgorod: publishing house: nazon. research. Nizhegor. Lobachevsky University, 2019. P. 14—18.

4. Web portal and forum for transport and logistics. Trans.INFO Available at: <https://trans.info/ru/obzor-rossiyskogo-transportnogo-sektora-v-2019-itogi-poslednih-let-i-perspektivy-na-blizhayshie-gody-168166> (accessed: 31.05.2020).

5. World Bank. World development indicators Available at: <http://wdi.worldbank.org/table/4.2> (accessed: 22.05.2020).

6. Unified interdepartmental information and statistical system (EMISS) state statistics Available at: <https://www.fedstat.ru/indicator/59080> (accessed: 25.05.2020).

7. *Zolotov A.V.* On the main contradiction of economic development and its actual manifestation. Bulletin of the

Lobachevsky University of Nizhny Novgorod. Series: Social Sciences. 2016. no. 3(43). P. 17—25.

8. Infrastructure of Russia: development index 2019. Analytical review. InfraOne Research. Moscow, 2019. Available at: https://infraone-research.ru/index_id/2019 (accessed: 22.05.2020).

9. *Kondratev V.B.* Infrastructure and economic growth. World economy and international relations. No. 11. 2011. P. 18—24.

10. *Lyadova E.V.* Criteria for determining the economic efficiency of infrastructure. Forecasting innovative development of the national economy within the framework of rational environmental management [Electronic resource]: Materials of the VI international conference. scientific-practical Conf. (27 Oct. 2017). Perm: publishing house of Perm state national research. UN-TA, 2017. Available at: <https://elis.psu.ru/node>. P. 217—225 (accessed: 10.06.2020).

11. Ministry of transport of the Russian Federation

Available at: <https://www.mintrans.ru/activities/gos-progs/11/12> (accessed: 19.05.2020).

12. Overview of Maritime transport. UNCTAD // UN: New York-Geneva, 2019. 132 p.

13. Overview of the transport industry in Russia, 2019. Available at: [https://www.ey.com/Publication/vwLUAssets/ey-transportation-services-2019-rus/\\$FILE/ey-transportation-services-2019-rus.pdf](https://www.ey.com/Publication/vwLUAssets/ey-transportation-services-2019-rus/$FILE/ey-transportation-services-2019-rus.pdf) (accessed: 22.05.2020).

14. *Skorbygina N., Kostrinsky G.* Infrastructure minus virus. Kommersant. № 81. 08 may 2020. P. 1.

15. Transport in Russia. 2018: Stat. sat. Rosstat. M., 2018. 101 p.

16. Federal state statistics service of the Russian Federation. Available at: <https://www.gks.ru/> (accessed: 19.05.2020).

17. Experts: the transport strategy until 2035 is implemented with large investments by the state. March 27, 2020. Official website of the TASS news Agency. Available at: <https://tass.ru/ekonomika/8093595> (accessed: 22.05.2020).

UDC 334.7:330.33(075.8)

BUSINESS-PLANNING OF SMALL BUSINESS: THEORY AND PRACTICE

*E.V. BONDARENKO, Candidate of economic sciences (Ph.D.), Associate Professor, Associate Professor of World Economy and Management Department, Kuban State University
e-mail: elenavbondarenko28@gmail.com*

Abstract

Successful business is determined by many components. Business planning has a special role to play. The peer-reviewed textbook (Textbook by A.K. Kochieva, E.N. Alexandrova «Business Planning of Small Businesses») reveals the theoretical and practical aspects of small busi-

ness plans. The issues of planning, organization theory, small business planning tools, market analysis approaches, marketing and sales strategy, production plan, organizational plan, financial plan, risk analysis are considered.

Keywords: *business plan, organization, business plan methodology, business plan content.*

УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ

в журнале «Экономика: теория и практика»

Уважаемые авторы!

В журнале публикуются научные статьи по актуальным проблемам мировой и российской экономики, экономической теории, финансов, менеджмента, маркетинга, логистики и предпринимательства. К изданию принимаются только ранее неопубликованные статьи на русском языке, не представленные к рассмотрению в другие журналы.

Журнал выходит 4 раза в год. Сроки приема статей:

в №1 — до 15 февраля;

в №2 — до 15 мая;

в №3 — до 15 сентября;

в №4 — до 15 ноября.

Сроки приема статей могут быть сокращены редакцией при досрочном достижении предельного объема номера журнала.

В одном номере журнала может быть опубликована только одна статья одного автора.

Статьи, публикуемые в журнале «Экономика: теория и практика», проходят обязательное рецензирование (подробнее в «Положении о рецензировании»), тестируются на оригинальность текста программой «Антиплагиат». Рекомендуемый уровень — не менее 90 %.

Максимальный объем статьи — 40 тыс. знаков, включая пробелы (1 п. л.), минимальный — 0,5 п.л. (10 стр. А4).

Статьи публикуются только при положительной рецензии. Публикации платные. Плата за издательско-редакционные услуги — 600 р. за страницу формата А4, оформленную по требованиям редакции. Оплата производится через Сбербанк РФ по договору, высылаемому автору при включении статьи в очередной номер.

Плата за публикацию не взимается с:

– аспирантов очной формы обучения (бюджет) при предоставлении оригинала справки из отдела аспирантуры вуза;

– членов редакционного совета, редакционной коллегии и редакции журнала «Экономика: теория и практика».

мика: теория и практика».

Представленные статьи должны включать: индекс УДК, сведения об авторах, аннотацию, ключевые слова, основной текст публикуемого материала, список литературы (*прил. 1*).

Сведения об авторах должны содержать следующие элементы (*прил. 2*).

Аннотацию помещают перед текстом рукописи после заглавия и сведений об авторе(ах). Объем аннотации не более 500 печатных знаков, включая пробелы. Ключевые слова (5—7) помещают отдельной строкой после аннотации перед текстом статьи. Ключевые слова приводятся в именительном падеже.

Библиографический список (в алфавитном порядке) помещается после текста статьи и должен соответствовать ГОСТ Р 7.0.5–2008 (*прил. 3*). Ссылки на источники оформляются по тексту в квадратных скобках. Постраничные ссылки на источники не допускаются.

Название статьи, сведения об авторах, аннотация, ключевые слова и список литературы на английском языке представляются в конце статьи.

Статьи должны быть подготовлены в текстовом редакторе Word в формате А4. Параметры страниц: все поля — 2,0 см; ориентация — книжная; шрифт — Times New Roman, выравнивание — по ширине; кегль — 14; межстрочный интервал — 1,5; абзацный отступ — 1, 2 см. Автоматический перенос, зона переноса — 1 см, максимальное число переносов подряд — 3. Рисунки, таблицы и формулы набираются в редакторе Word. Рисунки и графики группируются, представляются только в черно-белом варианте.

Статьи направлять в электронном виде: *Фамилия автора_статья.doc* и *Фамилия автора_анкета.doc* по адресу e-mail: econ_tp@mail.ru.

Статьи, оформленные без соблюдения указанных требований редакцией не рассматриваются.

Редакция

ПРИМЕР ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

УДК 336.717

**МИРОВАЯ ВАЛЮТНАЯ СИСТЕМА КАК ИСТОЧНИК
СОВРЕМЕННОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА**

Э.Н. Терещенко, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры мировой экономики и менеджмента, Кубанский государственный университет

e-mail: yourn@yourmail.ru

А.А. Иванова, аспирант кафедры финансов и кредита, Кубанский государственный университет

e-mail: yourn@yourmail.ru

Аннотация

В статье выявляются проблемы действующей валютной системы, обосновывается необходимость её реформирования. Рассматриваются варианты новой мировой валюты, основанные на различных принципах. Показывается, что ни СДР, ни национальные, ни коллективные валюты не способны выполнять роль мировой резервной валюты. Авторы приходят к выводу, что настоящий кризис является затяжным и будет преодолен только переходом мировой экономики к новой валютной системе.

Ключевые слова: *мировая валютная система, трансформация, финансовый кризис, резервная валюта, национальная валюта.*

ТЕКСТ СТАТЬИ**Библиографический список**

1. *Ильшева Н.Н., Ильменская А.В.* Применение консолидированной отчётности по РПБУ для оценки результатов деятельности банковской (консолидированной) // *Международный бухгалтерский учёт.* 2009. № 2. С. 37—41.
2. Письмо Банка России от 07.05.2008 № 15-1-3-16 / 2271 «Об оценке кредитных рисков в банковской группе» на запрос Ассоциации российских банков от 20.03.2008 № А-02/5-166.
3. *Прудникова А.А.* Инвестиции в условиях открытой экономики // *Проблемы прогнозирования.* 2007. № 3. С. 140—146.
4. Торговая политика и значение вступления в ВТО для развития России и стран СНГ / под ред. Дэвида Г. Тарра. М.: Весь Мир, 2006.
5. Указание Банка России от 16.01.2004 № 1376-У «О перечне, формах и порядке составления и представления форм отчётности кредитных организаций в Центральный Банк Российской Федерации», зарегистрировано в Минюсте России 23.01.2004 № 5488.

UDC 336.717

WORLD CURRENCY SYSTEM AS A SOURCE OF THE MODERN ECONOMIC CRISIS

E.N. Tereshchenko, Doctor of Economic Sciences, Professor, Professor of chair of World economy, Kuban State University

e-mail: yourn@yourmail.ru

A.A. Ivanova, graduate student of chair the Finance and the credit, Kuban State Agrarian University

e-mail: yourn@yourmail.ru

Abstract

The article identifies the problems of action-ing of the monetary system, justifies the need for reform. Are examined options for a new world currency based on different principles. Being shown that neither the SDR nor national, nor the collective currency is not able to perform the role of world reserve currency. The authors conclude that the present crisis is-etsya lengthy and will be overcome only move the world economy to a new monetary system.

Keywords: *world monetary system, transformation, financial crisis, reserve currency, national currency*

References

1. *Ilysheva N.N., Ilmenskaya A.V.* Using the consolidated financial statements prepared in accordance with Russian Accounting Standards for the value of the financial results of the Bank (consolidated) Groups // *International Accounting*. 2009. № 2. P. 37—41.
2. Letter of the Central Bank of Russia № 15-1-3-16 / 2271 dated 07.05.2008 «On the value of credit risks in the Bank (consolidated) Group», for the request of Russian Banks Association № A-02/5-166 dated 20.03.2008.
3. *Prudnikova A.A.* Investing in an open economy: Problems of Forecasting. 2007. № 3. P. 140—146.
4. Trade policy and the importance of accession to the WTO for the development of Russia and CIS countries / ed. David G. Tarr. M.: All World, 2006.
5. Direction of the Central Bank of Russia №. 1376-U dated 16.01.2004 «On the List, Forms and Procedure of Drawing up and Submission of the Forms of Reports of Credit Organizations to the Central Bank of the Russian Federation», registered in Ministry of Justice of the Russian Federation 23.01.2004 № 5488.

В редакцию журнала
«Экономика: теория и практика»
от автора(ов)
Фамилия, Имя, Отчество

Направляю(ем) статью «**Управление инвестиционными финансовыми потоками холдинга**» для публикации в журнале «Экономика: теория и практика».

Статья ранее не публиковалась. В другие журналы на рассмотрение не представлена.

С публикационной этикой журнала ознакомлен(ы). С условиями публикации согласен(ны).

Против воспроизведения данной статьи в других средствах массовой информации (включая электронные) не возражаю(ем).

На гонорар не претендую(ем).

В случае публикации статьи авторские экземпляры журнала прошу(сим) выдать в редакции журнала (выслать по адресу: индекс, город, улица, дом, квартира).

Дата Ф.И.О. автора(ов)

АНКЕТА АВТОРОВ

1. Фамилия Имя Отчество;
2. Место работы (учёбы) (для аспирантов форма обучения, для магистрантов — программа и курс);
3. Должность;
4. Учёная степень;
5. Учёное звание;
6. Почтовый адрес (с индексом);
7. Тел. дом.
8. Тел. моб.
9. e-mail

Дата Подпись

**ПРИМЕРЫ ОФОРМЛЕНИЯ ССЫЛОК
в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка.
Общие требования и правила составления»**

Статья в журнале

Демьяненко А.Н. Пространственная экономика: эволюция подходов и методология // Экономическая наука современной России. 2010. № 3 (50). С. 7—26.

Книга, монография

Мотовилов А.Н., Погодина Р.Ф. Инвестиционный потенциал региона. СПб: Питер, 2015. 180 с.

Диссертация

Кудрявцев Ю.Н. Совершенствование механизма стимулирования инвестиционной активности промышленных предприятий: дис. ... д-ра экон. наук. М.: ВШЭ, 2011. 345 с.

Автореферат диссертации

Андреев С.В. Совершенствование налогового стимулирования малого инновационного предпринимательства: автореф. дис. ... д-ра экон. наук. М.: ВШЭ, 2012. 40 с.

Тезисы доклада

Владимирова А.П. Факторы, влияющие на экономическую безопасность региона // Тезисы докладов V международной научно-практической конференции. М.: МГУ, 2010. С. 253—259.

Переводное издание

Кэмпбелл В.Ф. Инвестиционная стратегия корпорации в условиях глобализации: пер. с англ. М.: Экономика, 2014. 282 с.

Раздел книги

Нечаев А.Б. Методика оценки инвестиционной привлекательности предприятий // Инвестиционная привлекательность предприятия. М.: Экономика, 2011. С. 12—34.

Раздел отдельного тома многотомного издания

Иванов С.В. Управление маркетинговыми инновациями // Управление инновациями. М.: Прогресс, 2012. Т. 2. С. 120—163.

Издание, не имеющее индивидуального автора

Малое предпринимательство в России. М.: Росстат, 2012. 120 с.

Электронные ресурсы

Реестр региональных организаций, образующих имущественную инфраструктуру поддержки МСП. URL: <http://corpmsp.ru/infrastruktura-podderzhki/imushchestvennaya-infrastruktura> (дата обращения: 15.05.2020).